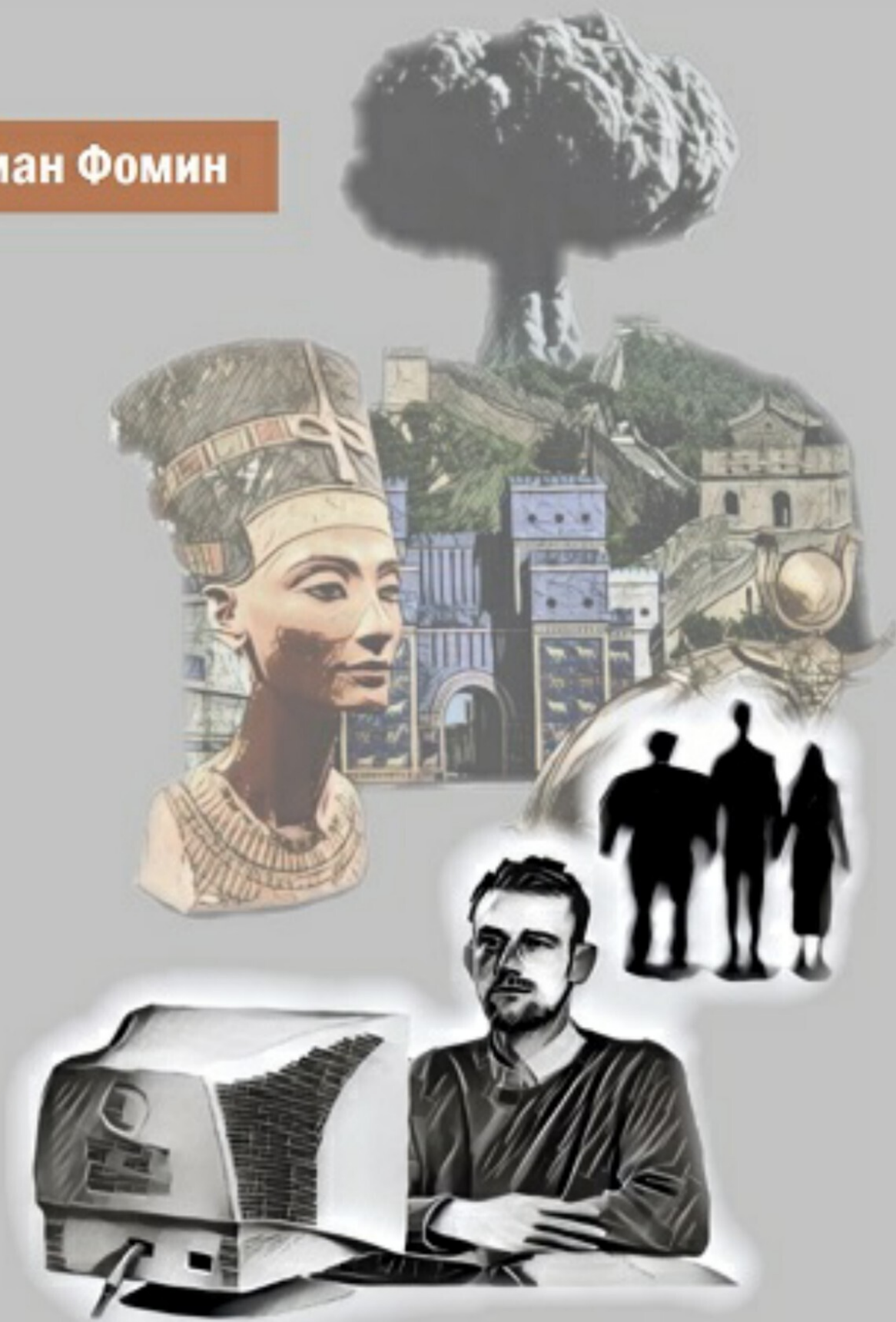

Роман Фомин

ТЕОРИЯ КВАНТОВЫХ СОСТОЯНИЙ

2018 г.

Роман Фомин

Теория квантовых состояний

«Автор»

2018

Фомин Р.

Теория квантовых состояний / Р. Фомин — «Автор», 2018

Рядовой научный сотрудник. Рядовой российский ВУЗ. На стыке прошлого и нынешнего века. Новая исследовательская тема и любопытные посетители. Такое уже случалось раньше, в Новом Царстве и Третьем Рейхе. Кто-то пишет за тебя историю твоего научного открытия, а ты лишь торопишься, бежишь за неведомым призом, чтобы не дай бог его не получить.

© Фомин Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Мои детство и юность	18
Глава 3. Анатолий и Катя	29
Глава 4. Никанор Никанорыч на кафедре	44
Глава 5. Столпотворение	55
Глава 6. Азар	79
Глава 7. Отрочество	95
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Вступление

История эта, несмотря на некоторую болезненную схожесть с реальной, должна рассматриваться читателем исключительно, как выдуманная. Любая другая ее интерпретация – совпадение мест, имен или событий; сильнейшее желание ее, истории, материализации; либо, что совсем уж из ряда вон, твердая уверенность, что иначе и быть не может, – не имеет под собой никакой другой основы, кроме чрезвычайно развитой фантазии читателя, в свете чего и полагается разбирать все аргументированные выкладки и доказательства на тему.

Хотелось бы отметить, что рукопись эта пылилась нечитанной с десятков лет, а потому, во избежание совсем уж фантазмагорических гипотез и, чего доброго, упреков, нелишним здесь будет привести контекст времени, в котором описываемые события происходили – первые годы двадцать первого века. Время непростое, тяжелое, однако же, не лишенное некоторых уникальных своих черт и даже романтики.

Ну и в завершении упомяну, что научные изыскания, приведенные в данном произведении, претендуют лишь на то, чтобы быть рассмотренными в контексте сюжета, а никак не подвергнуться суровой критике уважаемых и талантливых ученых, которые, по разумению и чаяниям автора, а также банальнейшей теории вероятности, должны будут составить часть читающей аудитории.

Глава 1. Знакомство

Итак, рассмотрим нагловатого вида типа, в меру упитанного, быть может чуточку даже сверх меры. Вот он сидит напротив вас в столовой, смотрит как бы на вас, а как бы и вовсе мимо, однако, это его «невнимание» сильно вас задевает, нервирует, прямо-таки до бешенства доводит, но вы не подаете виду, вы ведь культурный человек, глядите совсем в другую сторону, хотя нервничаете порядочно, доведены уже, что греха таить, до белого каления, и хочется уже подойти и плеснуть в наглую харю кислый столовский чаек, размазать по физиономии недоваренную, но успевшую пригореть кашу, и сказать все, что при этом говорят.

Вот так, глупо, или может быть не глупо, а всего лишь буднично, началась эта история, повлекшая за собой цепь спорных, необъяснимых событий. Часть этих событий, впрочем, трудно трактовать как взаимосвязанные, однако же рассматривать их как случайные есть просто насмешка над теорией вероятности, которая даст вам мизернейший результат, попытайтесь вы подсчитать возможность их, событий, появления, в одно время в одном месте.

Был обычный сентябрьский денек, ничем он не был примечателен, разве что погода была против обыкновения хороша. В университете в тот день студентов было немного – что там делать в начале учебного года – в общем, отличный выдался денек.

Я возьму на себя смелость не уточнять некоторых совсем уж частных деталей относительно местоположения, где произошли описываемые события. Причина здесь проста и откровенно корыстна. Не хотелось бы мне бросать длинную и неоднозначную тень на стены любимого моего университета, подавая эти «из ряда вон» обстоятельства, под гарниром из честных географических подробностей. Потому я не конкретизирую «где», остановившись лишь на «что».

Биографию свою, однако, я в обязательном порядке приведу со всей сознательностью автора, но сделаю это чуть позже. Для вступительной части истории, достаточно будет того, что я, Борис Петрович Чебышев, старший преподаватель кафедры «Автоматизации и Информатики» нашего ВУЗа, коротал обеденный перерыв, в скверной, противопоказанной по всем статьям гигиены, если есть такие статьи, студенческой столовой, пытаюсь протянуть время. Вышло пресквернейше, потому что обед в тот день в столовой, он же и завтрак, был даже дряннее обычного. Впереди, после перерыва, у меня были еще две лекции, в желудке с самого утра пусто, а тут еще совершенно наглый тип – очевидно от меня ему что-то было нужно. Может, родитель какой-нибудь за дитя свое ходатайствует, думал я, ковыряя алюминиевой ложкой в противной желтой каше. И задолженников с прошлой сессии, таких чтобы ходили, упрашивали, что-то не припоминается.

Тип, тем временем, заискивающе улыбнулся и, буквально, переметнул свою пятую точку на свободный стул моего столика, вызвав противнейший визг металлических ножек по половому кафелю. Я отметил, что пиджачок и брючки на нем потрепанные, выдавшие лучшие времена – вряд ли ходатайствующий родитель.

– Позволите? – довольно бесцеремонно осведомился он надломленным голосом неопределенной тональности.

Я поднял на него строгий взгляд. Позволю ли я? Что, спрашивается? Пересесть? Так он уже это сделал. Или обратиться? Это, между прочим, он сделал тоже своим противным: «Позволите?»

– Прошу простить, милостивый государь, – продолжил он вдруг тонким, как-то даже неприличествующим ему голосом, – что оторвал вас от трапезы, однако дело мое требует вашего скорейшего внимания, а то и вмешательства!

Я по-прежнему молчал, а в голове роились мысли. Ничего, впрочем, конкретного, одни только предположения. Может участковый? Не похож. Или из ректорского крыла по мою душу

пожаловал? Текущий месяц сентябрь немедленно поломал мою неокрепшую вторую теорию. Ректорское крыло мало интересовалось жизнью рядового преподавательского состава в начале учебного года. Своих забот хватало. Так я сидел и смотрел на него, суетливого, заискивающего, а он распинался предо мною как только мог:

– Вообразите только, Борис Петрович, что творится. Грядут наиважнейшие, жданные-пережданные события, а поглядите-ка вокруг. Черт знает что! Люди склабаются, нервничают, бардак, грязь, неразбериха. А ожидается-то все совсем по-другому. Ожидается-то все как раз наоборот. Последовательно, по порядку, по правилу. А тут такое! Вот вам пример глупейший: на улице только что студент на иномарке обдал меня грязью из лужи. И умчался, не оглянувшись даже. Куда это, Борис Петрович, годится? Я уж о костюмчике молчу. А он, костюмчик-то, не казенный. Костюмчик-то купленный на рубчики. На командировочные, между прочим. Ужас!

Я выпустил, наконец, из рук алюминиевую столовскую ложку, после которой осталось неприятное ощущение на пальцах. Чего, спрашивается, нужно от меня этому типу? Есть разве мне дело до его костюмчика и командировочных? Хотя, если честно, студенты в последнее время совсем обнаглели. Ведут себя по хамски, преподавателей не уважают ни на столечко. Вот тебе и «храм науки и образования». Студент едет на учебу на иномарке, а преподаватель на трамвайчике. Как там у Чуковского: «зайчики в трамвайчике...»

– Полный кавардак, – угодливо кивнул незнакомец и хихикнул.

– Что, простите? – не понял я.

– Я говорю – не правильно все это, – сказал он, – Не по-людски. То есть, может, и по-людски, но не по-человечески. Зайчики, понимаешь, в трамвайчике, волки на метелке.

Мне и в голову не могло прийти, что я размышлял вслух. Это известие, признаюсь, повергло меня в некоторое уныние: вот, значит, начинается. Здесь забылся, там не вспомнил. Так он и подкрадывается незаметно, вкрадчиво – склероз. Вроде совсем не старый еще, странно как-то. Руку бы на отсечение отдал, что молчал, а оказывается – бормотал.

Видимо, мое подурневшее настроение передалось моему соседу, потому что лицо его стало совсем кислым, он сгорбился, притих и только соблезнывающе поглядывал на меня прежним искательным взглядом. И так мне противно стало от такого его поведения, что я немедленно расправил плечи, поднял голову и еще строже чем прежде глянул на него.

– Какое, собственно, у вас ко мне дело?

Тот аж подскочил на месте.

– Да! – воскликнул он совсем каким-то третьим голосом. – Великолепнейше, Борис Петрович! К делу! За что и дорог.

Меня, надо сказать, начало уже порядком утомлять его словоблудие. Человек он, конечно, был необычный, если не сказать странный, однако, время он подобрал не подходящее для своих чудачеств. Две лекции, безобеденный перерыв, а тут еще мысли вслух, ни с того ни с сего мне на голову свалившиеся.

– Дело, Борис Петрович, не терпит отлагательств, – полушепотом затараторил он, вытянувшись ко мне через стол. – Дело горит, то есть пока еще не горит, но дымит уж вовсю. Свербит, родное. На полке пылилось тыщу лет. И давно пора бы с ним покончить, если уж совсем по-честному, да все руки не доходят, голова забита черт знает чем, сумятица, сумбур, голово-мойка! А ведь есть же план. План-то уж на все, про все, давным-давно составлен. Признаться, не ахти какой, но все же план. И заверенный, между прочим, высочайше! Не перекроить, не подогнать, не перестроить, не подсократить. Всем про него известно, все на него рассчитывают, все надеются. Нельзя подвести-то. Тут ведь раз подведешь, и доверия к тебе – нема! Такая история.

Я слушал его абракадабру, сквозь неожиданно налетевшие мысли о том, что надо бы пойти разругаться с поварихой Валентиной Палной застряпню ее, что время летит незаметно,

что раньше все было по-другому – и столовая эта, и люди. Каким-то образом в голове моей перемешались мой несуразный собеседник, моя, не менее несуразная, жизнь преподавателя высшей школы и несуразная наша столовая, давно превратившаяся в пункт раздачи бесплатных завтраков, обедов и ужинов работникам этой самой столовой.

– Вот вы вздыхаете, Борис Петрович, – тут же подхватил незнакомец. – Вам-то она конечно по боку, ситуация эта. Уж я-то вас понимаю. Мне, думаете, больше всех надо? Мне может хотелось бы сейчас другого вообще. Мне, может, всегда хотелось чего-то другого, но разве меня спросил кто? Не спросил, и не спросит. Как там в пословице говорится, гриб – так и место твое там же – в кузове. А, может, он хоть и гриб, но совсем другое у него желанье и назначение. Может, он другой какой гриб, не тот, для которого кузовок-то, а?

– Поганка, – ни с того, ни с сего брякнул я.

Он встрепенулся.

– Ну-у, Борис Петрович... Отчего же сразу, если не подберезовик, то сразу уж и поганка. Можно и понезлобивее ведь выбрать. Опенок, скажем. Не ахти что, но ведь и не поганка. Мухомор, хотя бы взять, – ведь чудная же вещица. Если к нему с умом, то никакой тебе подберезовик не нужен. А вы сразу – поганка, – на лице его проступило лукавство.

– У вас ко мне какое-то дело? – спросил я, уже смягчаясь.

Оттаял я к нему как-то после грибной темы. Чиновнишка, конечно, заскорузлый, прожженный, но ведь не потерял еще человеческого понимания. Способен еще к остроумию, если угодно, рассуждению. И ум, вроде как, живой просвечивает из-под сросшихся бровей.

– Вот и хорошо! Так оно и правильнее, Борис Петрович. Дело оно, как говорится, и в Африке, что на Ямайке. Дело оно все здесь, – он похлопал ладонью по невесть откуда возникшему у него в руках поношенному кожаному портфелю.

– Вы по поводу кого-нибудь из студентов? – спросил я.

– Никанор Никанорыч, – он приподнялся со стула и вот так в полуприсяде протянул мне пухлую руку. – Так легче будет запомнить. Я по поводу сразу всех.

Рука его была полной, однако, не мягкой, как я ожидал. Даже, пожалуй, не слабее Толи нашего с кафедры руку он мне пожал. А Толя-то – спортсмен, ветеран академической гребли, у него те еще ручищи.

Никанор Никанорыч вернулся на стул и по-шпионски огляделся по сторонам, чем немедленно привлек внимание двух студенток за столиком в отдалении. Они безотлагательно принялись перешептываться и хихикать, каверзно поглядывая на меня и моего собеседника. Вернее перешептывались они и до этого, но теперь предметом перешептывания несомненно стали мы с Никанором Никанорычем, а возможно и только я, преподаватель, оказавшийся в глупой ситуации.

– Здесь, Борис Петрович! – зашептал мой собеседник, вытягиваясь ко мне и похлопывая по крышке портфеля, – Отмечено, расписано, как и где, кому и кто, зачем и почему. Выделите время, читните вечером или между лекциями выкройте время. Об одном вас слезно умоляю, Борис Петрович – не затягивайте. План-то он, хоть и старенький, и отжил, конечно, однако ж работает, соблюдается. И от него ни шагу нельзя. Может, оно и не так вообще задумывалось, не так планировалось, но уж, как понято, было, тому, значит, и следуем. А может и к лучшему, что не так, как задумывалось? Может попроще будет, не так хлопотно, а? Ну вы тогда почитайте, Борис Петрович, а я пойду. Дела, знаете ли, дела. Дел-то по горло, дел-то выше крыши! А я на днях забегу обсудить и решить, как дальше-то мы с вами будем.

И, сунув мне свой портфель, тощий, с блестящими желтыми застежками, Никанор Никанорыч, как был в полуприсяде, мелкими шажками направился к выходу, заговорщицки мне кивая. При этом он старался не повернуться ко мне спиной, отчего его исход из столовой выглядел одновременно комично и странно. Уронив стул и своротив стол, Никанор Никанорыч напоследок помахал мне рукой и скрылся в коридоре. Пребывая в состоянии полнейшего недо-

умения, я посмотрел на студенток. Те молча глядели на меня. Получилась какая-то длинная неловкая пауза. Потом, то ли мне стало не до них, то ли они потеряли ко мне всякий интерес, а только открыл я портфель и обнаружил в нем среди множества отделений, мягких и твердых, одну единственную вещь. Библию, с множеством закладок из сложенных полосок фольги. Почему-то, открывая книгу на последней закладке, я совсем не удивился, наткнувшись на «Откровение Иоанна Богослова».

***

Такой сценой, претендующей скорее на бытовую шалость, чем на любую иную интерпретацию, началась моя история. И я, пожалуй, не стал бы садиться за это повествование, ибо не стоит сама по себе сцена эта выеденного яйца, если бы не последовало за ней в весьма близком будущем продолжения. Поэтому я снова отодвину момент ознакомления читателя с собой, Чебышевым Борисом Петровичем, и позволю себе сначала пересказать эпизод, последовавший за случаем с портфелем. Эпизод, который, с субъективной моей точки зрения, и обозначил необходимую цементирующую скрепу в цепи моих скептических рассуждений ученого. Обосновал, иными словами, необходимость ее, истории, изложения.

Около месяца минуло после встречи с Никанором Никанорычем. Дни мелькали перелетными птицами, исчезая один за другим в серой осенней дали. Кончился сентябрь, потянулся холодный голый октябрь. Со дня на день обещали снег, погода стояла промозглая.

Я к тому времени и забыть забыл эпизод в столовой. Остался, правда, какой-то неприятный осадок, привкус что ли, от всей этой истории. Нелепость происшествия переплеталась с ее же обыденностью, а потому выкинуть его из головы, как, скажем, анекдот глупый, я не мог. Однако Никанор Никанорыч, ретировавшись тогда в столовой, пропал, точно единственной его задачей была передача мне дряхлого портфеля с Библией.

Дни летели и кипела работа. Причем, к вящей радости моей, в поле научной деятельности, а не только на преподавательском поприще. Задания на курсовые были успешно «посеяны» между студентами, приближалась пора семинаров, коллоквиумов и сессий, оценки промежуточных результатов.

Сидел я в преподавательской, был поздний вечер, все уже разошлись. На улице темень, а я пристроился в своем закутке, сижу, занимаюсь, просматриваю результаты тестов. Люблю я, надо сказать, задерживаться на работе вечерами. Лаборатории, конечно, в это время уже закрыты, но зато никто не мешает, не пристаёт с расспросами. В такое время прекрасно работает; наверное, только в такое время и можно по-настоящему работать.

Вдруг, неожиданно – хлоп! Я не сообразил сначала, как будто лампочка перегорела, только свет не пропал, а остался. Все как будто осталось на своих местах – и столы преподавательские, бумагой заваленные, и доска исписанная, с волнистыми разводами от тряпки, только что-то неуловимо изменилось. Я поначалу не понял, что именно, а потом гляжу – в углу, на стуле у входной двери, сидит тот самый Никанор Никанорыч и с опаской так по сторонам озирается.

Он заметил мое к нему внимание.

– Вот, так вот, Борис Петрович. Извиняюсь за нежданно-негаданное вторжение. Явился запылиться. Здравствуйте, мой дорогой.

Никанор Никанорыч поднялся и смахнул невидимую пыль со пиджака, который по моему наблюдению был тем же самым, что в столовой. Серый, поддувшийся казенный пиджачок, купленный за рубчики.

– Дело-то не ждет! Ох и дни-то летят, ох и летят, – принялся он словно бы оправдываться, – Не уследишь за всем, право слово. Только с одним покончишь, так тут же тебе – другое. Причем, в удесятеренном множестве. Как тут не позабыть обо всем, – он постучал костяшками пальцев по выпуклому лбу. – Поневоле забудешь.

Нашло тут на меня некоторое оцепенение. Сижу, глазами хлопаю, а сам думаю при этом, что же такое происходит. Всему, конечно, можно найти объяснение. В преподавательской я не запираюсь. Кто угодно может войти, безо всяких трудностей. Однако, чтобы вот так, без стука, без звука. Или я настолько отключился, заработался? Тут же вспомнился мне эпизод с мыслями вслух в столовой. Очередной неприятный звончок. Прямо-таки на глазах «вяну». А самое-то странное, что все эти признаки проявляются только в присутствии Никанор Никанорыча. Такой вот он производит эффект на меня.

– Да не переживайте вы так, Борис Петрович, – услышал я голос Никанор Никанорыча, – С кем не бывает? Рассеянность, собака! Со мной, к примеру, случается беспрестанно. Я уж и так с ней, проклятой, и эдак, а она не отстает, подстерегает, кусается, вот ведь зараза какая! – Никанор Никанорыч в сердцах прижал руку к груди, но потом опустил. – Работа научная, напряженная, концентрации требует. Возраст тут не буду приводить, однако же тоже свое дело делает. Денечки-то, они всем по порядку отпущены. То-то – тогда-то, а се-то – здесь-то.

Здесь-то ко мне и пришла мысль, что дело вовсе не во мне, а в Никанор Никанорыче. Не обыкновенный он человек. То есть, может и желает он прикинуться обыкновенным, пытается, силится всеми своими телесами, а только не выходит у него ничего. Не может обыкновенный человек мысли читать, а в том, что Никанор Никанорыч это делает, причем не в первый раз, я почти уже не сомневался.

Никанор Никанорыч, точно в ответ на мои размышления, замолк. А потом растянул физиономию в плутовской улыбке.

– Догадались, Борис Петрович? Догада-ались! Не мудрено – воспитание, образование, проплешина вон зачинающаяся. Да и сам я хорош. Мне бы сдержаться, не подавать виду, а я не могу. Не умею, не научен, не впитал, как говорится, с ремнем отца. Ну да ладно, так-то оно может и к лучшему. Так-то оно верней.

Заинтересовал меня Никанор Никанорыч в этот самый момент. Я, хотя и верный служака науки, не являюсь сторонником однозначно материалистических теорий о человеке, его природе и способностях, а потому всегда воспринимаю такие вещи, хотя и с изрядной долей научного скептицизма, но с любопытством, оставляя, так сказать, калитку открытой. По правде сказать, скептицизм в этом моем взгляде всегда одерживал верх. До этого дня.

– Тогда, давайте сразу к делу, Борис Петрович, – он прошел мимо рядов столов, и «приземлился» на ближайший стул, через стол от меня.

Моя столешница была завалена бумагами. Помимо работ студентов, которые я просматривал, на нем расположились книги по теме моей научной работы – искусственные нейронные сети, их модели и способы масштабирования. Поверх этого лежала пачка листов формата А4 с распечатками программного кода нашего лабораторного стенда, с местами, помеченными карандашом. Следы нашего утреннего спора с Толей, коллегой по кафедре.

Никанор Никанорыч ткнул пальцем в верхний лист.

– Наука! – сказано это было тоном полнейшего профана. – Как успехи? Слышал, вы статью опубликовали? Похвально. Но, давайте-ка вернемся к тому, собственно, зачем я здесь.

Он постучал указательным пальцем по боковой поверхности моего письменного стола.

– Литературка, Борис Петрович, была вам дадена, с литературкой вы ознакомились. Скажите теперь, что вы обо всем этом думаете?

Я не сразу сообразил, что постукиванием этим обозначил он местонахождение своего портфеля, который с той самой первой встречи, уложил я в стол, на полку для документов с внутренней стороны.

Я закашлялся от неожиданности нагрянувшего на меня понимания, что знать о местонахождении портфеля Никанор Никанорыч ну никак не мог. Знал об этом я один.

– Что, простите? – переспросил я.

– Ну, вот тебе, здарсьте! – Никанор Никанорыч фыркнул. – Вот тебе приехали. А ведь говорил же, Борис Петрович, специально подчеркивал, заострял внимание. Литературка в портфельчике, одна штука, была? Была. Закладочки из фольги, вчетверо сложенные, семь штук, были? Были. А вот прочесть, ознакомиться не удосужились, Борис Петрович. Не нашли, так сказать, времени, заработались, закрутились, запамятовали. А ведь времени-то было вам выделено предостаточно. Как же так, Борис Петрович? Нехорошо, – он с укоризной покачал головой.

Я даже перестал думать про стол и портфель. Очень задело меня это его журение. Выходило уже за всякие рамки.

– Простите, Никанор Никанорыч, но может быть вы все же объясните мне: кто вы и что означают эти ваши неожиданные визиты? До этого самого момента единственное, что мне о вас известно, это то, что зовут вас Никанор Никанорычем, и в пустом портфеле вы носите Библию. Если, судя по вашему вниманию к моей персоне, у вас ко мне какое-то дело, потрудитесь по крайней мере объясниться. В противном случае, не вижу ни малейшего смысла отвечать на ваши нелепые вопросы. Кто вы, откуда и что, в конце концов, вам от меня нужно?

Довел меня Никанор Никанорыч порядком. Я вообще срываюсь не часто, но, если уж сорвусь, то держись. Все эти явления, чудачества, а теперь еще и претензии. Я, видите ли, не ознакомился с «литературкой»? Какого рожна я вообще должен с ней ознакомливаться? Кто такой этот Никанор Никанорыч? Я и вижу-то его второй раз в жизни.

Никанор Никанорыч тем временем притих и как-то отклонился назад. Может он и вправду телепат и мысли мои читает, только вот все мои мысли теперь были на один лад. На его, Никанор Никанорыча лад.

– Г-глупейшая ситуация, Борис Петрович, – примирительно забормотал он, – Я ведь вас прекрасно понимаю. Я и сам бы закатил скандал, да еще какой. Ух, я бы закатил! – мечтательно протянул он. – Нету мне прощенья, Борис Петрович, нету. Не с того начал, не так, как приличествует, представился. Только и вы меня поймите, Борис Петрович, времени-то не осталось совсем. В делах ведь все. В пустых, праздных, но оттого нисколько не менее продолжительных и требующих внимания. А время-то, оно к окончанию подходит. Времени-то не остается. Куда ж деваться-то, Борис Петрович? Вот, и путаются порядки, вместо «здарсьте», кричим «за работу», вместо «спасибо» – «живее».

Тихонько крякнул стул под Никанор Никанорычем. Это был Толин стул, нашего гребца. Толя относился к стулу трепетно, ухаживал за ним, берег. Дважды он собственноручно ремонтировал свой стул, саморезы покупал в хозяйственном, когда тот не выдерживал своего могучего седока. А теперь вот Никанор Никанорыч.

Я сжалился немного над ним, расхлыстанным, потным, точно прокисшим. И вид-то у него разбитый и виноватый, и одежонка выдавшая вида. Не смягчая выражения лица, я сказал:

– Да прочел я вашу «литературку». Не знаю, правда, та ли это «литературка», про которую вы говорите. Библия была в портфеле вашем. Библия и больше ничего. Объясните по-нормальному, в чем состоит ваше дело? И причем здесь я?

Никанор Никанорыч подвоспрял, хотя и оставался еще печален.

– Совершенно так, Борис Петрович. Библия одна штука. Изданыце тыща восемьсот девяностого года. Безвозмездный дар, надо сказать. Как не воспользоваться-то? Грех не воспользоваться.

Он наклонился в мою сторону, пристально глядя мне в глаза и в сердцах прижимая руку к груди.

– Ну скажите, Борис Петрович, скажите, что прочли вы закладенные места.

– Прочел несколько, – уклончиво ответил я.

– А про тыщу лет хотя бы прочли? – спрашивал он и в глазах его стояли слезы. – Про тыщу лет?

– Про тыщу лет? – переспросил я, судорожно вспоминая, где же там говорилось про тысячу лет.

Никанор Никанорыч неожиданно выпрямил спину и новым низким голосом провещал:

– Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской, – Никанор Никанорыч замолк. – Такие вот пироги, – надломленно добавил он после паузы, и непривычным показался этот прежний его голос после того, низкого. – Перевод подкачал, конечно. Поди разбери про что там говорится.

Я откинулся на спинку своего некрепкого преподавательского стула. Ишь ты, наизусть заучил. Между тем сам произнесенный текст никаких чувств у меня не вызвал. Разве что фоново уже подивился я манерам Никанор Никанорыча, запасы которого на репризы похоже были неисчерпаемы. Virtuозно Никанор Никанорыч, манипулировал мною. Снова мысли мои съехали с личности моего удивительного собеседника, которого, казалось бы, припер я к стенке и вывел уже на откровенный разговор, на новый предмет – «Апокалипсис». Задумался я теперь о всех тех сломанных копьях и разбитых теориях, которых навыстраивали пытливые историки и теологи за аллегоричным изложением. Переводя на современный язык, благодатная почва для писак желтой прессы это «Откровение Иоанна Богослова». Как хочешь его трактуй, что хочешь выдумывай и все словно бы верно. Все будто так и есть. Тут тебе и римляне, и Нострадамус, и второе пришествие. В том и есть парадокс веры, что обратного не докажешь. События окутаны пеленой времени ровно настолько, чтобы оставить лазейки любым домыслам.

– Об чем это вы, Борис Петрович, задумались? – проямлил Никанор Никанорыч. – Уж не о последней ли книге Нового Завета?

– Да, о ней. Но думать здесь особенно нечего. Библия – это история, записанная плохо, в легендах и сказках, порой, как любая история, подведенная под предписанные лекала, однако же – история, и никуда от этого факта не деться. И столько же раз, сколько слышим мы о ее глупостях и нестыковках, мы слышим о реальных исторических фактах скрытых за библейскими сказаниями.

Никанор Никанорыч закивал и вообще заметно повеселел.

– Совершеннейше так, милостивый государь, совершеннейше. За что и дорог, – повторил он фразу, вызвавшую мое недоумение еще в столовой. – Еще одну упомяну отвратительнейшую вещь, происходящую, к прискорбию моему, со всеми древними документами – переводы. Читаешь, бывает оригинал – все чинно, понятно. А перевели текст на другой язык – и на тебе, и подробности поползли, которых сроду не было, и персонажи зашевелились новые. Бардак с этими переводами! Возьмем этот ваш «Апокалипсис». Вот пишут «тыща лет». А причем здесь тыща лет? Ну какая к черту тыща лет, если прошло уж поди за две тыщи, а правило-то как было, так и действует, план составленный выполняется!

Я совсем не понял этого опуса Никанор Никанорыча. Тысяча лет, две тысячи. Ну и что? Легенда. Писалась-то ведь эта книга Нового Завета не объективным историком, а, чего греха таить, крайне заинтересованным лицом – Иоанном, апостолом Христа. По крайней мере такое у нее заявлено авторство.

Никанор Никанорыч зашевелился. Он выпрямился за Толиным столом и принялся задирать рукав пиджака, очевидно пытаясь добраться до часов. Пиджак отчаянно сопротивлялся.

– Не подскажите, Борис Петрович, который сейчас час?

– Десятый, – навскидку ответил я.

Никанор Никанорыч замер.

– Десятый час! Боже милостивый! Так ведь мы опаздываем уже!.. Скорее, Борис Петрович, скорее одевайтесь, запирайте преподавательскую и побежим. Заболтались мы с этой мифологией, а про самое главное-то, про нейронные сети ваши и не поговорили. А это ведь наиглавнейшее! – он засуетился, вскочил и принялся выполнять неловкие движения у моего

стола, как бы желая совершить действие, но не решаясь. – Заждутся товарищи-то, Борис Петрович!

Я не пошевелился, и даже по-моему не изменился в лице, хотя упоминание о товарищах явилось для меня полной неожиданностью. Оказывается, Никанор Никанорыч был не один. С одним-то ним, мягко говоря, полная неразбериха, а если еще его, Никанор Никанорыча, будет несколько, то можно прямо на месте свихнуться. Не говоря уже о том, что случайно ли, осознанно ли, но перескочил Никанор Никанорыч прямо с невнятных своих рассуждений о библейских книгах, на нейронные сети, предмет моих научных исканий.

Никанор Никанорыч продолжал исполнять свой дивертисмент, пытливно заглядывая мне в лицо, когда я понял наконец, что хочет он добраться до своего портфеля, который держал я почти месяц в своем столе. Я вынул сложенный вдвое тощий портфель и вручил его Никанору Никанорычу, отчего тот просветлел и двинулся меж столов к выходу. На ходу он расправил портфель, проверил как бы невзначай защелки и взбил его, словно подушку. И портфель отозвался, как-то вспух и придал Никанор Никанорычу некоторую недостающую важность.

Наблюдая торжественный исход Никанор Никанорыча, про себя я решил, что ни к каким товарищам Никанор Никанорыча я не пойду. Если требуется ему встретиться с товарищами, пусть сам к ним и отправляется. Я останусь здесь, в преподавательской, у меня еще дела есть.

По хозяйски прошествовав к входной двери, Никанор Никанорыч открыл створки стенового шкафа, где сотрудники кафедры обыкновенно оставляли одежду. В настоящее время в шкафу, цепляясь стальным крюком плечиков за перекладину одиноко висело мое пальто. Остальные плечики скучились пустые у внутренней стенки. Интересовало Никанор Никанорыча однако вовсе не мое пальто, а то, что скрывалось за ним. Он отодвинул по-хозяйски мое облачение в сторону и оказалась за ним еще одна вешалка и на ней то ли плащ то ли пальто, серенькое, невыразительное, потрепанное. Никанор Никанорыч снял его с вешалки, сунул руки в рукава и накинул на плечи. И удивительным образом к лицу Никанор Никанорычу был этот плащ, подходил к его черным стоптанным ботинкам, серым брюкам с множественной стрелкой, помятому пиджаку с короткими рукавами и портфелю, так вовремя дополнившему картину невзрачного чиновничихи.

– Не лето на улице-то, Борис Петрович. Октябрь – холодрыга! – он сунул руки в карманы и демонстративно поежился. – Так, идем? Хотите вы или нет по загвоздке вашего эксперимента с нейронной сетью, услышать квалифицированное мнение?

Работа моя в университете, помимо нагрузки в виде курсов лекций и лабораторных работ, состоит в подготовке научно-исследовательского эксперимента, его проведении и анализе результатов. Мы кропотливо формируем данные, готовим лабораторный стенд в исходном состоянии, после чего выполняем один, либо серию опытов и анализируем, сверяем, сравниваем результаты и готовим выводы, которые в свою очередь лягут в основу следующих экспериментов. Исключительно научный, последовательный и логически выверенный цикл, который при определенном количестве итераций неизменно приводит к новому знанию. Так вот скажу, что в данном случае моя логика, весь мой аналитический аппарат сбоил, и сбоил серьезно. Мало того, что Никанор Никанорыч совершенно не укладывался в принятые рамки: появлялся внезапно, говорил загадками, тыкал на статьи в Библии, что в целом, вполне можно было бы утрамбовать в определенную концепцию, так он при этом еще запросто по-свойски распоряжался в сердце моей кафедры – преподавательской, плюс был в курсе научной моей проблемы, над которой ломал я голову с Анатолием вот уже третью неделю.

– Не переживайте, будет это быстро, свидимся, представимся, решеньице предложим и делу конец. Идете?

Следующий мой поступок, наверное, можно отнести к разряду необъяснимых, я и сам бы не смог объяснить его себе, при всем желании, вот только я встал и направился к вешалке

одеваться. Я просто вдруг осознал, что никак не могу позволить себе отпустить Никанор Никанорыча.

Мы вышли из преподавательской, я занес ключи и запер кафедру. Мы пошли по длинному широкому коридору к лестнице, освещаемым неживым светом люминесцентных ламп. Штукатурка у потолка кое-где облупилась, обнажив клетчатую изнанку стен, и при виде этой запущенности мне, как всегда, становилось немножко совестно и грустно. Так разве надлежит встречать третье тысячелетие вузу, прославившемуся своими выпускниками на всю страну. Лет этак срок-пятьдесят назад здешние обитатели представляли себе рубеж тысячелетий как нечто совершенно иное, светлое, высокое. Почитать хотя бы научно-популярную фантастику тех лет. Конец двадцатого века был временем межзвездных путешествий, гиперскачков в пространстве и времени. А на самом деле? Далеко ли мы продвинулись со времен холодной войны и первого полета в космос.

Никанор Никанорыч никак не реагировал на косые мои совестливые взгляды по сторонам, на стены с подтеками, на оконные рамы в человеческий рост с облезшей краской, чей настоящий серебряный цвет можно было угадать теперь с большим трудом. Он хмурился, как гроссмейстер, обдумывающий следующий ход, и смотрел исключительно себе под ноги.

– Никанор Никанорыч, – прервал я молчание. – А куда мы направляемся?

Никанор Никанорыч махнул рукой.

– Тут недалеко. Сейчас выйдем, пару остановок на трамвае и на месте.

Выяснялось, что предстояло еще ехать на трамвае. Дальнейшие мои попытки добиться от Никанор Никанорыча вразумительного ответа ни к чему не привели.

Мы вышли в темный промозглый вечер, или, учитывая продолжительность дня в это время года, почти ночь. Перешли дорогу, пошли вдоль улицы, фонари на которой горели один через два.

Трамвайная остановка на улице Маяковского, ближайшая к университету, разместилась прямо на мостовой. Когда подходил дребезжащий трамвай, люди сходили с тротуара и поднимались в вагон непосредственно с проезжей части. Сейчас на остановке стояли два человека. Это обстоятельство могло означать две вещи: либо только что прошел трамвай и ждать следующего нам с Никанором Никанорычем придется добрых полчаса, либо сегодня просто непопулярный вечер и сейчас придет полупустой трамвай, в котором нам даже удастся сесть.

Никанор Никанорыч по-прежнему был молчалив и задумчив. На все мои расспросы он неразборчиво мычал что-то о том, как мало времени осталось и что товарищи наверное уже заждались.

Наконец, подошел трамвай. К моей радости, он был полупустым. Никанор Никанорыч бодро забрался в него и сразу же бросился к сдвоенному сиденью у окна.

– Борис Петрович, я вам место занял! – завопил он на весь вагон, хотя сидячих мест было завались.

– Никанор Никанорыч, – строго сказал я, садясь рядом. – Ответьте же наконец, куда мы едем?

– Знаете, Борис Петрович, на этот счет имеется замечательная русская пословица о любопытной Варваре и ее злосчастном носе, – в трамвае Никанор Никанорыч заметно взбодрился. – Вы не подумайте – я ваше раздражение разделяю. Едете черти куда, черти с кем. Только все свои причины имеет, Борис Петрович, все, как говорится, от светового кванта, до голубого гиганта.

Трамвай на удивление быстро проскочил обычно запруженную развилку. Народу на улицах практически не было. Одинокие прохожие мелькали в свете фар редких автомобилей. Странный какой-то был вечер. Точно все разом сговорились обойти стороной наш маршрут.

Сверкнула неонов яркая вывеска пустого магазина и трамвай, ссадив на очередной остановке всех пассажиров, кроме нас с Никанор Никанорычем, продолжил свой путь по темной безлюдной улице.

– Странно как-то, – сказал я, все еще находясь под впечатлением слов Никанор Никанорыча. – На улице народу нет совсем. Вечер все-таки. Детское время.

– А зачем нам лишние люди? Что ли помогут они нам, что ли кстати придутся? Скажу я вам, Борис Петрович, уж не знаю кто придумал, но в точку попали: меньше народу – больше кислороду.

Так он это сказал, будто пустынные улицы – его заслуга. Я покосился на него, впрочем я косился на него с тех пор, как впервые увидел.

– Если уж не говорите, куда едем, скажите хоть, что за товарищи ваши ожидают нас.

– Товарищи? – Никанор Никанорыч ухмыльнулся. – Не стану греха таить, Борис Петрович, врагу не пожелаешь таких товарищей. Таких товарищей чем меньше, тем лучше! – он повернулся к окну и укрываясь ладонью от салонного света попытался разглядеть улицу. – Что ли приехали?

Никанор Никанорыч вскочил со своего места и крикнул:

– Останавливай, вожатый! Останавливай! Приехали!

Справедливости ради скажу, что в это время трамвай подъезжал к очередной остановке. Поэтому, как бы повинуюсь оклику Никанор Никанорыча, вагон послушно остановился, параллельно объявляя остановку и распахнул створчатые двери.

– Скорее, Борис Петрович, вылезайте, – затараторил Никанор Никанорыч, которого от выхода отделял еще я, сидевший с краю – Товарищи-то мои, как вы изволили выразиться, ждать не любят. Прямо в бешенство вступают, когда ожидать приходится. Такие вот они, нетерпеливые, товарищи-то.

Мы вышли на безлюдный тротуар остановки. В стороне темнело облезлое металлическое укрытие со скамейкой, для утомленных пассажиров. В домах, вдоль дороги не горел свет, фонари светили как-то тускло, неощутимо. Словно город, начавши медленно умирать, когда мы только сели в трамвай, теперь умер окончательно.

Отчего-то в моей памяти не сохранился хлопок перепончатых дверей, противный лязг растворяющегося в ночи пустого, словно бы неживого вагона. Как будто едва мы с Никанор Никанорычем ступили на мокрый асфальт остановки вокруг не осталось ничего кроме неподвижного черного города.

Тишина, впрочем, продолжалось недолго.

Из тени фонарного столба выступила темная фигура. Высокий худощавый человек в длинном, чуть не до пят, черном пальто чинно поднял руку в качестве приветствия и направился к нам. И как-то оказался он от нас в позиции, когда лампа светила из-за его спины и совершенно не видно было его лица. Виден был только силуэт. Черный длинный силуэт с руками и вытянутой головой, судя по тени, лысой.

Никанор Никанорыч похлопал меня по плечу.

– Ну вот, Борис Петрович! Вот он – товарищ наш! – Никанор Никанорыч вытянул шею навстречу незнакомцу. – Мои приветствия с нижайшим.

– Здравствуйте, здравствуйте, – голос незнакомца был низок, бархатист, шипящ, вообще приятен на слух. Поздоровался он по-видимому с нами обоими и тут же спросил меня, – Не надоел вам, Борис Петрович, этот тип? Ведь болтун такой, что хоть уши зажимай. Хоть бы спутника своего постеснялся, ведь кандидат же наук. Каких наук, кстати?

Имя мое, судя по всему, было хорошо известно в кругах, в которых обращался Никанор Никанорыч со своими товарищами. Все знали меня по имени.

Фонари как будто стали еще тусклее и никак я не мог разглядеть лица нового знакомого.

– Технические, кандидат технических наук, – шурясь и кое-как собираясь с мыслями ответил я.

– Во! – силуэт поднял кверху длинный указательный палец.

– Да, исследует интереснейшую, перспективнейшую вещь, между прочим! – подхватил Никанор Никанорыч. – И вот поди ж ты, уперся в глупейшую стенку – бьется с коллегой своим Анатолий Санычем, программистом, третью неделю подряд...

– А тебя, значит, величают Никанор Никанорычем? – перебил силуэт так, будто тот только что представился. – Не вижу связи.

Никанор Никанорыч всплеснул руками.

– А ну их, связи эти. Больно уж все очевидно, броско уж больно. Чуть имя услышат тут же начинаются восклицания. Ахи, всякие, охи. Нужно нам что ли внимание это? Не обойтись нам что ли без него?

– Не думаю я, что обойтись, не думаю, – ответил тот. – Неужто ты и впрямь намереваешься кого-то провести своими шпионскими играми? Чушь! Но давай-ка к делу. Уперся, говоришь?

– Ага, в тупике, – Никанор Никанорыч покосился тем временем на меня. – Вы не стесняйтесь, Борис Петрович, выкладывайте как есть, не обращайтесь внимания что мы с места в карьер, – и не дожидаясь моего ответа, продолжил. – старая история, с нейронными сетями. С одной стороны вроде бы эмулировали все преимущества квантового подхода, а с другой никак не одолеют декогеренцию. Эксперимент съезжает после первой итерации.

– Подожди-ка, но ведь Борис Петрович эмулирует сеть через стенд, – немедленно включился лысый, – Это программный код, то есть. В котором правило можно скорректировать и исключить декогерентность.

Надо ли говорить, что дискуссия, частью которой я теперь являлся, носила характер обсуждения дальнейшего развития моей, по сути, кандидатской диссертации. Этой задачей я занимался последний год, вместе с напарником своим – Анатолием. Работу мою научную и связанные статьи, конечно, прочесть мог кто угодно, но вот детали проблем последних недель, знали, пожалуй, только мы с Толей, возможно еще коллеги наши с кафедры «Технической физики», с которыми вместе мы работали над математической моделью.

– Да модель уж больно точную построили, – говорил Никанор Никанорыч, – Повторяет в точности физический процесс. Процесс наблюдения, сам по себе, влияет на результат.

– Ну хорошо. А результат как и куда выводится? – спросил силуэт.

Этот вопрос, а вернее следующее за ним умозаключение, меня потрясло. Это было именно то, что я искал! Вернее мы искали, вместе с Анатолием. Вывод результата неизменно сбрасывал суперпозицию квантовых состояний сети. А что, если результат не выводить? Продолжать эксперимент! Вопрос естественно остается в том, каким образом можно заполучить промежуточные значения состояний, не считывая их из нейронной сети, но это было уже делом техники. С этим можно было работать.

Погода между тем портилась. Зарядил противный колючий полу-дождик полу-снежок, превративший окружение наше в густой туман. Мы стояли на трамвайной остановке, и могли видеть только друг друга, вся округа – дома, убегающая дорога, фонарные столбы – исчезли в серых, как дым клубах.

И из самого этого тумана, позади меня возникла еще одна фигура. Возникла без звука, без малейшего признака. Просто я вдруг обнаружил, что за спиной есть кто-то еще.

– Мое почтение, господа, – низкий чувственный голос принадлежал женщине. – Прошу прощения за опоздание. Вижу вы уже практически закончили. И, по-традиции, не стали отягощать Бориса Петровича, ни знакомством, ни представлением.

– Здравствуй, здравствуй, дорогая! – тут же вступил Никанор Никанорыч. – Зачем же раньше времени застрашивать нашего друга, кандидата наук между прочим. Технических! Всеу свое время, да будет мне позволено. И представиться и преставиться, – он хихикнул.

Я ежился, прячась в воротнике от колючего дождя. Повернув голову я разглядел пышную копну русых волос, усыпанных бусинами капель, приталенное пальто неопределенного темного цвета. Лицо разглядеть не удалось, однако же заметил я, как она вздернула подбородок, отвечая Никанор Никанорычу:

– А я все-таки представлюсь. Лилиана, очень приятно.

– Бо-Борис Петрович... – я замешкался, так как привык уже в университете представляться с отчеством, – Прошу прощения, можно просто, Борис.

– Мы поговорим еще с вами, Борис Петрович, – сказала Лилиана. – обсудим наиподробнее перспективы вашей работы. Не мне вам рассказывать, на что может быть способна правильно смоделированная нейронная сеть, развернутая на достаточно мощном оборудовании.

В это время надвинулась на нас еще больше тень первого непредставившегося товарища Никанор Никанорыча. Ветер вколосил в мое лицо тысячи иголок-капель, и совсем стало темно и не видел я уже Никанор Никанорыча даже, не говоря уж об остальных.

– Думаю на сегодня достаточно, – услышал я вкрадчивый голос, единственно оставшийся от тени. – Всего хорошего, Борис Петрович. Ваши услуги понадобятся позже.

Последним, что я услышал, перед тем как меня окутало непроницаемое колючее облако метели, был голос Никанор Никанорыча, который кричал:

– Читайте литературу, Борис Петрович! Про литературу не забывайте!

Затем раздался щелчок, словно бы захлопнулась гармошка трамвайной двери, и метель, опав ворохом снежинок, отпустила меня, одиноко ежащегося на трамвайной остановке.

До дома в тот день, я добрался нескоро. Город действительно словно вымер, перерывы, с которыми ходил транспорт не поддавались никакому разумению. Задрогший и промокший, лишь за полночь я вставил дрожащими руками ключ в тесную замочную скважину, провернул и ввалился в пустую неприветливую прихожую своей холостяцкой квартиры. Я был зол, устал, однако винить в своем положении Никанор Никанорыча не мог. Никто ведь не принуждал меня идти – сам вызвался. Инициатива у нас всегда была наказуема. Да еще и идея родилась интересная, подходящая для экспериментирования. Только вот по-прежнему не мог взять я в толк, что связывало меня, преподавателя высшей школы с Никанор Никанорычем и его товарищами. Товарищи, надо сказать переплюнули самого Никанор Никанорыча своими странностями. Один только их внезапный исход чего стоил.

Последующие дни я тщетно пытался настроиться на обычный лад. И хотя мы немедленно продвинулись с Анатолием по научной части, я то и дело мысленно возвращался к встрече на трамвайной остановке, рассуждал, строил предположения. Перечитал на всякий случай «Откровение Иоанна Богослова» в старой родительской Библии, надеясь отыскать ответ в тексте. Казалось мне, что каким-то непостижимым образом туманные библейские записи связаны со вчерашней встречей. Именно это имел в виду Никанор Никанорыч.

Глава 2. Мои детство и юность

Теперь, когда некоторая завязка была перед читателем развернута, я, как и обещал, сделаю размеренный шаг в сторону, и расскажу немного о себе, Борисе Петровиче Чебышеве, с которым история излагаемая непосредственно связана. Подозреваю уже, что манера, в которой я буду о себе рассказывать, вызовет неудовольствие читателя, который вот уже увлекся, увидел героев и персонажей и составил, непременно, некоторые ожидания в отношении развития сюжета – как, каким образом завязались в один узел обычный преподаватель высшей школы, странные его гости и научная работа, которая совершеннейше неорганично, и даже топорно, оказалась в эти отношения вплетена. Однако же готовы будьте к тому, что переключений таких в сюжете я сделаю несколько и тому есть ряд причин. Во-первых, безусловно, все излагаемое в совокупности только и даст возможность понять широту и глубину моих переживаний. А во-вторых, глядя на историю глазами ее участника, не могу я не сделать выводов, что к событиям ее я, в каком-то виде, последовательно приближался. Поэтому заранее прошу у читателя прощения за некоторую излишнюю подробность и сентиментальность в описывании своей, не то, чтобы очень яркой, биографии.

Я родился в обыкновенном роддоме, в Советском районе города N. Примечательным мое рождение было пожалуй тем, что появившись на свет я вел себя крайне, и даже подозрительно спокойно, не кричал, а только пристально разглядывал маму и медсестер. Как это часто бывало, мама моя была столь молода и неопытна, что плакала всякий раз, когда ей приносили меня, потому что не знала как ей подступиться к белому, голому и хрупкому человечку. Я знаю это по ее рассказам, и нет у меня никакой претензии к ней за это.

Бабушка моя, Пелагея, имела на деторождение взгляд совершенно прагматичный и несмотря на наличие только двух дочерей, обладала немалой сноровкой и опытом по обращению с младенцами. Поэтому сразу же после выписки, она приехала к моим родителям, которые жили в двенадцатиметровой комнате коммуналки и глядели на меня как на заводную голосящую игрушку, без разговоров подхватила меня и сделала все, что положено. Перепеленала, проинструктировала в кормлении, позже выкупала и уложила спать, после чего, составив список полезнейших наставлений моим сидевшим раскрыв рот родителям, уехала домой, чтобы на завтра вернуться.

Из первых своих воспоминаний, я помню сосновый бор. Где-то позади, я знаю, ходит мама, а я вижу перед собой удивительную белку которая скачет по рифленным сосновым стволам, ускользя от моего взгляда. Мне было тогда три с половиной года.

Почему-то отложилось в голове, как смотрел я на папин задний карман джинсов. Не могу сказать, были ли это настоящие американские джинсы, помню только пятиугольный карман с углом в пол, на который смотрю я снизу. Этот эпизод с фотографической точностью отпечатался в моей памяти, хотя было мне всего пять, и промелькнула тогда у меня мысль, что неужели я когда-нибудь буду смотреть на карман этот не снизу, а сверху.

Я не был спокойным ребенком, но и сильно беспокойным тоже назвать меня было нельзя. Новые люди вызывали у меня оторопь, выступить перед коллективом в детском саду было страшным испытанием. Больше всего я любил играть в одиночестве, фантазируя и конструируя истории, на основании виденного и слышанного. У меня даже была такая манера – застывать, задумавшись и смотря как бы внутрь, над которой посмеивались в детском саду, а потом и в школе. Уже позже я научился использовать эту привычку себе на пользу, прятаться за ней, делая вид, что совершенно не участвую, не понимаю, что происходит вокруг.

Про семью мою, пожалуй, стоит сказать отдельно. Мама с папой никогда не были особенно близки и папа довольно рано начал смотреть на сторону. Пишу я это вовсе не ставя целей как-то упрекнуть родителей, но уже тогда, с пяти-шестилетнего возраста моим основным

воспитателем в семье стала мама, сильно переживавшая по поводу отца и делившаяся своими сокровенными соображениями со мной, отчего часто я чувствовал себя виноватым. Ведь не в силах был ни понять ее рассуждений, ни помочь.

Я очень близок был с бабушкой Пелагеей и ее матерью, моей прабабкой, Софьей. Часто гостил у них по несколько недель, особенно летом. Жили они в Московском районе города N, и по тем временам жили неплохо – двухкомнатная квартира на четверых. До сих пор помню я удивительные вечера, когда учили меня читать, а я наизусть проговаривал длинные стихотворения Чуковского, забывая переворачивать страницы. Или наши побоища в карточного «дурака», где бабуля Пелагея и моя прабабка ужучивали хитроватого деда, когда тот пытался закрыть неправильной картой.

Там же, у бабушки, завелись первые мои друзья, единицы, которых как приливной волной заносило в мою жизнь, чтобы вскорости унести навсегда. Связи с теми первыми знакомцами казались тогда незыблыми, длились одно-два лета, а потом так же внезапно исчезали где-то в складках жизни и более уже не встречался я с ними.

Воспоминания о детском саду, блочном, двухэтажном, с верандами на крашенных стальных трубах и покато́й крышей, сводятся к утренникам и разучиванию детских танцев, с хождением в паре и вытягиванием носков в чешках. Неизгладимым впечатлением остался трамвай, на котором мама возила меня из детского сада. Мы тогда поменяли уже коммуналку на отдельную квартиру, выделенную то ли отцу, то ли матери на оборонном предприятии. Отдельной жилплощади ради, мы зарегистрировали с собой прабабку Софью, иначе не получили бы жилья. Переехать-то мы переехали, а детский сад остался старым, так как в новом районе детского сада еще не построили. Так и дохаживал я в старый сад, а потом родитель, который меня забирал (чаще – мама) вез меня через полгорода в нашу двухкомнатную новостройку.

Снова отступил я от повествования и углубился в подробности. Итак, трамвай, на котором везли меня из детского сада. Его я запомнил чрезвычайно подробно – и продуваемую остановку на островке тротуара, и вздутые трамвайные сиденья, и блестящие поручни, и лязгающие компостеры красные или желтые. Я заглядывал в компостерную щель, подсматривал, как металлические зубки прокалывают ровные круглые отверстия в тонких воздушных трамвайных билетах.

До сих пор что-то крайне трогательное нахожу я в вечернем трамвае. Как горит в нем свет, когда снаружи темно, и только фонари и фары машин.

В трамваях мама моя часто заводила со мной разговоры об отце. Помню неприятный осадок от них.

Про детский сад добавлю только, что заводил я там друзей и даже однажды, единственный раз, устроили мне настоящее празднование дня рождения с приглашенными друзьями, но переезд наш в новый район как-то незамедлительно перечеркнул любое мое связывание с этими ребятами вне детской смены.

Потом пошел я в школу и очередная страница с добрыми толстыми воспитательницами, нянечками, особыми запахами раздевалок и спален детского сада сменилась темно-синей школьной формой с блестящими пуговицами и нашивками. Я был тогда вихрастым впечатлительным мальчуганом, напуганным оглушительной песней "Учат в школе". Эта песня и сейчас вызывает у меня некую оторопь.

Про школу сказать могу, что в те времена детям позволялось гораздо больше чем теперь. Оба родителя мои работали на режимных предприятиях, а значит я сам, с первого класса, ходил в школу, возвращался из нее домой и делал, пачкаясь и чертыхаясь, уроки. Прописи мои были страшны. Впрочем не более страшными, чем у одноклассников. Девочки при этом, в большинстве своем, умудрялись держать прописи в чистоте, точно попадая в обозначенные пунктиром линии, буквы и цифры. Такое было время, родителям было не до нас, мы лазали по стройкам, забирались через крыши и форточки в строительные вагончики и ворошили там

комбинезоны и телогрейки. Про первые свои школьные годы могу я сказать, что ненадолго стал я частью местной мальчишечьей ватаги, сдружившихся на почве отсутствующих родителей и неустроенности советских новостроек. Мы устраивали штабы на деревьях и мерили глубину луж. Предметом особой гордости тогда были высокие резиновые сапоги до колен, похвастать которыми мог далеко не каждый.

Мама всплескивала руками и подшивала школьную форму.

Беспризорное впечатление о моем детстве впрочем не верное. Все вокруг жили примерно одинаково. Несмотря на уйму свободного времени, именно родители в наибольшей степени определяли мою судьбу и перемещения в ней. Как я упомянул выше, отношения их были далеки от прекрасных и даже таких, при которых ребенок может успокаивать себя, что спорящие мама с папой, это нормально. В то время мама моя уже не подозревала, а твердо знала об отцовских связях на стороне, однако всеми силами пыталась сохранить семью. На наших редких теперь (в отсутствии трамвайных поездок) вечерних прогулках она продолжала делиться со мной мыслями и однажды рассказала, что у меня скоро родится брат или сестра. Сказала, что решила так, потому что хочет еще ребенка, что не видит иначе просвета. Эта ее отчаянная решимость оставила значимую веху у меня в памяти.

Я говорил, что воспитывала меня мама, она же привила мне любовь к чтению. Книги в то время, как впрочем и многое другое, были дефицитом, и я помню сборы мукулатуры, призванные заполучить вожделенную подписку на какое-нибудь собрание сочинений. Сейчас несколько удивительно сознавать, как легко сделать культ из любого, порой даже мнимого дефицита. К классике мама меня приучила в первую очередь зарубежной, в те времена крайне популярны были Дюма, Анн и Серж Голон, Мопассан, Вальтер Скотт и Майн Рид. Именно тогда романтические истории, маркизы и благородные графы навсегда вошли в мою жизнь. В то же время, мой первый-второй класс, на нашу лестничную клетку пятого этажа переселился Юрь Саныч, член обкома и видный член компартии. Мама сдружилась с его супругой на почве очень схожих проблем с мужем. Мне же от этого знакомства прибыль состояла в том, что Юрь Саныч собирал для своего сына сказки разных народов мира, и ввиду того, что мама моя ему нравилась несколько более, чем просто подруга жены, он великодушно разрешил мне брать книги на прочтение, какие мне только понравятся. Это для меня, восьмилетнего человека было совершеннейшим чудом. Я познакомился с эльфами и гномами, скандинавскими преданиями и шведскими снежными троллями. Пишу я это здесь для того, чтобы подчеркнуть, что эта оторванность, одиночество и пребывание больше в вымышленном, чем в реальном, оно никогда не отходило от меня далеко. Едва только начинал я ощущать, что в жизни моей происходит нечто, связывающее меня с другими людьми, неведомая рука отводила от меня такие связи.

Снова соскочил я с повествования и словно любопытная белка побежал по неизвестной ветке в направлении неведомой части леса. Отношения с друзьями, которые завелись было у меня в новом районе, поначалу складывались неплохо. Я завел сначала одного, потом другого, третьего. Я помню их по именам. Двое Димок и Игорек. Мы проводили вместе уйму времени, еще бы, родители были на режимных работах, заводах, освобождались поздно, после пяти, а до того мы были предоставлены сами себе. Такая идиллия, с летними перерывами, продолжалась до третьего класса, когда карточный домик моих детских привязанностей начал рассыпаться. Сначала одного Димку забрали у меня его родители, главой семьи там состоял военный, и увезли куда-то на север, то ли в Мурманск, то ли в Архангельск. Потом вышел удивительнейший казус со вторым Димкой и Игорем. Какое-то время, мы расставляли по ранжиру привлекательности девочек в классе. Вполне себе безобидное мероприятие для третьеклассника. Вкусы у нас в целом совпадали и первые места неизменно присуждались одной и той же юной барышне. И вот однажды, безо всяких к тому предпосылок на очередной нашей встрече трех закадычных друзей, которая в тот раз состоялась в обходе школы по тонкой перекладине металлического забора, заявили мне вдруг в один голос Игорь с Димкой, что вкусы их в рей-

тинге классных красавиц изменились. Нравится им теперь совершенно другая девочка. И на этой почве, поняли они, что дружба между собой у них гораздо крепче, чем со мной. В следствии чего следует нам перестать быть закадычными друзьями и стать лишь одноклассниками. Помню как долго и непонимающе сидел я на заборе озадаченный. Не мог выстроить я логической цепочки между привязанностью к даме сердца и ребячьей дружбой, о чем их и спросил. Самым болезненным в той ситуации для меня было то, что сдружился я с Димкой и Игорьком по отдельности, пока сам не свел их вместе. Внятного ответа, ясное дело, я не получил, все ж таки в девять лет можно удивительным образом обосновать необосновываемое, но с этого самого момента, с Игорем и Димкой дружбы у меня больше не было.

На какое-то время остался я совсем без друзей, ходил в школу, видел как шепчутся Димка с Игорьком и возвращался домой в царство прабабки моей Софьи и заморских сказок. А потом, девочка из класса, та самая, которую ставили мы на пьедестале между первым и вторым местом, вдруг разоткровенничалась со мной и сказала, что известно ей, что не дружат со мной больше мои закадычные, и что ей тоже очень непонятно как можно со мной дружить, потому что рассеянный я, как будто бы не здесь где-то присутствую, ну и что совсем уж непрощаемо – поставил ее только на второе место.

В то время моей сестре был уже год, подрастал то есть верный мой собеседник и близкий человек на долгие годы. Я читал романы и сказки, обнаруживая нередко, что сижу я в слезах после прочтения какого-то особенно эмоционального эпизода. На уроках чтения в школе порой такая эмоциональность подводила меня, когда накатывали на меня чувства героя так, что дыхание перехватывало и не мог я продолжать читать вслух перед классом.

В той, первой моей школе, в четвертом классе появился у меня еще один приятель. Возник случайно, отверженный паренек, у которого совсем плохо было с учебой, а ввиду того, что сам я учился вполне себе прилично, особенно по математике, не пересекались мы с ним совсем. Однако дальше, когда понятно стало, что с Игорем и Димкой разногласия у меня не просто серьезные, а перманентные, в фокус мой попал Эдик. И так, скажу я, сошлись мы с ним, на почве совершенной отдельности от остальных, так хорошо дружить стали, что даже замечал я порой завистливые взгляды старых моих товарищей, когда носились мы друг за другом в школе. Вот, подумал я, теперь могу я точно сказать, что есть у меня настоящий закадычный друг! Через четыре месяца, после хитрых манипуляций с разводом и повторным браком, родители мои получили новую квартиру. На этот раз в еще более новом, строящемся микрорайоне Ленинского района города моего N, на самой окраине, удаленной от прежнего нашего места жительства на час с лишним езды на общественном транспорте. Я однажды только приехал, навестил своего Эдика, погуляли мы вдоль тополиных аллей, насаженных в изобилии по периметру наших девятиэтажек и школ, но понятно было, что встреча эта последняя. Что предстоит Эдику возвращаться в старый класс наш, к Димке и Игорьку, к барышням расставленным по ранжиру, а мне наводить новые мосты, по новому месту жительства.

В тот день, возвращаясь домой на трясущемся трамвае, окрепла во мне детская уверенность, что отношения моим дружеским не суждено сформироваться, что разрушаются они, едва начавшись. Я и по сей день так считаю. Умею я заводить знакомых, встречаться изредка и поддерживать отношения, но что касается настоящей дружбы, такой как в кино, чтобы говорить об этом с гордостью и нести сквозь года – нет, в такую категорию, пожалуй, я не занес бы никого из знакомых.

***

Подошли мы, таким образом, к моему пятому классу, возрасту одиннадцати лет. Хочется здесь поблагодарить читателя, который, не могучи взять в толк, зачем обрушивает на него автор подробности своей биографии, продолжает самоотверженно погружаться в судьбу Бориса Петровича Чебышева, надеясь, что терпение его небезграничное будет вознаграждено. И правильно делает. Но для пушей заботы об отважном своем читателе, я решил не погружать

его в свое жизнеописание одним большим повествованием, а разбить его на несколько частей. В этой главе мы закончим с детством, закончим может быть несколько насильственно, в преддверии отдельного, приличных размеров эпизода, рассказывающем о моем отрочестве. Однако же рассказ о детстве требуется завершить, как вообще неплохо поступать со всем начатым.

Квартиру новую, трехкомнатную, получили мои родители на противоположной окраине города, однако мало что поменяла она в семье и моем воспитании. Отношения у родителей моих теперь совсем не клеились, известно было, и мне в том числе, что появилась у отца постоянная пассия, и встречается он с нею регулярно, уже не утруждаясь жеманными умалчиваниями. Уезжая в командировки, отец запирает свою комнату на ключ.

В стране тем временем начиналась эпоха перемен. Прошла черед сменяющихся один за другим генсеков, приближалась перестройка и трещали уже пиллары, удерживающие бремя экономической несостоятельности коммунистического строя.

Предприятия, на которых работали мои родители, задействованы были в военном деле, один в качестве производителя печатных плат для авиации, другой в производстве собственных советских электронных вычислительных машин. Огромные убыточные производства в то время еще были в чести, и производили, производили запланированные объемы, которые начинали уже оседать на пыльных полках заводских складов.

С ЭВМ впрочем дело было получше, машины, хоть и были огромны и стационарны, пользовались популярностью в самых разных уголках Советского Союза, в связи с чем, отец мой, как опытный наладчик с незаконченным высшим образованием, то и дело пропадал в командировках. Из таких экзотических мест как Владивосток, Брест или Москва, привозил он бывало удивительное, непонятное, импортное. То детские сандалии, то магнитофонные кассеты японских производителей Sony, Sanyo или Sharp, а то, бывало совсем уж невероятное – бутылку пепси-колы. И хотя по рассказам маминим знал я, что в Бресте у отца водится женщина, приезжала она однажды к маме и рыдала, просила отпустить к ней отца, а мама-то уже сама была не причем, а причем была местная его гражданская жена, радости от пепси-колы ни моей, ни сестры моей Аленки, это нисколько не умаляло.

Еще одно важное явление того времени, которого не могу я избежать и с которым тесно будет связан следующий период моей жизни, это начавшие появляться тут и там организованные молодежные банды – группировки. Я не умею придумать им никакого другого обозначения, называли их именно «группировками», и представляли они собой отверженных детей-подростков, выступивших из под родительской опеки и сбивающихся в стаи, дававшие как казалось необходимое чувство защиты и принадлежности, которых недоставало в сражающейся с бытовыми неурядицами семье. Конечно, как и у всякого другого объединения, водились тут взрослые вожаки, настоящие бандиты, которые готовили себе таким образом молодую смену. Однако на уровне детей, школьников, выражалось это лишь в том, был ли ты сам по себе, или принадлежал по территории или другому признаку к группе, которая могла бы тебя защитить, в которой мог ты почувствовать себя нужным.

Новый микрорайон, в который мы переехали, носил название «квартал». Это был квадрат, шириной в километр, застроенный типовыми девятиэтажками, бойлерными, котельными, а также детским садом и школой, в количестве одной-двух штук. Застройка велась постепенно и переезд жильцов производился по мере строительства. Несмотря на то, что качество панельного жилья оставляло желать лучшего, многие готовы были переезжать в сырые еще многоэтажки, с работающими лифтами, с переборами со светом и водой, лишь бы уже застолбить свое присутствие в этих «жилищах будущего», как тогда почитались эти микрорайоны. В моем случае, мы переехали в длинный десятиподъездный дом, из которого открывался вид на частично засыпанные песком болота, за которыми, вдалеке, виднелась деревня, ежившаяся уже в тени наступающего города, а за нею, где-то у линии горизонта – железная дорога и поля, поря, поля. Перебои с водой и светом были неотъемлемой составляющей нашей новой квар-

тиры, впрочем как и предыдущей, а в лифте мы не нуждались – квартира была на первом этаже. Снова предстояла мне новая школа, свежестроенная, обложенная еще кое-где строительными лесами, и новые знакомства.

Отмечу, что микрорайон наш, квартал, окружен был другими такими же квадратами, каждый со своим номером, исключая сторону, выходящую к болотам. Те, другие микрорайоны, были постарше года на два, то есть успели уже в тех районах образоваться связи, знакомства между людьми и, как следствие тяжелого того времени, группировки.

Помню набегали две группы старшеклассников, последних классов школы, друг на друга на пустыре за стройкой. Как две черные волны сталкивались с криками. Бывало, заранее договаривались, будет ли это только кулачный бой, либо посерьезнее что-то, с арматурами и кастетами. Разбивали лица и ломали друг другу пальцы и ребра. Знаю, что выбили глаз одному школьнику в такой драке, а он ходил после этого с повязкой на глазу и гордился, дурак, пока не отправили его родители к родне в другой город – в нашем нельзя было уже его образумить.

Как же нам, собранным по ниткам мальчишкам из разных мест, было не скучиться, не обозлиться на безжалостный этот мир, ломающуюся тяжелую действительность, на пьющих жестоких отцов, на несчастных озлобленных матерей, на пустые холодильники. Я пишу это теперь, понимая, насколько тогдашние личные переживания стали следствием совсем других, глобальных процессов, движения макроэкономических литосферных плит, о которых двенадцатилетние мальчишки не имели понятия, и думал каждый, что это сам он так решил, что иначе, кроме как сбившись в криминальную банду, нельзя было.

Вновь повествование увело меня в абстрактные рассуждения, которые к нашей истории отношение имеют лишь косвенное. Однако не избежал я и сам этой участи, и совестно мне с одной стороны быть к этому причастным, а с другой неясно, как иначе следовало бы поступать.

В первый год на новом месте сучивание и криминализация не были еще так заметны. Дети присматривались друг к другу, соседние микрорайоны не протянули к нам свои щупальца. Появлялись новые знакомства, возникало подобие дружбы, не той волчьей сплоченности «вопреки», а обычной подростковой дружбы. Были горы песка, которым постепенно засыпали болота, были продолжающиеся стройки, красоту и таинственность которых не заменит ни один парк аттракционов. Была река с железнодорожным мостом, на которые летом здорово было бегать купаться. Но чем дальше, тем больше микрорайон становился частью своего времени и места. Всем, в том числе и мне потребовалось определяться, с кем ты. Мы подолгу обсуждали с ребятами, к кому же присоединяться. К молодой еще группировке которая стала образовываться в нашем квартале, либо же к соседям, что чревато было совсем недетскими проблемами в случае если два микрорайона перейдут в состояние войны.

Кто-то решал бесповоротно и сразу. Они становились «пацанами», то есть членами какой-то банды. Другие раздумывали подольше, как я, прячась в тени своих уже определившихся друзей. Долго впрочем это продолжаться не могло. Мир был черно белый. Состоять в какой-то банде, даже враждебной, было более безопасно, чем не состоять нигде. В школах начали появляться «доильщики», бывалые «группировщики», которые взымали с «непричастных» ребят плату, ставили их на счетчик.

Я не остался в стороне от этого. Я не знаю ребят своего окружения, кто группировок избежал, может быть дети из привилегированных школ, или те, кого ежедневно встречали-проводжали родители. Однако и здесь я пошел своим собственным путем, каким бы перспективным не казался тогда новый район, новые знакомства и наша отчаянность голодных волчат.

Несколько попыток сделал я вступить в группировку. В первый раз, с соседом-приятелем Женькой, выбрали мы совсем удаленную от нашего района банду, просто, чтобы в школе можно было говорить, что ты не сам по себе. Ох, как мы были горды тогда. Мы ходили держа руки в карманах, поворачивая плечи при каждом шаге, и все наши знакомцы, распределившись в основном, по местным кварталовским группировкам, знали теперь, что мы «при делах».

Тяжело было только ездить в далекий район. Около часа занимала дорога в один конец на автобусе.

Продлилась эта история около четырех месяцев, когда заметила меня школьная учительница математики, Римма Ивановна. В нашем микрорайоне построили еще одну школу, куда Римма Ивановна переходила вместе со своим математическим классом «А», в который я по первичному распределению не попал. Новая школа была с физико-математическим уклоном да еще и со связями с профильными специальностями в ВУЗах. Попасты туда было сложно и престижно, хотя был это совсем другой престиж, не интересный нам, тогдашним мальчишкам.

Римма Ивановна педагогом была своеобразным. Активная, с непоколебимой уверенностью первых коммунистов и аналогичных убеждений, любящая рубить с плеча. Такая, что директор школы был только рад избавиться от чересчур инициативного сотрудника. Римма Ивановна поймала меня на перемене и сказала, что, хотя я и не из ее класса, она хотела бы забрать меня в новую школу. Компания, мол, здесь подобралась не совсем хорошая, и желает она с родителями моими переговорить. Подростковые чувства мои бунтовали. У меня были школьные друзья и настоящая «честная» группировка за плечами. Далековато правда, и совсем не в нашем районе, но авторитет, признание, к которым совсем я не привык, был завоеван. Мама моя, видя что происходит, но с работой своей и маленькой Аленкой, помочь, заняться мной непосредственно, не имея возможности, ухватилась за эту идею. Она записала себя и отца в активисты этой новой школы, они расчерчивали там шилом классные доски, шили шторы, помогали собирать новую мебель от предприятий-спонсоров. Иными словами перевели меня чуть не насильно в новую школу. А первый мой группировочный опыт прекратился сам собой, после того, как перестали мы с Женькой ездить на общие встречи, на другой конец города.

Я увлекся рассказом о дворовых мальчишечьих реалиях, но следует сказать и о моих школьных достижениях. У меня очень хорошо тогда шла математика и русский язык, а вот с литературой и физикой, предметами, один из которых составлял значительный пласт моей тогдашней жизни, а другой – часть моей будущей карьеры, совсем не ладилось. Физика представлялась мне пульсирующим облаком формул, пунктирных траекторий и экспериментов. Никак она не выстраивалась в моей тогдашней голове, занятой всем на свете, в стройную структуру и прозрачную последовательную логику. Удивительным своим свойством тогда уже я обнаружил способность, глядя на условие физической задачи, сразу называть правильный ответ. При этом выстроить решение, с переводом формул и преобразованием величин, объяснить, как этот ответ получился, я не мог совершенно. С математикой было иначе. Не смотря на всю свою внешкольную жизнь, математика, а тогда уже это была и алгебра, и геометрия, давалась мне легко, плавно, как бы сама собой распределяясь среди аккуратно-выстроенных конструкций моего понимания.

Положительным учебным воспоминанием были первые месяцы в новой, профильной школе. Возведена она была рядом со старой, через общий стадион, однако люди здесь были сплошь новые. Школу построили в связи с заселением блатных новостроек МЖК, что расшифровывалось как Молодежный Жилой Комплекс, поэтому помимо тех, кто в числе избранных перебрался из старой школы, все здесь было свежим – люди, учителя, оборудование и спортивный инвентарь. Опасное подростковое сплывание и криминал не сразу хлынули внутрь, какое-то время обитая снаружи, оставляя возможность детям заниматься школьными делами.

Новая школа не означала нового района. Отношения с прежними одноклассниками обрвались, однако все мои друзья со двора сохранились и проблема «принадлежности к банде» оставалась неразрешенной. Местные «пацаны» меня знали и не притесняли, я гулял вместе с ними, однако выбираться за границы района было некомфортно, да и просто опасно. Приставание на улице, знаменитый «гоп-стоп», был неотъемлемой частью жизни.

Я попробовал с приятелем Олегом еще одну группировку, на этот раз поближе к дому, в соседнем квартале. Эта, вторая была поагрессивнее. За опоздание новичков били чувстви-

тельно в челюсть, хотя и не в полную силу. Группировка была молодой, поэтому забеги старших ребят на соседей, как способ зарабатывания репутации, были не редкостью. Присутствовали членские взносы, находить деньги на которые было личной проблемой каждого. Те, что с опытом и поотчаяннее, «доили» младших или «неопределившихся» ребят у школ. Находились способы покриминальнее, доходило до воровства неосторожно вывешенных на балконах курток или спортивных костюмов, или отбора денег у торгующих у магазинов пожилых дядечек и бабушек. Отвратительно об этом говорить, но не думалось тогда совсем о жалости и беззаконии, не видно было никакого другого способа подросткового существования. У меня, к тогдашнему стыду, никогда не получалось обвесить кого-то данью, да и просто отобрать деньги. Язык не поворачивался, эмоции перехлестывали в обратную от требуемой сторону, и мог я только стоять и хлопать глазами. Хотя приходилось участвовать в гоп-стопе в виде массовки, придающей вес более агрессивным «пацанам». Через два месяца такого участия старшие ребята сказали нам с Олегом, что маловаты мы еще, год требуется погулять «не при делах».

Соскочив во-второй раз, на какое-то время сосредоточился я на учебе. Общался с соседскими пацанами, которые в банде уже состояли, сам же особенно не высывался, отступив ненадолго от группировочных опытов. Это был уже восьмой класс, и некоторое эйфорическое у меня оформилось состояние. Как будто в равновесие пришел я с окружающей агрессивной средой.

Потом колесо событий завертелось. Нашел мой одноклассник и товарищ из новой школы, Андрей, подходящую группировку в центре города, с говорящим названием «Центральные». Группировка была мощной, авторитетной, собиралась в сквере, на улице Ленина, тогда ее еще не переименовали. И вот втроем, с Андреем и еще одним знакомцем, вступили мы в «Центральные». Ездить было довольно удобно, не то, чтобы очень долго, минут двадцать пять на автобусе.

Два эпизода навсегда отпечатались у меня с той поры. Первым была настоящая агрессивная драка между старшими «Центральными» пацанами и соседним районом. Со страшными обценными воплями сошлись, столкнулись два вала шестнадцати-семнадцатилетних мальчишек, человек по пятьдесят с каждой стороны, кто с палками, кто с кирпичом. Нас, молодняк, угнали подальше от этого действия. Уже зажужжали тогда сирены милиции, едущие разнимать эту свору, кричащую, плачущую, свистящую, кровоточащую. Мы, тринадцатилетние, стояли за углом дрожа от странной смеси страха и возбуждения. Не в первый раз стал я свидетелем «пацановской» драки, но это пожалуй был наиболее реальный опыт, когда понял я, насколько приблизилась ко мне изнанка группировочной жизни.

А дальше, тот кто выписывал вязью мою судьбу поступил и вовсе категорично. Второй эпизод ознаменовал завершение части моей жизни, связанной с пацанами, группировками и, как мне тогда казалось, настоящим мальчишечьим братством.

Возвращаясь домой с вечерней сходки, или, как мы их называли, «сборов», меня оставили двое рослых парней, года на три-четыре меня старше. Последовал довольно типовой разговор того времени, мол, из какого ты района и с кем. И вот вдруг уже убеждают меня они, что вру я, что не состою я ни в каких «Центральных», а я не соглашаюсь, пытаюсь называть им клички, погоняла своих знакомых, соратников. И тут – хлоп! Я получаю удар в челюсть с полного размаха. Падаю. Не успеваю подняться – еще один. Глаз уже заплыл и губы разбиты, и кровь и только слышу шипят обценно: «Врешь, щенок! Все врешь! Не пацан ты!» Побили меня тогда крепко. Не только побили, но и харкнули еще в меня, побитого, что было в те времена приговором – пацаном тебе больше не бывать, только отверженным в этой криминальной среде. Ничего хуже для подростка того времени придумать было нельзя. Я добрался кое как до дома, рассказал маме, что избili меня случайные встречные из другого района. А потом сидел и ревел в ванной, смывая кровь и разглядывая в зеркале начинавшие окрашиваться темно

лиловым опухшие щеки, глаз и губы. Были тогда каникулы, и я в течение недели не выходил я из дома, забившись в комнату свою, думал, что же будет дальше.

Дальше было предельно просто, в соответствии с самыми худшими моими предположениями. Я поехал на следующие сборы «Центральных» и там встречали меня старшие, знающие уже все обстоятельства. Меня, заикающегося, выслушали. И отправили вон. Не было разбирательства, меня не били, не унижали, но категорично распрощались, и в глазах прежних своих друзей видел я теперь новое отношение. На следующее утро в моем собственном дворе, мне не подал руки ни один знакомый. Кто-то стеснялся, отворачивался. Другие брезгливо говорили: «Вали отсюда». Мои школьные друзья, Андрей, с которыми вместе мы еще пару недель назад коротали перемены и планировали постшкольное времяпрепровождение, теперь косились, расходились в стороны. И хотя откровенно пока еще не тыкали пальцем и не гнобили прилюдно, до этого оставалось совсем чуть чуть.

Совсем как несколько лет назад, в школе я остался один. Здесь не было уже подчеркнутого нейтралитета, вот с этим я дружу, а с этим нет. Это новое мое состояние было таким, что я отходил в сторону от класса, тогда как бывшие хорошие знакомые, даже те, кто не были «пацанами», в своей подростковой болтовне показывали на меня пальцем и отпускали обидные комментарии. Какое-то время отношения еще поддерживались с теми, кто не был совсем упертым в отношении пацановских правил, но и здесь почувствовал я смену приоритетов, и пришедшее в скорости «то что я здесь с тобой говорю, это одолжение, ты это цени» меня совсем не удивило. Вру, конечно, удивило и больно ударило.

Многие мысли о той поре приходят мне в голову. Есть наверняка и доля моей вины в том, что случилось. В том, что не бросался я как дикий зверь на каждого, кто обижал меня. Именно такая отчаянная тупая агрессия была тогда в высшей чести. Трусил я, откровенно трусил, предпочитая спрятаться, укрыться, не встречаться и избегать любых личных выяснений.

Я отчетливо помню вечер, когда возвращался я то ли с занятий в школе, то ли от родственников. Стояла зима, было уже темно, небо было чистым и тонкий месяц светился изящным обоюдоострым серпом. Тусклый свет уличных фонарей не скрадывал необъятной шири неба, и сами звезды хорошо были видны. Почему-то так стало тошно мне тогда. Утоптанная снежная тропка тротуара убегала в обе стороны вдоль плохобранной асфальтовой дороги с разновысокими снежными завалами. Смотрел я в пустое небо и ударялись тупо и глухо во мне два огромных пласта моего миропонимания. Был мир моих книг, фантастический, красивый и удивительно понятный. В нем всегда было ясно, где друзья и где враги, что требуется делать, как и когда действовать. И был настоящий мир, в котором окружен я людьми, но на деле – один, и нет у меня никого, кроме несчастной моей семьи, в которой мама плачет по вечерам и прячет несчастье свое от Аленки, а я разделяю горе ее, и не могу поделиться собственными переживаниями. Вот стою я где-то на краю мироздания, очень похожий на всех остальных или все-таки другой, одинокий, никому не нужный, креплюсь и знаю что надо дальше идти, а у самого слезы катятся по мороженым щекам и кричу я мысленно в небо. Пустое, молчаливое. «Заберите меня отсюда. Кто угодно, где бы вы ни были, демиурги, инопланетяне, боги, заберите! Не здесь должен я быть, а где-то в другом, в дружественном и понятном мире. Где понимаю я, кто я и зачем все это.»

Небо смотрело на меня и молчало. Оно смотрело и тогда, когда я успокоился и пошел дальше домой, чтобы продолжать тянуть свою не по-детски тяжелую ляжку. Две вещи, жесткие уяснил я для себя. Одна, про дружбу и доверие к людям, в которых разочаровался я окончательно. Осталась у меня только мама да подрастающая Аленка. Ну а вторая, даже более наверно серьезная. Представлял я себе, как на моем месте поступил бы настоящий, положительный герой, из тех, что в книгах. Немедленно едко отвечал бы, бил в ответ? Или, затаив обиду, вернул бы долг обидчикам через много лет? Ну а главный вопрос: а я, как бы я поступил на месте своих бывших друзей, если бы такое случилось с одним из них? Характером я был мягче мно-

гих своих приятелей. Живое человеческое горе, замешательство, чужой страх действовали на меня как ледяной душ, выносить их вид или являться причиной я совершенно не был способен. Уверен был я, что не стал бы мучить униженного. Однако же знал я и то, что точно так же отворачивал бы взгляд, отводил руку и, если бы и делал попытки к общению с «не пацаном», то так, чтобы никто не видел. Другими словами, немногим лучше был я своих обидчиков. Не годился я на роль храброго положительного героя, таким был второй мой вывод.

Год проучился я, прячась по пути в школу и из нее. Учился я неплохо и выручали меня мои знания, выдавал я их в качестве платы за свою безопасность бывшим знакомым. Выяснилось, что не один я в школе в роли отверженного, и могут быть у нас общие негромкие интересы. Ну а потом случилось то, к чему долгое время уже шло. Мама разменяла квартиру и мы разъехались с отцом в разные противоположные концы города.

Для меня этот переезд сопрягался с особенным каким-то трепетом. Я уходил, покидал старый свой двор, где уже год был нерукопожатным и каждый раз с замиранием и болью проходил мимо подъездов, лавок и детских площадок, на которых собирались мои бывшие приятели. А они презрительно шикали мне вслед, смеялись и выкрикивали мою старую пацанскую кличку – «Чеба».

Эта пора моей жизни закончилась, незасыпанное болото и далекая деревня до которой так и не дотянулся город уходили в прошлое. Мир не поменялся, это был тот же город N и новый район обещал быть не менее агрессивным. Однако не стал. Удивительно, как место проживания и дорога туда и обратно разделяют жизнь на «до» и «после». Я доучивался в старой школе. Я был изгоем в ней, старался приходить к началу первого урока и уходить немедленно после звонка. Но то, что жил я теперь далеко, неизменно уезжал на старом желтом «Икарусе» с дырявой гармошкой в другой район, – освободило меня. От общения, которое было одинаково тяжелым, от района с его аллеями и воспоминаниями, от всего. Последний, одиннадцатый класс, в котором включили меня в усиленную группу по математике, и дважды в неделю возили в университет, для подготовки к будущему поступлению, пролетел совсем незаметно. Запомнились только трамваи и автобусы везущие меня по утреннему, дневному и вечернему городу, хмурые лица пассажиров, хлопающие двери и скрежет рельс и резины по асфальту.

В один из дней своей последней школьной весны, я узнал, что с моим бывшим школьным приятелем, Андреем, случилась история, похожая на мою. Отвернулись от него бывшие дружки, зло отвернулись и прилюдно унизили. Но ясно было уже тогда, что не восстановить нам отношений. Я воспринял это только как некоторую злую иронию, когда друг превратился в мучителя, а потом вдруг сам оказался в роли отщепенца. Оставшись нерукопожатным для нерукопожатных.

На этом, пожалуй, прерву я свое биографическое повествование, чтобы не заезвал совсем читатель. Вернемся к основному нашему сюжету, который хоть и связан непосредственно с моим жизнеописанием, все же стоит к нему особняком. В завершении этой части своего прошлого, отмечу, что через несколько лет, когда учился я уже в университете на четвертом курсе, встретил я случайно соседа из моего «кварталовского» двора, – Олега, с которым вместе мы в группировку вступали. Случайно встретил, на улице. Не узнал и не окликнул бы я его никогда, так как отношение к себе пропечаталось у меня в памяти каленой печатью, он сам подошел и неожиданно, беззлобно, заговорил. Рассказал, что дальше случилось с нашим двором. Трое сидели в тюрьме за грабеж, Женька скрывался за изнасилование. Сам Олег не учился, на вопрос о деятельности отвечал туманно, что-то с перегонем машин связанное, отчего сделал я вывод, что какой-то криминальной деятельностью он занимается. Смотрел он на меня, студента старшего курса с некоторой как мне показалось завистью, в которой может и себе бы не сознался. В тот момент пришло ко мне понимание, что вязь жизненных событий, как бы болезненно и жестоко не давались ее стежки, вытащила меня на берег. Из того мрака, в котором мог бы я оказаться, сложись все иначе. И те внутренние, детские страдания, которые не

понимают макроэкономических ситуаций, законов причин и следствий, а ищут лишь участия, тепла, сострадания, были всего лишь частью общей моей истории.

Глава 3. Анатолий и Катя

Прошло больше недели со злополучной ночной прогулки. Некоторое время я тревожно ожидал продолжения, казалось мне даже пару раз, что слышу я неподалеку голос Никанор Никанорыча. Однако дни шли, наш с Анатолием лабораторный стенд показывал результаты, подтверждающие теоретические выкладки. Будни мои заполняли студенты с курсовыми, долгами, вопросами. Ощущение мистерии, послевкусие эпизода на остановке постепенно сменилось безразличием. Ну а вправду, дался мне этот Никанор Никанорыч. Объявится он, а дальше что? Снова продолжительные разговоры безо всякого смысла? Снова чудачества и представления? Лучше бы, думал я, и вовсе не появлялся он тогда в университетской столовой.

После крайне коротких официальных выходных, ввиду того, что субботу и половину воскресенья я провел на кафедре, утром в понедельник я явился на работу. Ничего необычного в этом не было, исключая факт, что понедельник был моим нерабочим днем.

Я смиренно выдержал внеплановое полуторачасовое заседание, на котором Олег Палыч Круглов, заведующий нашей кафедрой, объявил, что в скором времени ожидается на кафедру визит ректора с комиссией из министерства образования. «Обход» этот был ежегодным, в разные года выбирались разные факультеты и кафедры и вот в этом году, «удача» выпала нам. Ректор обыкновенно проведет комиссию по лабораториям, мы должны будем рассказать о том, какие наиболее перспективные научные исследования у нас ведутся. Возможно посидят еще на какой-нибудь лекции, послушают, как доносится дидактический материал. Тут Олег Палыч хитро заулыбался, уверив, что случайными ни лекция, ни лаборатория, не будут. Выберем и лектора поопытней, и аудиторию попросторней. В общем, устоявшийся достаточно подход потемкинской деревни. Визит был запланирован на первую неделю декабря. Он назвал несколько имен, кого непременно ожидает видеть частью этого мероприятия. Так, Толе выпала честь рассказать про наши лабораторные стенды, вычислительные машины, а мне конечно, про научную работу, про квантовые мои нейронные сети. Олег Палыч, по совместительству мой научный руководитель, который был еще моим преподавателем во времена студенчества, специально подошел ко мне и уточнил, что к мероприятию следует подготовиться. Язык моих математических формул и когерентных квантовых состояний не всегда может быть понятен именитейшим и образованнейшим гостям из министерства образования. Поэтому надо как-то на пальцах, попроще объяснить, какая от этого науке выгода и перспектива, почему следует исследования эти продолжать.

Дальше началась рутинная часть заседания, на которой нас как обычно, сначала попорицали, потом похвалили, после чего собрание благополучно закончилось. Я задержался еще на десять минут обсудить с Толей полученные со вчерашнего дня результаты, после чего у него началась учебная пара, а я отправился завтрако-обедать, мысленно конечно утюжа руководство, решившее устроить заседание утром в понедельник. По пути в столовую я забежал в секретарскую, где обзавелся свежим журналом по вычислительной технике, выписываемым кафедрой, после чего взял курс непосредственно в пищеприемницу. Прошел по коридору, спустился на первый этаж в фойе, заглянул в книжный киоск расположенный у нас тут же, в холле, и почти уже нырнул в столовский коридор, когда заметил Никанор Никанорыча, безмятежно дремлющего на скамейке у окна, на примыкающей к киоску стороне фойе.

Я застыл как вкопанный. Одна часть меня хотела немедленно броситься к нему, забросать вопросами, высказать сомнения, предъявить претензии, но другая стыдливо и неуверенно топталась на месте, не решаясь что-либо предпринимать. Ведь до этого самого момента инициатива всегда исходила с его, Никанор Никанорыча стороны. Неловко было мне обращаться к почти незнакомому человеку, я ведь и не знал его по-настоящему.

Я стоял и смотрел на Никанор Никанорыча, мочалая в руках злополучный журнал.

В конце концов, я все же решился. Осторожно, я подшагнул к нему, такому же неухоженному, взопревшему, в прежнем сером костюме и потербил за плечо.

– Никанор Никанорыч, здравствуйте.

Он вздрогнул и открыл глаза. После чего громко, нисколько не стесняясь окружающих, зевнул, прикрыв рот пухлою рукою.

– Я здесь! – по-солдатски бойко отозвался он, после зева.

– Вы... не ко мне, случаем? – неуверенно спросил я.

– Как же не к вам, Борис Петрович? Как же не к вам, если к вам! – он довольно бодро вскочил, потянулся и схватив меня за руку, принялся интенсивно ее трясти. – Борис Петрович, если б только вы знали, сколько настряслось, пока мы с вами не виделись! Ох уж эти наши с вами товарищи. – он заговорщицки подмигнул. – Им только волю дай, они такого наворотят!

Никанор Никанорыч снова протяжно зевнул и насуплено огляделся по сторонам.

– А я вот тут прикорнул буквально на минуточку, ждал пока вы в столовую пойдете.

Он нагнулся и заглянул под скамейку.

Я молчал. Ждал, значит, Никанор Никанорыч, пока я в столовую пойду.

– Тьфу ты! – ругнулся он. – Ведь на секунду только глаза закрыл и уже нема.

Я стоял и анализировал информацию. У меня сегодня выходной, понедельник. Если бы не экстренное заседание, о котором объявили только в пятницу, меня вообще бы здесь не было. А он ждал, значит, пока я в столовую пойду.

– Ведь и вещица-то не ахти какая ценная, – продолжал свое Никанор Никанорыч, в сердцах махнув рукой. – Все одно утащили! И не поглядели, что обидно-то, не глянули, что внутри-то. Вещица-то, может, им совсем без надобности. Вещица-то, может, совсем другой смысл имеет, совсем иное у нее назначение, нежели быть стыренной разгильдяями.

– А с чего вы взяли, что я в столовую пойду? – спросил я.

Никанор Никанорыч не отвечал. Он как бы поменялся в лице и вглядывался внимательно в студентов в фойе. Я проследил за его взглядом. Ничего необычного – обыкновенная разношерстная масса. Бегут, торопятся, занятие-то началось уже. Несколько групп расположились у скамеек на противоположной стороне фойе, у вывешенных факультетских объявлений. Ничего, в общем, необычного. Никанор Никанорыч, по всей видимости, так не считал. Его брови подергивались, глазки бегали. Наконец, пухлые губы растянулись в самодовольной ухмылке, Никанор Никанорыч взбрыкнул, как мерин и повернулся ко мне.

– Как же не знать, Борис Петрович? Кому же, как не мне, знать-то? Ну скажите, пожалуйста?

В отдалении проходила группа студентов. Человек пять или шесть.

– Машенька, здравствуйте! – вдруг воскликнул Никанор Никанорыч им вслед.

Обернулись все, однако первой обернулась та, чье имя назвал Никанор Никанорыч.

– Прошу прощения, что вот так без приглашения вторгаюсь в личные ваши разговоры, я тут с Борис Петровичем, преподавателем вашим с кафедры «Автоматизации» беседовал, и разговор слово-за слово зашел. И не могу, хоть убейте, не могу вам совета не дать. Может и пострадаю потом, эти ваши молодежные нравы поди-разбери, – Никанор Никанорыч противенько захихикал и развел руками.

Маша Шагина была одной из моих студенток четвертого курса. В прошлом семестре я вел у ее потока дисциплину «Теория автоматов», состоявшую из лекционной программы и лабораторных работ. В нынешнем полугодии Мария должна была сдавать мне курсовой проект. Студенткой Шагина была старательной, активной, одной из первых пришла ко мне с вопросами и уточнениями по курсовику. И как-то даже вызывала у меня уважение что ли, своим соображением и напористостью.

В серьезных повествованиях принято, когда вводят новых персонажей, давать хотя бы поверхностное описание их внешности. С этим, признаюсь, у меня беда. Всегда кажется мне

что внешность это нечто само собой разумеющееся и смотрит на моих персонажей читатель моими глазами. Если уж персонаж совсем из ряда вон, как скажем Никанор Никанорыч, тогда описание требуется. А в остальных случаях, если сюжет условий не предъявляет, можно и пропустить, оставив на откуп читателю.

В контексте этого признания, заканчивая короткое описание Маши Шагиной, добавлю только, что внешности она была миловидной, с русыми волосами обыкновенно собранными на затылке в пучок, и проникновенными голубыми глазами, которые очень отвлекали меня во время наших дискуссий по курсовому ее заданию. Меня, вообще говоря, отвлекает любой пристальный взгляд глаза в глаза, тушуюсь я при таком внимании, но вот Марии, в особенности. Ладная она была девушка на мой притязательный преподавательский вкус, рассматривающий студентов почти исключительно с перспективы их учебных успехов.

С Марией разговаривали мы относительно недавно, недели две назад. Почувствовал я, что затягивает меня Никанор Никанорыч в очередную свою интригу.

– Тут нет никакого секрета, Машенька, я про общежитие твое пекусь, – говорил Никанор Никанорыч. – Вот ты все колеблешься – переезжать-не переезжать, а времени-то у тебя не сказать, чтобы много. Больше даже скажу, если ты сегодня не дашь ответ коменданту, завтра это сделает Оленька, подруга твоя. Так уж она вожделеет до комнаты новой, уж и вещички заготовила. Чемодан здоровенный собрала, синий, тот, который вместе вы на третий этаж волокли.

– А вы кто такой? – вступила в разговор по-видимому Ольга.

– Ах, Оленька, так ли это важно? – отвечив виртуозно Никанор Никанорыч, – Важнее гораздо, что воспользоваться решила некрасиво ты информацией, доведенной до тебя исключительно по дружбе, что есть де новая комната, в которую комендант пригласила студентов по факультетскому представлению. Мы прямо руками всплеснули с Борисом Петровичем от негодования!

Я естественно не имел ни малейшего представления об этих общежитских делах.

– Оля, это правда? – взгляд Марии скользнул по Никанору Никанорычу, мне и вонзилась в Ольгу. И видно было, что некомфортно Ольге под этим взглядом, да и всем, признаться, остальным собравшимся – и нам, и студентам. – Хорошо, спасибо за информацию, Борис Петрович, – обратилась она ко мне и Никанору Никанорычу после повисшей паузы. – Пойдемте, – и она, не дожидаясь остальных, прошла дальше.

Студенты, в том числе и рассекреченная Ольга, пошли следом совсем не весело, разительно иначе с их щебетом до знакомства с Никанором Никанорычем.

Тут Никанор Никанорыч спохватился:

– Тьфу ты, отвлекся! Ну вот, а как не отвлекься, скажите пожалуйста? – он развел руками. – Ну да ладно, есть у нас еще пять минут, прежде чем разберемся мы с вещицей моею дорогою. А какова Мария, скажите? Хороша! Хладнокровна! – он снова захихикал.

Я решил взять инициативу в свои руки.

– Никанор Никанорыч, – сказал я серьезно. – Только вы меня пожалуйста не перебивайте, – на что собеседник мой закивал и уселся на скамейку. – Я говорил вам уже о том, что мне порядком надоели ваши фокусы, но вы, по видимому, без них совсем не можете. Я хотел бы конечно узнать, кто вы, где работаете, каким образом вам обо мне известно, однако судя по всем дискуссиям, что мы имели прежде – вы этого разговора упорно избегаете и будете делать так и впредь. Поэтому на данный момент одна у меня к вам просьба: объясните, каким боком связаны вы с моей научной работой? У меня, честно сказать, одна версия, что вы, судя по знаниям вашим, из органов интересующихся меня преследуете.

Никанор Никанорыч покачивал головой в такт моей тираде и выражение его пухлого лица сделалось снова непривычным. Не суетливо лукавым, как обычно, а тень что ли серьезности пробежала по его лицу. Ненадолго впрочем.

– Разрешите мне уже ответить? – спросил он. И получив мой утвердительный кивок, продолжил. – Вот вы, Борис Петрович, задали вопрос. Не в первый раз, отмечу, задали. А теперь посудите сами, поприкидывайте. Человек вы с научным стажем, сменивший несколько специальностей. Образ жизни ведете хотя и скромный, если не сказать затворнический, однако же весьма публичный – и преподавание ваше связано с общением и научная деятельность опять же не за закрытыми дверями делается. Пишете статьи в вестники межвузовские, защищались на так, чтобы очень давно. Фигура довольно таки известная. Никаких покамест знаний о вас, которых не найти в открытых источниках, я не распространял и не озвучивал. Давайте я скажу вам, что гипотеза ваша с органами специальными, в определенном смысле верная. Только органы эти заинтересованы в двух исключительно вещах. Первое – в вас лично, и второе – в вашей научной работе. Это в настоящее время последнее будет, что я могу сказать, уж не обессудьте. Все вам будет доходчиво разъяснено и по полочкам разложено, но для этого время требуется определенное.

– А откуда известно вам было про загвоздку мою с лабораторным стендом? – не унимался я.

– Ну это совсем уже смешно, право, – заулыбался Никанор Никанорыч. – Вся кафедра завалена вашими распечатками и сплетничает про гипотезы ваши. Имеющий, как говорится, уши. Вот, скажем услышал я такой слух, вы уж сами мне поясните, насколько слух сей справедлив, а на сколько ничего из себя, кроме глупостей и зависти коллег не представляет. Из личного, поговаривают сплетники, что знакомства вы завести не умеете. Травмы какие-то детские, сторонитесь людей, и что не подбери вас Олег Палыч как студента многообещающего, мало бы чего сложилось с вашей карьерой научной. Ну это мы конечно пропустим, это я уверен, злые языки. Поговаривают еще, что идеяка ваша научная, не то, чтобы вокруг типовых задач нейронных сетей строится. Что якобы в исследовании вашем интереснее опыты с моделями квантовых состояний, чем нейронная сеть как таковая и нейронная сеть в данном случае выступит только как этакий носитель, визуализатор, э-э осциллограф, о! Отличная метафора! Который фиксировать и представлять будет их, квантовых состояний, изменение.

Я молчал. Потому что-то, что говорил мне Никанор Никанорыч было пока не столько даже на бумаге, сколько в голове моей. Потом я медленно сел рядом с ним на скамейку.

– Я уже предвижу вопрос ваш, откуда де такое можно раскопать, что только придумывается еще мною, – Никанор Никанорыч похлопал меня по плечу. Увесисто так похлопал. – А вот знаете ли, возможно. На кафедре «Технической Физики» сидят не то, чтобы неразговорчивые ребята. Все видят, все понимают. Модели-то, между прочим, вместе с ними вы разрабатываете для сетей своих.

Тут он встал, позабыв и о задумчивости моей, и о нейронных сетях.

– Пора, Борис Петрович! Время! Уходит вещица-то моя драгоценная. Уносится от нас со скоростью пятьдесят два километра в час.

Он неуклюже побежал к выходу из фойе на улицу. Перед тем как устремиться следом, я заметил Машу Шагину, пристально смотрящую на меня с лестницы. Увидев, что я ее заметил, она ступевалась и скрылась наверху.

Опять не могу я сформулировать, зачем понадобилось мне бежать за Никанор Никанорычем. Я был еще поглощен мыслями об осведомленности Никанор Никанорыча о моих пока только идеях, но все-таки встал, позабыв на скамейке кафедральный журнал и заспешил за своим удивительным знакомцем.

Когда вышел я из холла через проходную на широкое, с массивной крышей крыльцо, Никанор Никанорыч был здесь и суетливо вглядывался куда-то сквозь частокол студентов. Крыльцо седьмого учебного здания, представляющее собой крытую веранду, как всегда в это время, было наводнено студентами и работникам университета. Курили, разговаривали. Я, как

ведомый, вопросительно поглядел на Никанор Никанорыча. Он уверенно кивнул и принялся напористо протискиваться сквозь толпу к лестнице.

Я видел еще, как он добрался до края платформы, ухватился за перилу и прыснул вниз. Лестница у нас довольно крутая, да еще разбитая местами и я невольно притормозил, увидев как стремительно исчез из виду Никанор Никанорыч. Так ведь и навернуться недолго.

Потом, издав издав, прилетел визг автомобильных тормозов. Я поначалу проигнорировал противный тягучий звук. Отмахнулся от него, как от назойливой мошки. Гораздо больше меня занимал Никанор Никанорыч, столь поспешно удалившийся. Я продрался сквозь толпу, добрался наконец до лестницы и остановился, во-первых, чтобы перевести дух, а во-вторых, чтобы найти Никанор Никанорыча.

До меня донесся его удаляющийся голос:

– Вон он, Борис Петрович, у светофора! Ничего, брали и не таких!

У подножия лестницы Никанор Никанорыча не было. Может за угол лестницы забежал, все-таки крыльцо наше на высоте второго этажа размещалось. Я посмотрел по сторонам. Внимание мое привлекла какая-то суета, возня на перекрестке, метрах в пятидесяти далее по улице. Я пригляделся и не поверил своим глазам. Там, у самого светофора стоял Никанор Никанорыч и что-то эмоционально выкрикивал. Чертыхаясь и подскальзываясь на сбитых ступеньках, я поспешил к нему.

Суতোлка на перекрестке была связана с тем, что непонятно каким боком вылетевшая с дороги легковушка ударила носом в остов светофора. Хорошо ударила, нос был изрядно смят, досталось и капоту, и бамперу, и решетке радиатора, и даже фара разбилась левая. Остов светофора от удара погнулся и теперь подбитый печальный светотвор как-бы нависал над вздувшимся капотом.

– Выпрастывайтесь, дорогой мой, выпрастывайтесь! – язвительно восклицал Никанор Никанорыч. – Не в бане ведь, расслаживаться!

Никанор Никанорыч отчитывал водителя автомобиля, как оказалось, студента, который совсем не торопился покинуть уютную кабину и встречаться с голосистым Никанор Никанорычем нос к носу.

– Где такое видано, скажите пожалуйста? – кричал Никанор Никанорыч. – Мало того что пренаглейшим образом слямзил ценную вещицу, так на тебе еще и светотвор, видите ли ему помешал. Потрудишься, паршивец, извлечь с заднего сиденья саквояжик. Не тебе оно было предназначено, не тебе оно и достанется!

Только теперь я понял, что искал Никанор Никанорыч на скамейке в фойе. Свой особенный портфель. И непостижимым образом отыскал его здесь, в аварийной машине.

– Гляньте, милостивые государи, гляньте только, что насOVERшал тут у нас истец. Созонов Григорий Павлыч – студент, между прочим, ВУЗа. Сын небедных родителей. Что ли они для этого его на свет выплаждывали? Что ли они такое для него будущее пророчили? Учили они его что ли светотворы сшибать да портфели тырить? Не уговаривайте – не поверю!

В машине находились двое. Один из них Григорий, в которого Никанор Никанорыч швырял стрелы словоблудия, и второй, высокий, по-видимому его товарищ, сидел притопив голову в плечи и молчал. Григорий со злополучным портфелем в руках, делал попытки что-то сказать, на что Никанор Никанорыч незамедлительно повышал голос на тон. Вокруг уже собралась толпа зевак.

Я не мог взять в толк, каким образом портфель Никанор Никанорыча оказался в машине. Неужели Григорий действительно походя забрал у спящего Никанор Никанорыча в университете.

– Украл! – оглушительно обрушил свой вердикт Никанор Никанорыч, как бы отвечая мне. – На казенное позарился! Не постеснялся ни стен благородных, ни званий, ни пожилых моих годин.

Застрашанный Григорий Созонов приоткрыл дверцу машины и поспешно перебрал худой и потертый портфель через щель на капот, после чего снова заперся в машине. Удалиться с места происшествия он не пытался.

Никанор Никанорыч немедленно подхватил портфель под мышку. При этом он продолжал вещать:

– Общественный, дорогие мои, общественный, не какой вам нибудь, порядок расстроил! Ладно бы мой или Борис Петровича, положим, порядок.

И меня сосчитали, подумал я. Погода, надо сказать, стояла не теплая. Конец октября все-таки. Уши и нос уже давали о себе знать.

– Мы-то с Борис Петровичем перетерпим. Мы-то с ним перебьемся. Так ведь нет же! Позарился, стервец, на святое. Покусился на священное, государи мои. Общественный порядок – это вам не пироги жевать. Его так просто не выстроишь. Тут лета нужны. Лета и годы кропотливейшей занятости. И на тебе. Вот так просто, я бы сказал, случайным плевком, угодил Созонов Гришка в самую его сердцевину!

Я потер раскрасневшиеся уши. Так и воспаление легких подхватить недолго. А Никанор Никанорыч похоже настолько проникся ролью общественного обвинителя, что намеревался распинаться перед толпой до полного обморожения.

– Оставим мы с вами такое положение? -Никанор Никанорыч, до той поры обращавшийся ко всем одновременно, вдруг подскочил к низенькой бабке в цветастом платке. – Допустим что ли попиранья и топтанья? Так что ли? Настасья Петровна! Здравствуйте, сколько лет, сколько зим. Для того что ли, дорогая моя, возводили мы БАМы и АЭСы всякие? Для того что ли со шпалами на плечах исходили всю Россию-матушку?

Из-за угла показалась размалеванная машина автоинспекции. Я заметил кирпичные физиономии сидящих в ней сотрудников городской автоинспекции. При виде разбитой иномарки Григория Созонова, впрочем, их выражения сменились. На хищные, крокодилы.

Никанор Никанорыч, узрев приближение властей, ликующе всплеснул руками.

– Вот и они! Дождались, таки. Ну да и мне пора, милостивые мои. Потрудитесь восстановить картину, любезные, как того предписывают кодексы и про портфельчик, про портфельчик не забудьте. Ведь не откуда нибудь – из храма науки, стырен был. Попро, понимаешь, гранит. Ох и попадет Гришке, от отца, ох и достанется. Такая машина всмятку.

Почему всмятку, подумал я. Вовсе даже и не всмятку. Вполне предсказуемый ремонт ей потребуется.

Никанор Никанорыч наскоро выбрался из толпы, зажал между колен свой злополучный портфель и принялся безжалостно тереть уши.

– Подморозило! Буйствует погода-то.

Мне было жутко неловко оттого, что люди тарачатся на нас, как на цирковых медведей. Никанор Никанорыч умел привлекать внимание, с этим уж ничего не поделаешь.

Мы торопливо зашагали назад, в теплое фойе.

– Сейчас, Борис Петрович, пристроимся где-нибудь у батареи, – говорил Никанор Никанорыч на ходу, зажимая ладонями уши. – Там и покалякаем. Где это видано – не успел явиться, как тут же портфель стащили. Непорядок, Борис Петрович, ох и непорядок в вузе творится.

Я не ответил, потому что прав был Никанор Никанорыч. Неприятно все это. Не столько даже неприятно, сколько совестно. Ведь я же часть его, нашего университета. Я преподаватель, а значит есть и моя вина в том, что вытворяют студенты. Не научили, значит, в свое время. Или же научили, да не тому. Может быть, гораздо важнее комплексных выражений и частных производных обыкновенная человеческая порядочность?

Позади раздался тяжелый удар, как будто телевизор уронили. Я обернулся и обнаружил, что висевший над капотом автомобиля блок фонарей светофора сверзился с погнутого основания, и вдрызг разбил лобовое и прогнул крышу. Разлетелись в разные стороны разноцвет-

ные стекла светофильтров. Теперь машину с уверенностью можно было назвать «всмяткой». Я увидел Григория и его долговязого приятеля вылезших из машины, после нашего ухода. Они с неподдельным ужасом смотрели на место, где только что сидели.

Никанор Никанорыч тем временем был уже на лестнице. Я, ловя на себе остаточное внимание сотрудников автоинспекции и собравшихся свидетелей, счел за лучшее его догнать. Крыльцо у тому времени частично освободилось и мы свободно прошли в фойе. Здесь по крайней мере никто не глазел на нас столь откровенно и я мог собраться с мыслями.

– Давайте-ка, Борис Петрович, пристроимся где-нибудь в уединенном, а главное теплом месте, – обратился ко мне Никанор Никанорыч. – Давно ведь пора покалякать. А тут, как на грех – одно за другим, – он покачал головой.

– А с чего это Григорий в светофор врезался? – неожиданно для самого себя, спросил я.

Действительно, с чего это ему в светофор врезаться? Стащил себе портфель и преспokoйно смылся. Перенервничал он что ли?

Никанор Никанорыч развел руками.

– А как же не врезаться, Борис Петрович? Это вы что же прикажете гнаться за ними до самого дома?

Всегда у Никанор Никанорыча выходило так, словно по-другому и быть не может. Закономерны, как будто, эти события: портфель и светофор.

Глядя на меня, Никанор Никанорыч качал головой, язвительно прищелкивая при этом языком, демонстрируя полнейшую несостоятельность моего недоумения и словно бы поражаясь моей непонятливости.

– Окститесь, Борис Петрович. Дался вам Гришка этот Созонов. Ну уплатят за него родители штрафы, ну попадет ему от папеньки. Ведь полезное же дело. Может головенка его, с шевелюрой стриженной, соображать начнет.

Странно, но в словах Никанор Никанорыча я увидел смысл. Урок, какой никакой, был преподан. Будет ли он воспринят нерадивым молодым человеком, это другой вопрос. И не к Никанор Никанорычу надобно с ним обращаться, а непосредственно к самому Григорию Созонову. Только вот кто его преподавал, урок этот? Кто тот невидимый педагог, во власти которого учинять подобные, с виду случайные, совпадения?

Я отвлекся только на минуту, а когда поднял глаза, стоял посреди фойе один. Вокруг ходили студенты, по одному, группами. Только Никанор Никанорыча среди них не было. Снова он пропал, как делал уже не раз, не дав мне ни одного ответа. Исчез, оставив после себя лишь сомнения.

Тут логичным будет сделать небольшое отступление. Потому что по традиции, не дав тому никакого предисловия, я ввожу в повествование еще одного персонажа. Подробнее о нем, новом персонаже, читатель узнает в главах, относящихся к моему взрослению и началу научной деятельности, а пока скажу только, что молодая эта женщина сыграла несомненно важную роль в моей жизни, и несмотря на то, что судьба нас отчасти развела, оставалась одним из наиболее близких мне людей, исключая разве что родных: маму и сестру Аленку. Персонажем этим таинственным выступает Катерина Андревна, хорошая моя подруга, с которой вместе учились мы в университете во времена моего студенчества. В настоящее время работала она в медицинском университете, преподавателем на кафедре «Технологии фармацевтики».

После исчезновения Никанор Никанорыча, я, собравшись с мыслями, решил вернуться на кафедру. Домой идти расхотелось, надо было отвлекаться и напряженная работа сейчас была бы очень кстати. Я поднялся на кафедру, на третий этаж и уединился в преподавательской с бумагами, которые получил у Толи утром, односложно отвечая на вопросы коллег. То ли мой характер уже приучил их, то ли вид у меня был до того потерянный, только не донимали меня особенно и даже активный наш Олег Палыч, заглянув в преподавательскую на чай, не стал меня теребить и почаявничал со своим замом и еще парочкой доцентов, торчавших в препо-

давательской, в нашей миниатюрной самодельной кухонке. Меня позвали присоединиться для приличия, но мое бурканье показало, что присутствую я данный момент совсем не здесь.

А результаты Толины, надо отметить, получились довольно интересные. Теория, которую выстроил я после той встречи на остановке, сработала в соответствии с ожиданиями, и радостно смотрел я, как квантовая наша нейронная сеть выдает множественные вероятностные модели состояний. Я возился с распечатками и записывал наблюдения в рабочую тетрадку, заготовленную как раз для такого случая. В выходные исписал я несколько страниц, пытаюсь математически выразить разницу между суперпозицией вероятностей состояния сети, которую можно считать ценной, и той, которой можно пренебречь. Я подхватил этот начатый расчет и так увлекся, что потерял счет времени, и вывели меня из состояния увлеченного забытья энергичные похлопывания Анатолия по плечу. Я поднял на него глаза, постепенно возвращаясь в реальность. Он стоял надо мной, высоченный, широкоплечий и улыбался.

– Ну здравствуй, друг Борис, снова. Так ты и не ушел, значит, домой. Эх, понедельник начинается в субботу, – пробасил он.

Я заметил, что руководства кафедры уже нет в преподавательской, почаевичали, видимо, и разошлись.

– Пойдем что ли отобедаем? Серый ты какой-то, – сказал Анатолий. – Прогуляться тебе надо.

Мне с одной стороны страшно не хотелось прерываться, потому что вроде бы прогресс наметился в задачке с расчетом веса суперпозиции, но с другой, после утренней встречи, да еще без завтрака, я пожалуй был согласен провести следующие полчаса-час с Анатолием.

Разглядев мое неуверенное согласие, Анатолий, вскричал:

– А знаешь что! Давай-ка я Катю тоже позову с нами на обед. У нее тоже в это время перерыв.

Я возражений не имел и Толя убежал звонить на кафедру. Вернулся он, сияющий, в аккурат к моменту, когда довел я до логической точки начатую вычислительную цепочку и уложил распечатки со свою драгоценную тетрадь так, чтобы немедленно потом продолжить.

– Идет! Катка с нами! Согласная на наши плоские чебуреки!

На этот раз я оделся потеплее, старательно нахлобучил свое сине-серое пальто. Анатолий носил какой-то широченный утепленный плащ. Хотя плащ-то был скорее всего обыкновенный, просто габариты Анатолия разворачивали этот парус с английским воротником до необъятных размеров.

– Ну как, – спросил меня Анатолий, когда мы шли по коридору. – удалось сегодня продвинуться?

Я снова, к неудовольствию читателя, позволю себе сделать короткое биографическое отступление, чтобы понятны были наши с Толей отношения. В студенческие годы, Анатолий учился на том же факультете и специальности что и я, но на год младше. Поначалу знакомы мы были не более, чем обыкновенно студенты старшего курса знают и жалуяют младших: до последней сессии то есть считали младшекурсников новичками, «не нюхавшими пороху». Виделись мы с Толей в коридорах, на вузовских мероприятиях, сказать по правде, не заметить такого громилу было сложно, но сошлись только во второй половине четвертого моего курса, когда время подошло к выбору – инженерная специальность, либо бакалавратура, с последующими магистратурой и аспирантурой. С определенного момента судьба принялась столь упрямо сталкивать нас вместе – в деканате, на кафедре, у замечательного нашего научного руководителя, что игнорировать и дальше друг друга стало совсем уже невозможно. Поэтому, несмотря на укоренившуюся мою привычку противиться всякому новому сближению, я последовал совету Олега Палыча и подключил талантливого программиста Анатолия Ростовцева к разработке своей бакалаврской тогда работы. Ну а дальше пошло уже по накатанной. Признаться, в нашем тандеме роль научной движущей силы исполнял я. Но с другой стороны, Толя был эффектив-

ным разработчиком и без его формализованного подхода и крайне оперативной реализации, пылится бы моим изысканиям в ВУЗ-овских архивах долгие годы, покуда не надоело бы все это мне и не забросил я свои идейки и исследования куда подальше.

Такую короткую справку хотел я привести, чтобы правильно интерпретирован был вопрос Анатолия. В данном контексте это означало: что мне «запилить» на стенде дальше?

– Хороший вопрос, на который не могу я пока ответить, – ответил я, – надо интегральчик рассчитать сначала. Я пытаюсь нормальное распределение применить к нашим суперпозициям. Взвесить их адекватно. Иначе с результатами захлебнемся.

– Да я уже захлебнулся. Упал вчера наш стенд. Оперативная память кончилась.

Мы еще какое-то время шли и рассуждали какие следующие шаги предпринять. Быстрым решением было ввести абсолютное значение вероятности, ниже которой квантовое состояние будет отбрасываться. Долгим решением был мой «интегральчик», который я пока не дорасчитал.

Мы спустились на первый этаж, прошли через вестибюль ко входу в столовую и встали в очередь позади группы студентов. Я упоминал уже о нашей столовой, о том, что оставляла она желать лучшего, готовили в ней скверно и хаяли мы ее почему зря. Эти обстоятельства нисколько не мешали нам продолжать посещать ее в рабочие обеды и перерывы. Я затруднюсь дать разумное объяснение этому феномену. Где-то прячется он в психологии вечно погруженных в себя научных сотрудников. Рядом с университетским корпусом было несколько достойных трапезных. Во всех них было если не дешевле, так уж точно чище и вкуснее. Однако же наша «столовка» всегда была под рукой, все здесь было привычно и предсказуемо. В нее не нужно было специально собираться, уславливаться сходить, готовиться, одеваться. И очередь, и сотрудники, и еда, которая не была совсем уж отвратительной, были попросту неотъемлемой частью нашей университетской работы.

Мы взяли со стойки подносы и положили на полозья, которые, растянувшись вдоль сведенных вместе шкафов со встроенными варочными плитами и пластиковыми полками, составляли собой столовский прилавок. Вели полозья к кассе, где восседала худая старший кассир Галя в белом халате и чепце. Если не изменяла мне память, безвозрастная густонакрашенная Галя оглушительно захлопывала лоток с деньгами в столовой еще во времена моего студенчества.

Сегодня столовая обдала нас новой смесью запахов тушеной капусты, макарон с фаршем, плавающей в коричневом бульоне курицы на противне, ну и конечно неизменных компота и киселя. Огромные кастрюли с супом пыхтели на отдельной плите, которая как остров возвышалась по ту сторону прилавка. По регламенту в обед полагалось предлагать два супа на выбор, и сегодня это были: борщ и молочная лапша.

В этой какофонии запахов, пыхтений, студенческих хихиканий, наш разговор с Анатолием о работе как-то сам по себе сошел на нет. Мы стояли молча, вздыхали и ждали своей очереди.

Галя между тем разглядела Анатолия и отчаянно заулыбалась ему с противоположного конца живого «конвейера». Будучи значительно старше Анатолия, Галя тем не менее питала к нему некоторую слабость, в которой может и сама себе не признавалась. Выражалось это в том, что старалась она обслужить его в первую очередь, хотя был у нас инцидент, когда особенно въедливый студент добился от столовой обязательства, что преподаватель здесь не более клиент, чем студент и очередь для всех одна.

Галя сорвалась со своего насиженного места за кассовым аппаратом с прямоугольными выпуклыми кнопками, внушавшими благоговейный трепет всей без исключения очереди, и виртуозно обойдя старшего повара и кухарок, управляющихся с кастрюлями и тарелками, оказалась напротив нас с Анатолием.

– Здравствуйте, Анатолий Александрович, – сказала она тоненько и улыбочиво. – И вы здравствуйте Борис Петрович. – на мне ее улыбка сошла на нет.

Здесь опять я дам пояснение. В это самое время я находился со столовой в состоянии холодной конфронтации. Около месяца тому назад я пожаловался руководству кафедры, а потом еще в ректорат написал заявление о том, как позорно столовая обслуживает посетителей. Я подробнее изложил все примечания, которые не были совсем уж новостью, но по традиции наших сплоченных коллективов, не принято было поднимать шуму. Был вызов на ковер – меня, Олег Палыча, начальника отдела закупок и заведующей столовой. Всех как водится пожурили, постановили организовать комиссию и на этом дело вроде бы заглохло. Стало ли после этого в университетской столовой получше? По моему мнению – да, совсем уж откровенные нарушения пропали. Однако же вызвал я на себя все молчаливые выражения неприязни, которые могут только излучаться столовскими сотрудниками. Не обслуживать меня не могли, а вот глядеть на меня недовольно, хмыкать и всячески показывать как не прав я был, обратившись к вузовскому руководству, а не в столовую напрямую, решить проблему полюбовно, – это случилось теперь регулярно.

– Анатолий Александрович, вы за чебуреками? – заискивающе спросила Галя. Она конечно выучила уже личные предпочтения факультетского состава. Анатолий особенно любил эти столовские чебуреки.

– Да, Галя, – она когда-то давно попросила назвать ее по имени. – Нам бы восемь чебуреков.

Галя окинула очередь опытным испытующим взглядом, на предмет поиска пассионария, который немедленно взбунтуется, предложи она обслужить преподавателя вне очереди. Очередь, хотя и обратила внимание, что кассира нет теперь на месте, признаков серьезной агрессивности не подавала. Галя вернулась к кассе, где на широких поддонах высилась горка с пузырчатými жареными чебуреками. Чебуреки представляли собой плоскую промасленную подушку из недрожевого теста в виде полукруга, с начинкой из мясного фарша с луком. Я не стану судить о качестве теста и фарша, но жестковатый, мяслянный этот пельмень необычайно был популярен в нашей столовой. Хитрая смесь из пупырчатого теста с начинкой из обращенных в жижу мяса, жил и лука, жаренная в масле, давала недурной вкус. Говоря иначе, аппетитные были университетские чебуреки, уж не знаю чего мешали в них повара.

Итого, кассир наш Галя, игнорируя очередь, принесла Анатолию восемь его чебуреков, завернутых в салфетки и упакованных в целлофановый пакет, и, махнув рукой, мол, потом рассчитаемся, поспешила назад на свое главное, кассирское место.

Произошло это так быстро, что мы не сообразили сразу, что стоять нам в очереди более незачем и можем мы вернуть на место подносы. Ведь и взяли-то мы их исключительно для проформы, чтобы стоять в очереди с легитимным удостоверением – подносом.

Анатолий отправил Гале воздушное рукопожатие, мы вернули подносы в стопку и походя подхватив дополнительных салфеток, отправились восвояси, с удовольствием шикая на горячий полиэтилен. Меня кольнула мысль что вот де я, ратующий за порядок и качество в столовой, только что сам поучаствовал в некотором попирании порядка и правил, будучи обслуженным вне очереди, но я как-то сразу об этом позабыл. Что же сам я никогда не делал скидок знакомцам и близким?

Мы прошли через холл, где встречался я сегодня с Никанор Никанорычем, и совсем другое было это фойе с Толей и чебуреками. Вышли из университета и пошли по улице к скверу рядом с нашим зданием.

Сквер был небольшой, этакий прямоугольник травы с парой перекрещивающихся дорожек, скамеек и деревьев, которые осыпались уже желтыми и коричневыми пухлыми листьями. Мы выбрали свободную скамейку, уселись на нее, разложили салфетки с чебуреками и приня-

лись ждать Катю. Потом Анатолий, спохватившись, убежал в киоск за чаем. Без чая жирные чебуреки есть было тяжело.

Катя и Анатолий появились одновременно, с разных сторон сквера. Катя была в бежевой длинной куртке и шерстяной юбке, а может и платье, непонятно было из-под куртки. Волосы она красила в желто-белый цвет видимо по какой-то моде. Волосы у Кати вились и она их особенно не укладывала, свободно отпуская на плечи. У Кати была очень белая кожа и сегодня она показалась мне даже бледнее обычного. Косметики на лице у нее было совсем чуть-чуть, на работу по обыкновению она почти не красилась.

Катя помахала нам обоим рукой. Анатолий в ответ помахал бутылкой с чаем.

День к тому моменту уже играл для меня новыми красками. Отпечаток утра ушел, смыли его чебуреки с Толей и Катней, а может еще и вычисления мои, в которые углубился я, тоже свое дело сделали. Сделалось мне хорошо, легко и свободно.

Мы радостно поздоровались с Катей. Она была бледная, но при виде нас зарумянилась.

– Ух, какой у вас пир! – сказала она.

– Да. Обслужили нас в столовке сегодня по высшему классу. Без очереди, – засмеялся Анатолий.

– И даже без денег, – добавил я. – Но я уверен, за Толей скоро придут.

– Снова неистовые поклонники Толи из столовой? – лукаво спросила Катя. – О, да. Эти придут.

Так продолжали мы стоять, дурачиться, после чего набросились на сочные, масляные чебуреки. Мы держали их на вытянутых руках, чтобы не испортить рукава и одежду, кусали пупырчатое жареное тесто и улыбались.

Историю моего знакомства с Катей, как и обещал, я буду рассказывать подробно в одной из будущих автобиографических глав. С Катей мы были дружны, виделись довольно часто, и в общем-то все друг о друге знали. Катя жила со своей мамой, которую я тоже знал лично. Как и она мою.

Восемь чебурек мы поделили следующим образом: по два мне и Кате и четыре нашему большому Анатолию. Он очень живенько с ними расправлялся. Я не успел еще доесть первый, а Толя затолкал в рот уже два и довольный примерялся к третьему.

За дожевыванием второго чебурека я вспомнил о Никанор Никанорыче. Где-то здесь совсем неподалеку случилась авария и история с портфелем и Созоновым Григорием. Перекресток этот даже можно было разглядеть из сквера.

Потом я обнаружил, что Катя и Толя увлеченно беседуют и мысли мои о Никанор Никанорыче снова отступили. Я постарался включиться в разговор.

– Ты наверное знаешь уже – у нас снова заладилось со стендом. Борис предложил хитрую штуку с результатами, мы теперь их считываем в самом конце, и кладем сервер с "out of memory", – гоготнул Анатолий. После чего продолжил гордо: – Но теперь можем вполне серьезно говорить о эмуляторе многомерной квантовой нейронной сети. Звучит!

– Еще как! – ответила Катя. – Меня эта тема с сетью вашей, очень интересует. Это ведь шире можно рассматривать, чем типовое распознавание образов. В медицине, к работе целого головного мозга применить, к тому, как память работает...

Потом стала Катя рассказывать, как у них на кафедре, в медицинском, она пытается в фармацевтику привнести некоторые знания, полученные у нас. Там было все по-другому, конечно, царила наука химия и Катя заканчивала сейчас второе свое профильное образование, фармакологическое. Математические модели проходили по касательной, больше синтез, влияние на нервную систему, клинические испытания, плацебо.

Она говорила, а Анатолий заинтересованно слушал, изредка вставляя что-то впопад и невпопад. На меня порой в таких случаях находит некоторое смущение. Как будто лишним становлюсь я что ли на товарищеской посиделке, хотя и знакомые-то оба мои, и знаю я глубоко

о чем речь. Но вот налетит глупое чувство и смотрю я на обоих своих приятелей и не особенно их слушаю, а думаю о своем.

– Тут видишь в чем дело, – пыхтел Анатолий, дожевывая последний чебурек. – Если брать за основу квантовые состояния, то речь не идет о конкретике, а только о вероятностях. Вот здесь мы и уперлись в то, что если все эти множественные вероятности хранить, как весомые в вычислениях, ничего не отбрасывать, то мы получаем в итоге гигантскую результирующую матрицу, хранить которую становится невозможно уже физически. Вот теперь пытаемся математически обосновать этот порог – какие вероятности нам отбрасывать, а какие оставлять.

В общем-то правильно все рассказывал Анатолий. Про вероятности, про пороги. Проблемой было еще и то, что изначально низкие вероятности в сложных многошаговых процессах могли значительно вырасти впоследствии. И выходило, что целая вычислительная цепочка пропадала, если мы посчитали ее вероятность низкой на начальном этапе.

Катя, чуть зардевшаяся от такого пристального внимания Анатолия, искоса глянула на меня.

– Борь, а ты с нами еще?

– Да, да, с вами конечно, – с некоторой поспешностью сказал я. – Думаю вот, на черта мы все время про вероятности? Тем что ли других нет? В театр вон «Сивильский цирюльник» приехал. Может, махнем?

Анатолий что-то неопределенно пробурчал в ответ, а потом, ловко забросив смятые салфетки в покосившуюся переполненную урну, посмотрел на часы.

– О, ребята, – он сокрушенно качнул головой. – У меня пара начинается уже. Побегу. Я на прошлой неделе опоздал, буквально на две минуты и смотрю – Палыч идет, и смотрит на меня ехидно. Думал, сегодня на заседании припомнит мне. Но придержал видимо для более подходящего случая.

Палычем мы называли Олег Палыча Круглова, нашего заведующего кафедрой.

– Медленно вы как-то едите, – сказал Анатолий свою ставшую уже привычной шутку. – ну хорошо, оставляю тебя, Борь, в надежных руках, – он кивнул Кате и зашагал в направлении к университету.

После прощания с Анатолием, мы с Катей сели на скамейку и какое-то время молча дожевывали наши вторые чебуреки, запивая их кисловатым желтым чаем из пластиковых бутылок.

– Ты знаешь, сегодня утром случилась здесь неподалеку удивительная история, – сказал я. – Студент украл портфель у одного гражданина, у нас в университете, а потом вон там на перекрестке умудрился врезаться в светофор.

– Бывает, – отстраненно сказала Катя. – Поделом ему, наверное.

Она очевидно думала о чем-то своем, и не мог взять я в толк, пропустил ли я это, когда разговаривала она с Анатолием, или новое что-то, о чем не решалась она заговорить.

– Как мама? – спросил я, подумав, что личный вопрос выведет ее из задумчивости.

Катя отозвалась:

– Хорошо, в общем. Ходит на какие-то вечера с подругами. На прошлой неделе я так засиживалась на втором образовании, что не видела ее практически. Возвращалась, когда она уже спит, а утром убегала засветло.

– Как у тебя по учебе, двигается?

Катя кивнула:

– Мне в какой-то степени легко. Я по работе многое уже знаю и понимаю. Поэтому больше «отсиживаюсь». Вот для некоторых студентов получается забавно. Они перевелись с дневного отделения на вечернее, а там, понимаешь, их же преподаватель вместе с ними учится.

– А знаешь, – прервала она сама себя. – У вас с Толей похоже какое-то по настоящему серьезное исследование выходит. Мне даже слушать очень интересно, не говоря уж о вашем энтузиазме.

Опять про исследование. Покою нигде от него нет, хотя результатов по большому счету мы и не добились пока.

– Да тут условно все, – ответил я. – Толя конечно бодрый, возбужденный. Но вот с Олег Палычем мы говорили на прошлой неделе, там все несколько в ином свете. Исследование интересное, самое главное оно сквозное, мы с «Технической Физикой» работаем близко и кафедрой «Вычислительных Систем». Но с другой стороны, с финансовой точки зрения сейчас совсем нехорошее время для чисто научных исследований. Кафедра бегаёт за хозподрядами. Пытаемся работать с разными большими и мелкими фирмами, с остатками заводов. Олег Палыч все просит подумать как бы монетизировать наши исследования. А я тут полный профан.

– Ну это сейчас везде. У нас любые исследования теперь должны либо быть финансированы какой-нибудь фармацевтической сетью, либо другими заинтересованными. Капитализм у нас теперь. Но я думаю, лукавит малость Палыч. Гордится он очень твоей работой. Не много сейчас таких в ВУЗе ведется, по настоящему инновационных.

Тут Катя посмотрела на меня пристально.

– А про Толю что скажешь, Борь? – задала она вопрос несколько неожиданный. – он в каком формате участвует в твоих экспериментах?

Я смутился даже в какой-то степени от такого вопроса. Наверное дополнительно еще потому, что знал корни этого вопроса, и о чем меня Катя спрашивала. Анатолий был неотъемлемой частью моей работы, из-под его рук вышел весь стенд. Он боролся с сервером, с выделением памяти, с проблемами свопирования, когда результат вычислений становился так велик, что оперативной памяти оказывалось недостаточно. Анатолий хорошо разбирался в проблематике искусственных нейронных сетей, без этого он не смог бы переложить математическую модель на язык программного кода. Однако же роль его заключалась исключительно в этой инженерной составляющей. Научного вклада в наше исследование со стороны Анатолия не было.

– Ну-у, – протянул я. – Я тебе рассказывал ведь уже. Толя – замечательный. Надежный, старательный и головастый. Без него совсем было бы мало шансов у меня поднять эту тему. Так и оставалась бы в моих толстых тетрадках, про которые я бы постепенно забывал и терял. – я попробовал пошутить. – Ты же знаешь меня. Я витаю все время в облаках и мне нужен тот, кто будет периодически дергать за веревочку, чтобы я не улетел совсем. Вот в нашем тандеме с Толей, он исполняет как раз эту роль.

Катя опустила глаза, теребя в руках салфетки.

– Это ты очень точно сказал – дергать тебя за веревочку. – она как-то вымученно улыбнулась. – У меня на этот счет, на счет твоего витания в облаках, тоже выработалась некоторая теория. Я думаю теперь, что эти твои «зависания», в них и есть секрет того, как глубоко ты погружаешься в свою тему. Помнишь, ты рассказывал, что у тебя были с физикой проблемы в школе, когда ты мог сказать решение, но не мог объяснить, как его получил. Вот здесь наверное так же, ты в том «другом» своем режиме выполняешь эти расчеты, а потом уже записываешь результат.

Я не мог тут с Катей не согласиться. Самыми эффективными своими решениями я обязан был именно такому отвлеченному своему состоянию. Все мои знакомые и сослуживцы давно знали, что меня в этом состоянии нет никакого смысла вовлекать в другие дела и активности. Бесплезно это, да и даже чревато порой наткнуться на меня угрюмого, злого и грубого.

– Я как раз про Толю сказать хотела, – продолжала Катя. – он конечно не чета тебе с точки зрения исследовательской ценности. Я вижу, как он вспыхивает и переживает, что помочь тебе в настоящем исследовании не очень может. А программистскими его проблемами ты не особенно интересуешься, он их со студентами обсуждает на лабораторках. Но все-таки ты держись за него. Он надежный, и он тебе нужен не меньше чем ты ему, как этот самый, дергающий за

веревочку, а также ответственный и исполнительный инженер. Я вижу что он очень по-дружески к тебе относится, хотя ты его близко особенно не подпускаешь, по сложившейся привычке.

Здесь я согласиться с Катей мог только частично:

– Ну с чего ты, Кать, взяла, что я его не подпускаю? С Толей у меня самые близкие на кафедре отношения. Очень хорошо я к нему отношусь, нравится мне Толя, и я совершенно никого не рассматриваю в его роли в нашем исследовании. Могу даже больше сказать, если бы был со мной здесь такой же как я, то ничего бы не вышло. А с Толей мне совершенно свободно, отвечаем за смежные ограниченно пересекающиеся области, – я тут вдруг подумал, что все то, что говорила мне Катя, не могло быть обусловлено одними только нашими редкими встречами на троих. – А ты с Толей встречалась что ли? Он тебя попросил поговорить со мной?

Я увидел, что Катя смутилась от этого моего вопроса. Она снова зарумянилась, после бледности, в которую вернулась после ухода Анатолия.

– Да, он меня после работы проводил недавно. Толя переживает сильно, не всегда, говорит, понимает, где можно тебе помощь предложить, а где нельзя. На тех физике говорит какой-то инцидент был у вас, где он опозорился что ли.

Я помнил эту историю. Мы с Анатолием ходили на кафедру «Технической Физики» и разбирали там наши математические модели с коллегами. Ну и Толя перепутал там классический детерминированный подход и квантовый, вероятностный. Но я не заметил тогда, чтобы особенно он переживал, так, посмеялись все вместе и продолжили. А, оказывается, даже поделился с Катей при встрече. Как много все-таки человек носит внутри, пряча от остальных.

– Да ничего там серьезного не было, – сказал я. – Так, спутал формулу одну.

– Тебе может и ничего, а он переживает сильно. Кажется ему иногда, что не воспринимаешь ты его как равного себе, со снисхождением каким-то относишься. Я тебя хорошо знаю, никакое это не снисхождение, это манера твоя такая, черта характера дурацкая, в которой вот есть ты и твои мысли, а там, отдельно, все остальные. А то, что остальные переживают, не могут к тебе подступиться и отчаиваются порой – тебе незаметно это.

Она перевела дух. В разговорах, мы с Катей иногда забредали на территорию, которая осталась неприятным тягостным воспоминанием для нас обоих. Договорились мы этого не делать, но вот время от времени проскальзывало.

Я молчал и Катя продолжила:

– Я только хочу сказать, чтобы ты был повнимательнее что ли к нему. Вы друг другу очень нужны, и Толя тебе нужен не меньше, чем ты ему. Я уверена вас двоих ждет успех, – она вдохнула воздух, и улыбнулась, как бы сбрасывая тяжелый дух разговора. – А там может и я подтянусь со своей фармакологией. Так и знай, Борька, что первым применением после кибернетики, должна обязательно стать медицина! Прямо чувствую, что вы к памяти человеческой подбираетесь со своими исследованиями.

Она встала и по-женски изящно положила свои салфетки в урну. Я тоже поднялся. Порывистый ветер гонял по дорожкам листья.

– Ты хрустальный как будто, Борь, – Катя снова заговорила серьезно. – Не знаю даже как объяснить. Есть в тебе таинственность и безразмерная глубина. Если честно, боязно даже прикасаться к тебе иногда, заговаривать с тобой. Но долго вот так, не прикасаясь, – тяжело.

Мне показалось в ее глазах блеснули слезы. Я захотел что-то сказать, но вязко было у меня во рту, не знал я, что в таких случаях говорят. Неправильный какой-то завязался у нас с Катей разговор.

– Я тебя услышал, Кать, – сказал я. – Повторю, что Толя мне в моей работе важен и я обращаю внимание, если где-то ненамеренно мог его задеть.

Я взял ее за руку повыше локтя. Сквозь мягкий шерстяной рукав ее пальто я почувствовал тепло ее предплечья.

– Не переживай, – продолжил я. – Все будет хорошо. Память – отличная подходящая тема.

Она накрыла мою ладонь своей, узкой. Потом кивнула прощательно и зашагала прочь, к своему университету.

Я постоял еще какое-то время смотря ей вслед. Потом посмотрел на часы. Выходной неумолимо заканчивался. Я вздохнул и пошел по направлению к входу в здание университета. А потом, передумав, свернул и потопал к автобусной остановке, домой.

Глава 4. Никанор Никанорыч на кафедре

Вторник мой промчался стремительно. У меня были две подряд учебные пары, по час двадцать, перерыв, а потом я принимал студентов в аудитории с их курсовыми и вопросами. Статистика показывает, что октябрь по-прежнему остается одним из наименее популярных студенческих месяцев. Студент любит оттянуть все, связанное с ответственной работой, к концу семестра, чтобы потом в едином слаженном порыве успешно отстреляться по всем долгам сразу. На практике срабатывает только первая часть бестолкового этого плана, а именно собирание хвостов по учебе в большой, неподъемный клубок. Дальнейшее же, связанное с могучим волевым порывом – проваливается. Так и торчат задолженники в коридорах днями и ночами, начиная с последних недель семестра до окончания сессии. Ищут, объясняют, выклянчивают снисхождения. Где ж вы были, ребята, в октябре, в ноябре, когда погода стояла отвратительная и словно бы сама природа упрашивала вас сосредоточиться на учебе, на курсовых, на пропущенных лабораторных работах.

Я закончил с занятиями, вернулся в преподавательскую и засел за вычисления. Задача была интересной, с вызовом. Я даже просыпался пару раз ночью, размышляя о том, как можно рассчитать вероятность, которой только еще предстоит вырасти. Как не отбросить ее на начальном этапе расчета. Был конечно самый простой путь – не пренебрегать ничем. Все состояния сети считать весомыми. И отсекал их только в самом конце. Но это перегружало наш стенд настолько, что последние несколько итераций мы по часу ждали мизерного результата. Ну и проблема нехватки памяти никуда не девалась, мы ломали голову над тем, как с ней быть. Требовалось отыскать другое решение, менее очевидное и более эффективное.

Часа три я просидел за расчетами. Вокруг бегали люди, периодически заговаривая со мной. Анатолий рассказывал какие-то смешные случаи на лабораторках. Я при этом иногда кивал, делал какие-то лица подходящие, но сам конечно целиком был погружен в вычисления. Раз только вывел меня из раздумий громко крикнувший под Толей стул, когда он, возбужденно разглагольствуя, как-то особенно приналег на него. Улыбка с Толиного лица слетела мгновенно.

Я вспомнил, что завтра у меня проверочная работа по лабораторной практике, а я еще не проверил и не оценил результаты прошлой недели. Чертыхнувшись, я неохотно собрал свои бумаги, заложил тетрадь свою любимую в месте, где остановился, достал студенческие работы и занялся проверкой.

До позднего вечера ревизовал я работы студентов, и все это время Анатолий бегал вокруг своего стула. В этот раз стул подкачал всерьез – деревянная ножка лопнула вдоль. Уж сколько раз предлагали Анатолию заменить свой стул, выбрать какой-нибудь получше и, самое главное, покрепче, в аудиториях, да только не слушал Анатолий никого. Точно упрямый ребенок, он возился с этим своим стулом, крутился вокруг него с инструментами – этакий здоровенный детина, под два метра ростом, – никак не желая признать очевидный факт старения, как ни крути, казенного имущества.

За окном стемнело, кафедра опустела. Я знал, что пару аудиторий занимают группы вечернего факультета, но преподаватели их не показывались в преподавательской. Только Анатолий суетился, периодически исчезал, прибежал, снова исчезал, отыскивая в удаленных лабораториях и кафедрах шурупы и отвертки. Я настолько привык к хлопаньям двери, что совсем уже не обращал внимания на беготню большого друга и его рассказы о состоянии дел на этажах.

От бумаг меня отвлек громкий хруст. Я нехотя поднял глаза, примерно уже предполагая, что произошло. Анатолий наверняка решил опробовать свой заново отстроенный стул и тот снова подвел его. В последний, я надеялся, раз.

Я поднял глаза и обнаружил, вместо Анатолия, Никанор Никанорыч, сидящего на полу у поломанного стула, потирающего ушибленный бок.

– Вот тебе на! – недоуменно бормотал он. – Хотел ведь только по-вежливому, по-культурному, устроить.

Он принялся неуклюже подниматься, ухватившись за угол близстоящего стола. Стол тоже принадлежал Анатолию. Как на грех Никанор Никанорыч двинул толстенную зашнурованную папку, та, в свою очередь, кипу бумаг, которые не преминули разом ухнуть с Толиного стола, припорошив частично сломанный стул.

Никанор Никанорыч поднялся и принялся чесать затылок. Наверное таким образом ему легче соображалось, да только вряд ли Анатолию стало бы оттого радостнее. Стул его бедный, многократно сверленный и колоченный, подобно Трое пал, бумаги рассыпались.

– Я ведь только обождать хотел, Борис Петрович, пока вы с делами завершите, – оправдывался Никанор Никанорыч. – Ничего ведь подобного и в мыслях не было.

Я подлил масла в огонь:

– Что же вы, Никанор Никанорыч, не видели что ли? Стул стоит посреди прохода, инструменты вокруг лежат. Обязательно на него было садиться? Человек ведь ремонтировал, мучался.

Никанор Никанорыч пылко схватился за грудь.

– Ведь я ж, Борис Петрович, не по злему умыслу. Исключительно по рассеянности, по неуклюжести, единственно. Бумаги-то мы собрать сможем, – он нескладно согнулся и принялся подбирать бумаги. – Бумаги-то они ерунда на постном масле. Со стулом вот неурядица вышла. Некрасиво как-то со стулом получилось, а? – он бросил собирать бумаги и просительно поглядел на меня. – Делать-то чего теперь, Борис Петрович?

Я огляделся по сторонам, словно пытаюсь отыскать ответ в старых стенах. На стенах преподавательской висело что угодно, только не инструкции по восстановлению поломанных стульев. Вдоль большой стены висела большая коричневая доска, частично исписанная, с размашистыми разводами от тряпки. Дальше, ближе к входной двери стояла пара стульев, а над ними висел календарь за прошлый год. Почему-то календарь на стене неизменно оказывается за прошлый год. Со стороны шкафа для верхней одежды приколотыми висели несколько фотографий, какое-то стихотворение, потом у самой нашей миниатюрной кухонки висело старое расписание занятости лабораторий, написанное от руки на разлинованном ватмане. Потом шли преподавательские столы и тут уж каждый, кто сидел вдоль стены, оформлял ее на свой лад: примерами вычислений, распечатками программного кода, фотографиями, наклейками-напоминалками. Короче говоря, черт знает что висело на стенах преподавательской, не имеющее ни малейшего отношения к нашей с Никанор Никанорычем беде.

В моей голове к тому же вертелось еще решение задачки из студенческой контрольной, мешающее сосредоточиться.

– Заменить! – осенило меня.

Ведь это так просто. Как я сразу не сообразил. Анатолий никогда не сделает этого сам. А тут мы еще и услугу ему окажем.

Никанор Никанорыч прямо подскочил от радости.

– Правильно, Борис Петрович! Заменить – это мы в миг! Заменить – это мы в секунду!

Он очень бодро рванул к двери. Бумаги, понятное дело остались лежать на полу. То есть собирать их придется мне.

– Подождите, Никанор Никанорыч! – крикнул я вослед. – Обломки не забудьте! А-то заменим мы, на свою голову.

Никанор Никанорыч послушно развернулся, вернулся, сгреб в охапку все что было и даже по-моему лишнего, и опять понесся к двери. Я дождался, пока за ним закроется дверь, после чего поднялся из-за стола и неспешно направился к россыпи бумаг.

Никогда не жаловался я на чувство времени. Конечно, оно подводило меня, не без этого, однако скорость его, времени, течения, по крайней мере приблизительно, я мог определить всегда. Я успел только наклониться к бумагам Анатолия, когда дверь распахнулась и Никанор Никанорыч торжественно внес в преподавательскую новехонький стул.

– Вот, Борис Петрович! Новехонький! Самый, что ни на есть!

Он медленно, смакуя каждый шаг, пронес стул между рядами столов, нарочно выбирая так, чтобы удлинить путь и гордо установил его на место за Анатолиным столом. Я обратил внимание на схожесть этого нового стула, с прежним. Он не только был аналогичной конструкции, даже рисунок на тканевой обшивке сидалища и спинки совпадал со старым. Только был он новым, ярким, словно только что с фабричного конвейера. Да что говорить об обшивке. Невероятное мизерное время потребовалось Никанору Никанорычу, чтобы отыскать в огромном здании подходящий идентичный стул. Старые подозрения полезли в мою голову.

– С таким стулом хоть диссертацию пиши, – сказал довольный Никанор Никанорыч.

– Еще бумаги собрать нужно, – буркнул я.

Что еще я мог сказать?

Мы с Никанор Никанорычем принялись собирать бумаги. Это оказалось не таким простым занятием. Словно нарочно, бумаги Анатолия оказывались в самых дальних углах. Два каких-то невообразимых бланка отыскал я даже у вешалки. Зачем Анатолию куча бланков на столе? Его ли это бланки?

Пока мы с Никанор Никанорычем на четвереньках бороздили просторы преподавательской, входная дверь снова отворилась. Это Анатолий вернулся после очередного рейда за инструментальной базой к стулу. Я в это время находился под столом у окна, то есть в самом дальнем углу преподавательской. Никанор Никанорыч, насколько мог я предположить, обретался где-то в районе входной двери.

Я поспешно вскочил.

– Знаешь, что, Борь? – сказал Анатолий, завидев меня. – На кафедре «Производства и Конструирования» давно решили проблему с инструментами и подручным материалом. Со склада выписывают и все тут. Давно уж и нам пора, а мы все канителится. Обыкновенный стул починить – и то проблема!

– Именно, Анатолий Саныч, именно!

Никанор Никанорыч поднялся с пола совсем не там, где я его ожидал. Вставши, он оказался как раз между мной и Анатолием. За спиной Никанор Никанорыч прятал еще несколько злополучных бумаг.

– Это вы совершеннейше верно подметили, Анатолий Саныч! Со склада выписывать инструменты надобно. Со склада, больше ж неоткуда. Однако вы вот в своем примере кафедру «Конструирования и Производства» упомянули, так, скажу я вам, не все тут так просто, как невооруженным глазом видится. Завсклада, тот еще стервец, не хочет казенное имущество раздавать кому ни попадя. Мнется, бюрократ, жметесь, скупердяйничает. А самое-то пренаглешее, что хоть ты ему про сломанный стул расскажи, хоть про шифоньер с полками уроненными и зеркалом треснувшим – все одно для него, стервеца эдакого. Не аргумент. Скажет тебе – не заложено в план по этом году. Заказывайте, скажет, на следующий, с обоснованием. Мало того – уже именно так и отвечивал на заявку достойнейшего Олег Палыча.

Никанор Никанорыч обличительно потряс ладонью выпростав руку из-за спины. Пыл Анатолия заметно поуугас, особенно, заметил я, остро воспринял он пассаж Никанор Никанорыча про шифоньер с полками.

Воспользовавшись его замешательством, Никанор Никанорыч ловко перебрисил бумаги на место.

– Позвольте представиться, Анатолий Саныч. Никанор Никанорыч, с позволения вашего, знакомец Бориса Петровича, – он подскочил к Толе и протянул ему руку. – Пересеклись мы с Борисом Петровичем на теме одной занимательной, университетской.

Анатолий пожимая руку Никанору Никанорыча, вместо него посмотрел на меня.

– Нейронные сети что ли?

Как-то вымученно прозвучал этот вопрос. Вспомнил я немедленно разговор с Катей о переживаниях его, что опять он не у дел остается в научных дискуссиях и хотел уже встрять в разговор, но Никанор Никанорыч меня опередил:

– Да какие там нейронные сети, дорогой мой Анатолий Саныч, – он махнул рукой, – Дел будто других нету, кроме сетей этих ваших, – он повернулся ко мне и отвратительно заговорщицки подмингул. – Я знаете ли по-административной части сам-то, по чиновничьей. Мне подавай распорядок, план; мне, понимаешь, чтобы график выполнялся, вот чего нужно. А ежели не выполняется, то вот он я, как есть, блюду, так сказать порядок. Вот скажем, кафедра «Конструирования и Производства», о которой мы говорили. Думаете кафедра вовремя подсуетилась и завскладом, э-э, гражданин Коробов, так вот по порядку отреагировал? Не мне вас, коллеги, учить, да только без приличествующих дивидендов у нас, извиняюсь, только в сортире дела делаются. Совлек, завсклада, с них, за такое свое бескорыстие. Совлек, подлюка, и разрешенья не спросил.

Пока Никанор Никанорыч говорил, он переместился между рядами и вернулся к столу Анатолия.

– А про шифоньер откуда знаете? – понуро спросил Анатолий, по-прежнему стоя в дверях. – Борис рассказал?

Никанор Никанорыч соболезнующе закивал и опустил на новехонький Анатолийн стул. Я, признаться, понятия не имел ни про какой шифоньер.

– А что, – грянул вдруг Анатолий, – возбраняется что ли? Нельзя что ли отремонтировать шифоньер? Убудет что ли от инструментов казенных? Или же прикажете мне новый покупать на зарплату преподавательскую?

– Не кипятитесь вы, голубчик, – миролюбиво сказал Никанор Никанорыч. – Полнейшее имеете право и никто его у вас не отнимет. Ни я, ни завскладом, ни Борис Петрович, даже. Только и вы поразмыслите: право, оно конечно хорошо, только вот с одним только правом, каши не сварить. Что с ним с правом? Шифоньер что ли отстроишь? Стул что ли отремонтируешь? Другое дело – матерьяльное представление. Инструменты там или другая какая утварь. С ними-то все как раз очень удобопонятно. Вот тебе шифоньер, а вот каша. А с правом, тут ведь не все так просто, Анатолий Саныч. С правом, тут поосторожней надо.

Анатолий после этих слов совсем повесил голову. Сумбурно доносил Никанор Никанорыч, однако догадался я, что пользовался Толя университетским инструментом для починки домашнего своего шифоньера. Сконфузился Толя, выходило будто он и за инструментами бегал, и пытался через Олег Палыча проталкивать заявку только ради личных своих нужд, не кафедральных. Чуть конечно это была. Ну пользовался и пользовался, кто же не пользуется рабочим инструментом в личных целях. Я Толю знаю не первый день, и то, что кафедрой нашей живет он, и болеет за университет было для меня непреложно. Анатолий расстроился всерьез, задело его открытие это за живое. Он тяжело вздохнул.

– Да черт с ним, с инструментом, – сказал Анатолий. – Жили без него и дальше проживем. Мне за державу обидно, поймите вы.

– Как же не понять, Анатолий Саныч. Мы все понимаем. Неправильно все это, негоже так-то.

Никанор Никанорыч поднял с пола портфель. Прежний обтертый саквояжик с замками-закладками. Он, похоже, был неотъемлемой частью Никанора Никанорыча, наравне с мятым костюмом и пыльными ботинками.

– А мне ведь Борис Петрович про вас рассказывал. Без вас говорит, не было бы всей этой котовасии с нейронными сетями. Так и заглохла бы, истерлась в тетрадке его.

Я заметил, что Анатолий чуть просветлел после этих слов, хотя и старался не подавать виду. Он направился к своему столу, к нам то есть с Никанором Никанорычем.

Мастер, конечно был Никанор Никанорыч, своего словоблудского дела. Уж и не знаю как выходило у него, и напустить туману, и запутать и тут же вовремя найти подходящее слово, чтобы человека подбодрить. Благодарен я ему был в тот момент за Толю.

– Может, для умиротворенья? – вдруг искательно обратился Никанор Никанорыч ко мне.

Анатолий отреагировал быстрее меня. Размашистым шагом, он прошел к своему столу, и, потеснив Никанор Никанорыча, извлек из ящика прозрачную бутылку, а с ней три двухсотграммовых граненых стакана с пожелтевшими стенками.

– Вот, други! Как раз на такой случай припасены, родные, – сказал Анатолий, пододвигая стул от соседнего стола. Про свое детище – стул недочиненный – он и не вспоминал.

– Да мы и сами, с усами, – снова неподобающе захихикал Никанор Никанорыч.

Он живенько справился с замками на своем портфеле, и, покопавшись, выпростал из тесного нутра еще бутылку. Но то было лишь начало. За водкой последовали перочинный ножик с зеленой пластмассовой рукояткой, два пупырчатых лимона и целлофановый пакет с запотевшими овощами. Я различил внутри огурцы, помидоры, нарезанный хлеб. Никанор Никанорыч, по всему видать, готовился загодя.

Перестав шарить в портфеле, Никанор Никанорыч закрыл его, приставил к ножке стула и удовлетворенно поглядел на нас с Анатолием.

– Ну что, други, как изволил выразиться Анатолий Саныч, приступим?

Вместо ответа, Анатолий широким жестом смел со своего стола все разом бумаги на пол.

– Приступим!

Сразу желал бы сделать я оговорку, что совсем не любитель я спиртного. Кроме того, совершеннейше хотел бы избежать впечатления, что такое на кафедре любимого моего университета происходит частенько. Это не так. Иногда случается, конечно, чаще с какими-то празднованиями связано, получением научного звания или же юбилея, если решил сотрудник справиться его на кафедре. Ну а в этот день некоторый энтузиазм был связан с перенапряжением моральным, когда требовалось понизить эмоциональный градус. От исследований уже голова шла кругом, надо было устроить себе передышку. Хотя и отдавал я себе отчет, что завтра будет мне не очень хорошо, однако же очень хотелось расслабиться, избавиться от не столько физического, сколько морального дискомфорта. Завтрашняя утренняя лекция моя была простой, без изысков.

Возлияния наши продолжались до глубокой ночи. Попивая водку из желтостенных граненых стаканов, мы похрустывали малосольными огурчиками, и, как водится, молили языком. Предмет пересудов в этом случае отступает на второй план, уступая место самому процессу спора. Мы поочередно крыли руководство, все равно какое, утюжили положение дел в мире. Анатолий, устрашая нас с Никанором Никанорычем нетрезвым басом, доказывал нам свою точку зрения, совпадающую, между прочим, с мнением правительства:

– Закон – вот что главное! Закон! А губит нас, други, коррупция. Гоголь еще пытался предостеречь нас. Гоголя почитайте, там все есть.

– Позвольте выразить замечанье! – кричал Никанор Никанорыч, брызжа слюной. – Николай Васильич, он, известное дело, как в воду глядел, тут не поспоришь. Да только не предостерегать он нас пытался, милостивый Анатолий Саныч, не предостерегать. Факты всего-навсего он констатировал. В его-то времена на Руси коррупции нисколько не меньше было, а куда поболее.

Бывало и я вмешивался, когда уж больно в крайности впадали Анатолий с Никанором Никанорычем. Не люблю я крайностей. Компромиссный я человек.

Потом Толю захлестнуло вдруг волной самобичевания и мы с Никанором Никанорычем дружно его успокаивали.

– Вот смотри, Борь, и вы смотрите Никанор Никанорыч. Образование вроде одно и то же, родители, социальные условия все схожие. Все проходили эти восьмидесятые и девяностые криминальные, выживали, подстраивались, перестраивались. Образование одинаковое получали, в одних институтах учились. Даже книжки наверняка одинаковые читали. А вот чувствую я, как будто есть области, в которые мне, дорога закрыта. Смотрю я на наши с Борисом статьи, на расчеты. Все вроде бы понимаю. Понимаю как реализовать в стенде, как считать результаты, из каких предпосылок исходим понимаю. Но вот как доходит до следующего шага – сижу, глазами хлопаю. Толкового ничего не могу предложить, – Анатолий подпер тяжелую голову ладонью. – Еще в начале, когда мы только начинали ковыряться в нейронных сетях, что-то я предлагал, помню...

Анатолий внезапно замолчал, задумчиво и остекленело уставился в темное окно. Бритое большое лицо его под воздействием алкоголя, чуть вытянулось, щеки обвисли, лоб и скулы покраснели. Закусывая, он неудачно брызнул на себя помидориной и испачкал сине-полосатую рубашку. И теперь сидел унылый, крупный, с пятном, и меланхолично корил себя.

– Ну подожди, Толь, – говорил я. – Ерунду ты конечно говоришь. Объем работы по разработке стенда больше, чем вся математическая составляющая. А если сейчас разберемся с вероятностями, то работы еще прибавится. Ты уже итак аспиранта себе взял на практику. Ожидай, что еще потребуются. Меньше задач не будет.

Встревал Никанор Никанорыч:

– Раскисли что-то вы, Анатолий Саныч. Как справедливо стыдит вас Борис Петрович, нету никакой пользы в одних только теоретических выкладках. Что их, на хлеб намажешь что ли? Если не забыли вы еще минимумы свои по философии, критерием истинности теории выступает практика. Борис Петрович в тетрадах своих конечно понаписал немеряно, однако же, нисколько не умаляя его вклада, только когда это будет положено на практическую основу, так сказать, когда результат станет не просто логически предсказуем, но со всей очевидностью получаем, можно будет говорить о какой-то действительной новизне. Так что переживать и киснуть тут нечего, Анатолий Саныч. Являете вы собою совершеннейший пример практический составляющей в теоретической гипотезе, столь же необходимой и обязательной, как посиделки с физиками-математиками.

И так далее, и тому подобное.

– Вот кстати, возьмем ваш дурацкий случай, на технической физике, – ступил Никанор Никанорыч на зыбкую почву. Я заметил, что Анатолий тоже насторожился. – Ну кому, казалось бы, какое дело? Перепутали формулы свои, закорючек-то этих тьма тьмушая, поди упомни все. Что ж теперь, вешаться что ли? А главное-то, Анатолий Саныч, что запрограммировать ваш вариант насколько легче было бы. А красиво-то как все, никакой тебе неопределенности. Ни тебе, понимаешь, комплексных величин, ни окружений флуктуирующих. Красота да и только!

Анатолий покосился на меня, теперь уже без укоризны. Меня это конечно задевало, ведь и правду вполне логично выходило, будто с Никанором Никанорычем я в панибратских отношениях и делюсь с ним всем, чем только можно. Я вспомнил опять понедельничный утренний эпизод с Машей Шагиной. Там тоже мы с Никанором Никанорычем как бы единым педсоветом выступили. Все знаем, все обсудили и вот де наши весомые выводы. Другого мнения тут и возникнуть не могло. Уж конечно, только я мог рассказать про эту Анатолину оплошность, откуда ж еще было Никанором Никанорычу знать о ней. И дернуло же его ковыряться в самом Толином больном месте.

Но Никанор Никанорыч словно бы и не замечал его реакции:

– Вот что скажу я вам, исследователи мои дорогие, – декларировал растрепанный Никанор Никанорыч. – Современная ваша наука не может особенно похвастать новизной исследо-

ваний. Ну вот посудите сами, любую возьмите тему, ведь с превеликой вероятностью тему эту неоднократно уже исследовали, допытывались, топтана-перетоптана. Но это может и не так плохо, так ведь? Означает, что прогресс не стоит на месте, взбирается, так сказать по кирпичикам, строит свою Вавилонскую башню, – тут Никанор Никанорыч хмыкнул. – А вот здесь, Анатолий Саныч важный момент, который к вам специально отношение имеет с вашими сомнениями. Вспоминайте свои минимумы кандидатские или там аспирантские. Уровни научного познания помните еще? Два уровня там – эмпирический, на котором сейчас помешались все и теоретический.

Растопырив пальцы, он собрал ладонями стаканы на расчищенном участке Анатолиевого стола, после чего ловко и точно разлил остатки второй бутылки водки. При этом он продолжал говорить, не меняясь в интонациях.

– Так вот к чему я веду: без эмпирического, то есть практического, не стоят ни черта все эти ваши формулы и закорючки. Пока не показана применимость и повторимость и на практике, нету, Анатолий Саныч, никакой ценности в научном исследовании. И ваша здесь роль, практическая, самая что ни на есть важная. Я уж не говорю как Борис Петрович вас ценит, хоть и виду не подает.

Он поднял свой стакан для чоканья, но вместо тоста, глаза его мечтательно ушли к потолку.

– Знал я одного теоретика, давно это было, тот еще умник. Пытливый ум, что говорить, смотрят, бывало, на задачку и сразу решение у них в голове выскакивает. А объяснить, как решение такое получилось, всю это не очень-то простенькую цепочку преобразований произвести, не могут. Не хвалили его учителя по физике, совсем не хвалили, – он поставил стакан на стол. – А вот Анатолий Саныч, вы мне скажите, куда такому теоретику без опытного и методичного практика, а? Не разлей вода должны быть эти, как их, парочка – теоретик и практик.

Не знаю как кто, а в истории с «одним теоретиком» я разглядел намек на самого себя. Впрочем, может и не намек вовсе, так, пустая аналогия, которой Никанор Никанорыч пытался взбодрить печального нашего великана Анатолия.

– Давайте-ка чокнемся, друзья, за что-нибудь непременно важное! – Никанор Никанорыч снова взвихрил граненый свой стакан отчего несколько капель выплеснулось наружу.

– За науку российскую поднял бы я этот стакан, – неожиданно твердо сказал Анатолий, чем вызвал у меня поначалу оторопь, а потом некоторую даже сентиментальность. – Хотел бы выразить, что это все нищобродство и отчаянность, которые иногда обступают так, что хоть бросай всю нашу кафедру и университет, это ничего, пшик, в сравнении с великими моментами, когда выгружаешь полночи результат эксперимента или споришь с «Технической физикой» над заковыристой проблемкой. Вот тогда по-настоящему чувствуешь, что все не зря и что прорвемся мы, коллеги! – он победоносно оглядел нас с Никанор Никанорычем сверху и выставил для чоканья руку.

Мы ударились стаканами. Помолчали с минуту, как того требовал необычный и трогательный тост.

Потом снова переключились мы на хамство нашей администрации, заседающей в главном университетском здании, на улице Энгельса. Что они, по сути, обслуживающий нас персонал, который должен предоставлять все необходимое для настоящих ученых и искателей, а в реальности выходит, что мы ходим и кланчим, и выпрашиваем, и лыбимся искательно и виновато, выпрашивая то, что полагается нам по праву.

Никанор Никанорыч потрясал толстым пальцем и кричал почему-то мне:

– Совершеннейше наша это черта, Борис Петрович, отечественная! Исторически в России матушке заведено было, что не имели ни черта, и ходили, просили, не требовали, а кланчили. Не сменились еще требуемые поколения, чтобы иначе научились, не просительно, а самоуважительно, с достоинством! Вот возьми ты Коробова вашего, со склада. На кочке сидит, вахтер

вахтером, а выстроил чинопоклонную цепочку, там ректору подмазал, тут секретарш поздравил, и вот уже важная шишка, деканы ходят к нему искательно, носят ему благодарности за то, что он итак исполнять должен. А к науке-то, к образованию, какое у Коробова отношение? Учит он что ли кого, или мензурки с колбами мерными смешивает? Техникум у него с бухгалтерией за плечами, вот вам и все «нищевродство». В голове, которое.

Высказанные вслух мысли эти, которые вроде были всем известны в университете, а вот не озвучиваются, произвели некоторое возбуждение в нашей посиделке. Анатолия немедленно пришлось убеждать, чтобы не отправился он немедленно на склад с целью устроить скандал и штурм, и взять силой все, полагающееся кафедре из материального складского представления. Не без суеты и нервозности, справились мы с Никанор Никанорычем, остановив Анатолия уже у стенового шкафа, откуда изымал он свой безразмерный плащ, ронял деревянную вешалку и промахивался мимо рукава. Время совсем неподходящее было для складских мероприятий и Коробов дома уж давно, глядит лукаво в телевизор с мягкого дивана.

Физкультура эта подействовала на нас еще более опьяняюще и вернулись мы за стол порядком неустойчивые. Когда усадили мы Анатолия, воззрился он вдруг мутно на Никанор Никанорыча:

– А вы сами какого сами образования, Никанор Никанорыч? Естественного или гуманитарного? – неожиданно спросил он.

Никанор Никанорыч, румяный и расхлыстанный, с некоторой то ли снисходительностью, то ли грустью ответил:

– Ах, Анатолий мой Лександрыч. Сколько их, образований этих я перевидал. Сам себя теперь уж не пойму кем считать. Думаешь порой, ну гуманитарий ты, с людьми ведь работаешь, за культурами бегаешь, суетишься. А потом вот с такими как вы, господа хорошие, пересячешься, и тут же технические образования дают о себе знать. Вы вот, Анатолий Саныч, вроде бы технического ВУЗа специалист, а сами второе образование педагогическое получали. Поди разбери, кто мы теперь. Давайте уж как заведено, называться просто и скромно культурными образованными людьми.

Гладко говорил Никанор Никанорыч, хотя зрительно и сбивался, и подзаикивался, и вроде бы морщился, соображая, как лучше сформулировать. Только возникало впечатление у меня некоторой его театральности в моменты, когда о себе он рассказывал. Будто делал он это множество раз, и знает уже и спросят его о чем, и как ответит он искусно, так, чтобы ничего о себе не сказать, но вроде бы и в долгу не остаться.

Всякий раз, когда подходила к концу очередная бутылка водки, Никанор Никанорыч извлекал из недр своего бездонного портфеля еще одну, и еще. На столе уже стояли, поблескивая прозрачными боками три порожние посуды, а Никанор Никанорыч с гордым видом тащил из портфеля четвертую. Он с ловкостью, которая совсем не соответствовала его тяжелому покачивающемуся возвращению к столу, после успокоения Анатолия, ловко разлил враз полбутылки по стаканам.

Мы молча чокнулись и выпили. На столе в раскрытом целлофане оставались еще несколько нарезанных огуречных шайбочек и пара помидорных долек. Хлеб весь уже съели.

– А вот интересно было бы узнать мне, дорогие мои ученые-преподаватели, – заговорил заплетаясь Никанор Никанорыч. – Я тут не совру если скажу, что мы все конечно, сторонники научного прогресса. Что ты ни говори, как ни ругай ты, не подтрунивай над унитазами японскими с кнопками, а вот познание, образование, оно как хлеб и вода для пытливого ума, и двигает, иногда даже пинками горемычную цивилизацию нашу вперед от мракобесий, суеверий и мифологий древних. Такой у меня вопрос к вам, как к ученым, как раз занимающихся ни черта не понятной обывателю, важной научной темой. Всегда ли научное открытие хорошо? Всегда ли оно нужно? И тут я не про прогресс спрашиваю, его-то понятное дело не отменить, а вот про открытия научные. Всегда ли они вовремя, какое у вас тут мнение?

И снова промелькнуло у меня, что тема эта, хоть и невзначай как бы Никанор Никанорычем тронутая, несет в себе куда больше смысла, чем все наши предыдущие разглагольствования. И Никанор Никанорыч извлек ее на свет неспроста.

Толя покосился устало на Никанор Никанорыча и вдруг горячо заговорил, хотя речь его и заплеталась порядочно:

– Тут не может быть двух мнений, мне думается. Вертикальный прогресс и есть наша человеческая цель. Он и ничего больше. Ну это личное мое мнение конечно, – замешкался он. – Но если верно я ваш вопрос понимаю, то спрашиваете вы, может ли быть научное открытие нево время сделанное? Считаю, что не может.

Никанор Никанорыч сидел с вялым лицом и смотрел в пакет с остатками закуски, как будто и не он задал вопрос. Я решил подсказать немного Анатолию:

– Я так понимаю, Никанор Никанорыч с подковыркой вопрос задает. Оружие скажем, тоже в какой-то степени инженерная реализация научного открытия. Не будь открытия, не было бы и оружия.

– Не согласен я, Борь, – сказал Толя уже без прежней горячности. – Вот не бывает открытия, которое только про оружие. Оно и про все остальное сразу. Возьмем, химическое оружие, скажем, которое совершенно адски применялось в первую мировую. Но это ведь не только ядовитые газы, это и производство, и медицина, и химия. Да все там. Оружие это да. Побочный эффект. Но не сис-те-мо-образующий.

– Да, да, – отсутствующе как-то согласился Никанор Никанорыч, и продолжил перпендикулярно: – Тут ведь еще примешивается личная ответственность индивида. Скажем кто-то, болезненно убежденный, скажет: а я, де, не могу запретить голове своей светлой, творить. Хоть бы и знал я, подозревал, что оружие в итоге получается химическое, что травить людей будут, что выхаркивать будут потом легкие свои, кровь пойдет всеми проходами и глаза, глаза будет застилать кровавая пленка...

Никанор Никанорыч остановился, глядя на соленые огурцы. Мы тоже молчали с Анатолием, уж больно неприглядную картину нарисовал он.

– Сгустили краски вы, Никанор Никанорыч. – сказал я, чтобы что-то сказать. – Одно дело тебе говорят: вот ты сейчас делаешь свое дело, а мы результат берем и идем им людей убивать. Совсем другое дело, когда ученый работал над определенной темой и знать не знает как его открытие применяют потом другие совершенно люди. Это две разные истории.

Никанор Никанорыч поднял наконец глаза. Были они темны и колючи. Не заметил я в них пьяной игривости совсем.

– Правы вы, Борис Петрович, правы! Две тут замечательнейшие проблемы наблюдаю я. Одна из них – когда человек понимает, что он создает и на какое дело пойдет результат его деятельности. И тогда нравственный его вопрос сводится к следующему – творить или не творить с той точки зрения, что вот он я, ученый, образованный, и выстреливает из меня знание и складывается в прогресс человеческий. А если брошу я сейчас, то может и не придется мне более послужить науке-то. Негде будет, иначе-то. Но знаю я при этом, что мои нынешние творенья употреблены будут в... массовое смертоубийство, скажем. Вот дилемма – творить ли мне при этом, понимая что научная ценность моих творений она впоследствии может и послужит, собственно чистой науке и прогрессу, а сейчас, единственный способ мне творить, это во службу агрессивнейшего насилия. А если не творить, то выходит ты и прогрессу научному изменил и своему уму пытливому, – губы его растянулись в улыбке некоторой хищной.

У Анатолия на лбу собрались морщины. Сложный пример привел Никанор Никанорыч. Я ответил:

– Этот вопрос может так глубоко и не стоять, если например, родину человек защищает. Его заменяет вопрос простого выживания.

– Это вы, Борис Петрович, очень смешной пример привели. Ну вот про германцев ваших в первую мировую, или англосаксов или норманцев. Спросишь у любого, каждый скажет, что он конечно выживал, и потому оправданно было такое применение. Но тут и загвоздка, что говорят так обычно люди военные, у кого проблема нравственная не стоит – создать новое или не создавать. У них в определенный момент стоит только вопрос – нажимать на курок, или нет. А порой и того проще: если не выстрелил ты, то выстрелили в тебя. Поэтому ученый люд здесь более интересен, с точки зрения проблемы нравственной.

– А если человек – патриот, – встрял Анатолий, – Родину свою любящий. По вашему, выходит, не должен я на ее благо участвовать в разработках оружия?

– Вот вот вот, как хорошо-то! – разулыбался Никанор Никанорыч, – Тут самое время всеми этими теориями сдерживания загородиться: «Я де за державу, они, супостаты, тоже там вон изобретают.» Хотя в итоге встанет довольно простой вопрос. Если знаешь ты, что руками твоими создается насилие и даже уничтожение большое, ты таки на стороне научного прогресса или задумаешься, а то и, совсем уж из ряда вон, – откажешься? Это и есть вторая прелесть забавная проблема.

Никанор Никанорыч улыбаясь разлил остатки четвертой бутылки по стаканам. Мы молчали, но Никанор Никанорыч как будто и не ждал наших ответов.

– Ох люблю я, дорогие мои Борис Петрович и Анатолий Саныч, беседы застольные, полужутливые, полусерьезные. Я уж, позволю себе похвастаться, в этих делах дока. И до такого порой договоришься, так рассварливишься, что ужасы и абсурды прямо лезут из умов нетрезвых. Нигде, пожалуй, больше не вскрываются так характеры, не выпрастывается наружу то, что на уме, как в веселой застольной беседе, особенно нетрезвой, – он поставил стакан на стол и дружески похлопал Анатолия по плечу, – И не переживайте, нету здесь единственного ответа, не возможен вердикт окончательный. Но вот за аргументацией последить – прелюбимейшее мое дело. Срыватель покровов!

Он поднял стакан, и свободной рукой призвал нас к тому же. Мы выпили. Никанор Никанорыч сладко хрустнул последней пастилкой соленого огурца.

– Замечательный, кстати, пример – химическое оружие. А есть ведь и другие интереснейшие примеры – бомба атомная или, если уж глубоко в историю погружаться, порох. Если бы раньше что-то из них изобретено было, не поломалась бы вся наша с вами история, как мы ее знаем? – тут Никанор Никанорыч как бы возразил сам себе: – Ох уж эти «если бы» да «кабы».

Признаюсь честно, я плохо пьянею. А уж когда такие заходят разговоры, которые и вправду заставляют задуматься, как, например, о моральной составляющей научного прогресса, хмель, даже незначительный, пропадает совсем. Вопрос разумеется был избитый, и многие на эту тему высказывались, и вопрос этот ставили с разных сторон, но только ответ окончательный всегда оставался и по-видимому останется за каждым отдельно взятым ученым. Какое решение принять. Если только обстоятельства не складываются таким образом, что решение за тебя приняли другие: время военное, государство тоталитарное, да мало ли, какие могут быть обстоятельства.

– Знаете, Никанор Никанорыч, – с трудом ворочая языком пробасил Анатолий, – Интересный вы собеседник. Я бы какнибудь повторил нашу встречу, – и он уронил голову на сложенные руки.

Это непьянение, порой, сильно подводит меня в компании. Люди разгуляются, разойдутся, а я сию практически трезвый, хотя выпил не меньше остальных. Сегодня, впрочем, это было мне на руку. Меня подмывало уже заговорить с Никанором Никанорычем о наших с ним неопределенных отношениях. Но гораздо сильнее, видать спирт был тому виной, в эту самую секунду пробирало меня любопытство разузнать, что еще прячет Никанор Никанорыч в бездонном своем портфеле. Нужно было только дождаться, пока он захмелеет, а я никак не мог

его состояния понять. То казалось он пошатывался и едва удерживал равновесие, а то вдруг как воробей встрепывался и вот уже сидит прямой, колет взглядом.

– Ну что же, Никанор Никанорыч? – заплетаясь, сказал я. – Анатолий покинул борт нашего судна. Остались вы да я. Говорить вы безусловный мастер и даже виртуоз. Может быть сказать чего-нибудь мне хотите по нашему с вами делу? Или опять будете ходить вокруг да около?

– Как же, как же, Борис Петрович, – встрепенулся Никанор Никанорыч, как бы стряхивая хмель. Он, похоже, не опьянел вовсе. – Какие такие юленья между нами возможны?

– Может расскажете мне тогда про себя да товарищей ваших? Зачем вам я и какое у нас с вами может быть общее дело?

Я тут только заметил на одной из опор спинки нового стула, что принес Никанор Никанорыч, вырезанные буквы А и Р. Анатолий Ростовцев. Анатолий делал эти заметку при мне, в прошлом году.

Не знаю, чего я ожидал услышать в ответ. Во всяком случае близко не то, чем оглушил меня Никанор Никанорыч.

Он склонил голову набок и снисходительно издевательским тоном проговорил:

– Не о том вы все тщитесь, Борис Петрович, не тем интересуетесь, – он круто вбросил в рот остатки водки из стакана. – Вопросы эти ваши, все до единого, второстепенны. О другом нужно пытлившись, другое расспрашивать.

Никанор Никанорыч протяжно зевнул и, подперев голову локтем, пронзительно поглядел мне в глаза. Глазки его были маленькие, темные. Неуловимо изменилось что-то в его взгляде. Словно и не Никанор Никанорыч предо мною прежний, а кто-то другой, жуткий, всезнающий.

– Пришла пора вам, Борис Петрович, познакомиться с Вавилоном, городом древним. Первая ступень посвящения.

Глава 5. Столпотворение

Город раскинулся в виде отороченного одеяла, разделенного надвое голубой изгибающейся лентой реки Уратту. Желто-белый ворс прямоугольных построек возвышался над клеткой мощенных улиц и квадратами площадей. Яркими пятнами блестели кляксы базаров, строчки искусственно высаженных пальм и голубых бассейнов. Барельефными выпуклыми узорами покрывали западную и восточную части города кубы и пирамиды зиккуратов, храмов и дворцов.

В параллель голубой кривой Уратту, пронизывала восточную часть города широкая, в пятьдесят локтей, Дорога Празнеств, начинающаяся от Ворот Иштар, тянущаяся на юг, вдоль дворца Бильгамешу, зиккурата богини Иштар, дворцов знатных вельмож и строящегося нового гигантского зиккурата Этеменанки. Ворота Иштар, южные ворота города, возведенные в честь покровительствующей Бабили величественной и грозной богини плодородия, являли настоящую жемчужину зодчества. Высотой в сорок локтей, они возвышались над двумя городскими стенами и сверкали на солнце глазурированными синими, желтыми и черными кирпичами. Внешняя и внутренняя сторона их была украшена барельефами священных животных – льва, тура-рими и конечно дракона-сирруша, любимца Иштар. Покрытые израсцом ворота внутри города продолжались синей глазурированной стеной, и до самой искусственной протоки перед храмом Иштар, на Дорогу Празнеств смотрели величественные львы, рими и сирруши, симметрично выведенные на ровных небесного цвета стенах.

Сравниться с красотой Ворот и дороги Иштар в Восточном городе могли только ступенчатые сады, названные в честь молодой царицы Бабили. Выложенные из кирпича-сырца, укрепленные слоями тростника, зеленые сады, расположенные выше городских стен, а затем спускающиеся ступенями в город, раскинулись к западу от Ворот таким образом, чтобы быть видимыми с Уратту, поражая воображение гостей прибывающих водным путем. Мельничные колеса, поднимающие воду на верхние ступени сада, увлажняли верхний слой почвы, с которого вода стекала на нижние ступени и так до самых городских улиц. Свинцовые израсцы и асфальтовая изоляция защищали кирпич от влаги и сохраняли конструкцию безопасной даже во время редких, но сильных дождей.

Восточный город был оторочен трижды, а Западный (Новый город) – дважды. Ровной синей нитью обтекал прямоугольный периметр Бабили искусственный канал, дважды пересекая Уратту – на севере и на юге. Внешняя стена, шириной десять и высотой двадцать локтей, с профильными зубцами, окружала город целиком, а также обращенную к Уратту часть Восточного города. В дополнение к этому, Восточный город имел внутреннюю стену, превосходящую внешнюю в высоте и толщине.

Восточный и Западный Бабили соединял широкий мост, который вел странников через кварталы торговцев и ремесленников, до самого зиккурата Балу и дальше, через ворота Адада на запад. Здесь, в Новом городе расположились зиккурат Шамаша и некрополь с малым зиккуратом Нанна, где жрецы Нанна и по совместительству лекари, изучали на основе тел умерших, устройство человека. Зиккурат Шамаша традиционно посвящали огню, и здесь размещались главные плавильные печи Бабили. Жрецы и мастеровые выпекали стеклоподобную глазурь из песка и соды, и из их же печей выходили тысячи обожженных кирпичей – гордость местных зодчих.

В зиккурате Балу велись летописи. В обязанности жрецов Балу входила и выработка подходящей глины с примесями для более долговечных носителей знаний – табличек, кирпичей и цилиндров высотой в человеческий рост. Здесь же вытачивали и шлифовали изящные писчие перья, деревянные и металлические. Жрецы записывали с величайшей тщательностью риту-

алы, детали празднеств, а также самые малые подробности исследований в области строительства, смешения материалов, военного дела, растениеводства и астрологии.

Об этом и многом другом размышлял царь-лугаль Бабили, полулежа на изящной скамье в тени ветвистого дерева в дворцовом саду. Тихий шелест пальм и акаций навевал на Бильгамешу покой и воспоминания. Ничего впрочем конкретного в этот час, отдельные картины и образы, из разряда тех, которые потом хочется вспомнить, но никак не удастся. Бильгамешу, смуглый худощавый, с курчавыми черными волосами, отдыхал. Грудь и бедра его прикрывала тончайшего льна туника-канди с короткими цельнокроенными рукавами. Канди была расшита яркой бахромой и покрыта изысканной вышивкой. Под нею, Бильгамешу носил длинную шерстяную юбку, разрисованную охрой и расшитую бахромой и широкий кожаный пояс, украшенный драгоценными камнями. Кидарис, царская коническая тиара с лентами, лежала рядом.

Бильгамешу едва не провалился в настоящий сон. Он вздрогнул и открыл глаза. Бессонная ночь с Шаммурамат давала о себе знать. Они опять интимничали до полуночи. Кутались в мягкие покрывала, ели фрукты. Потом он водил ее на малый дворцовый зиккурат, на самый верхний уровень, под крышей. Бильгамешу показывал возлюбленной раскинутый вширь и вдаль город, с рельефным прямоугольными кварталами, площадями и искусственными распадами пальм вдоль улиц.

Бильгамешу гордился своим детищем. Даже ночью, на террасе дворцового храма он излагал Шаммурамат свое видение города-государства Бабили, его устройство и цели. О расширении границ и об объединениях окружных племен и кланов. О новых инженерных и ирригационных сооружениях, которые решат проблемы земледелия в условиях засушливого климата и почвы. Как волею богов, Бабили стал центром целительства в Междуречье, какие открытия принесло жрецам Мардука изучение звездного неба.

Царица Шаммурамат была загадкой. Она была с ним, но одновременно где-то еще. Она слушала его страстные речи, она присутствовала как будто душой и телом, но иногда Бильгамешу чувствовал, что она думает о своем, замечал некоторую таинственную, лукавую ли улыбку, а вернее тень ее, прячущуюся за сочным разрезом ее губ и глубиной огромных сливовых глаз.

Бильгамешу долго добивался Шаммурамат. История встречи их была трагична и особенно горько переживал ее сам царь-лугаль. Ведь она стояла ему потери одного из вернейших вассалов-энси.

Около года назад, энси Оанки, вернулся из победоносного похода на юг с новой наложницей, которую хотел сделать своей женой. Он не рассказывал ее истории, говорил лишь, что она знатного аморейского происхождения и семья ее погибла в осаде.

Когда Оанки представил Шаммурамат Бильгамешу, того словно поразило молнией. Бильгамешу, видевший множество прекрасных наложниц, которому сватали в жены знатнейших дочерей Междуречья! Шаммурамат плохо понимала и почти не говорила на местном аккадском языке, но ее красота, манеры и всепроникающий взгляд темных и огромных как два колодца глаз пленили его. С того самого момента, только Шаммурамат желал видеть он рядом с собой. Правду сказать, долгое время он вообще сторонился мыслей о супруге и семье, так поглощен был своим государством, обходясь покорными наложницами. Но увидев девушку, Бильгамешу понял сразу, что только с нею хочет встречать восходы солнца и любоваться тянущимися ввысь усеченными пирамидами-зиккуратами славного Бабили. Только Шаммурамат видел он царицей Бабили, мать своих детей.

Чуткий Оанки заметил это сразу. Бильгамешу увидел, как покраснело лицо молодого энси, черной тучей покинул он дворец своего лугалья. Но Оанки слишком любил своего повелителя, чтобы воспротивиться его воле. Он принял самое правильное и благородное решение, которое только мог принять верный вассал. Оанки торжественно вверил Шаммурамат лугалю Бабили и пронзил себе грудь мечом, чтобы ревность не могла омрачить чувства его глубокой

преданности царю. Решение было принято столь стремительно, что Бильгамешу не успел даже помешать Оанки осуществить задуманное. На коленях стоял он, оплакивая смерть верного подданного и друга.

Шаммурамат сильно привязалась к Оанки, за время, что была с ним. Когда ей сообщили, что Оанки покончил с собой, она упала без чувств. Несколько недель носила она траур, отказываясь от любых встреч. По праву наследования, дом Оанки в Бабили должен был вернуться в семью его отца. Бильгамешу настоял, чтобы Шаммурамат с прислугой и имуществом, перевезли к нему во дворец, в выделенное крыло. Но даже живя в его доме, Шаммурамат отвергала все попытки сближения. Долгие месяцы ухаживаний и уговоров потребовались лугалю Бабили и жрицам храма Иштар, чтобы умиловить девушку. Бильгамешу был с ней нежен и не настойчив. Во-первых, государственные дела занимали большую часть его времени, а во-вторых он не допускал даже мысли, что его возлюбленная, будущая царица, может быть взята силой, волей царя. Это разрушало всю его идею о благополучной царствующей семье. А Бильгамешу видел Шаммурамат только в качестве жены. И ожидание Бильгамешу было вознаграждено. Однажды, во время совместной прогулки по саду, Шаммурамат заглянула в его глаза и дала понять, что готова стать его супругой, как повелел Оанки. С тех пор прошло полгода.

Бильгамешу закончил утреннюю трапезу и слуги, дождавшись его кивка, расторопно унесли подносы с тонкими лепешками с медом и финиковым сиропом, фруктами, оставили только наполненный вином кубок. Бильгамешу дождался когда все уйдут, после чего с тяжелым вздохом опустил голову.

Вернулось назойливое, тупое ощущение страха. Бильгамешу пристально посмотрел на подрагивающие пальцы правой руки. Эту дрожь он заметил у себя недавно. Когда же? Сразу после того, как он дал себя убедить? Бильгамешу покачал головой, отвечая отрицательно самому себе. Раньше, еще раньше. В тот самый день, когда предложили ему сделать выбор. Или, правильнее сказать, поставили перед фактом, что выбора у него нет. И ведь Бильгамешу по-прежнему был уверен, что поступает правильно. Почему же не унимается дрожь?

Бильгамешу несколько раз с усилием сжал ладонь в кулак, прогоняя от себя дурные мысли, заставляя себя вернуться к Шаммурамат. Ах, прекрасная, влекущая, податливая и ускользающая Шаммурамат. Она звала его Немродом. Только она так его называла, на своем родном языке. Немрод, «восстающий», отличающийся от других, воинов и царей междуречья. Когда он думал о ней, о ее ниспадающих черных волосах, о шее, словно выточенной искусным скульптором, мысли его совсем не путались. Однако же понимал он прекрасно, что эти отчасти животные чувства, совсем не унимают боли его и дрожи. Как сладкое вино, Шаммурамат туманила его разум, но тем настойчивее колола его задняя мысль о том, что это лишь временное, преходящее ощущение.

– Скучаешь? – услышал Бильгамешу сзади знакомый надтреснутый голос.

Он не стал поворачиваться, хотя внутренне напрягся.

– Вовсе нет, о великий Балу. Честнее будет сказать – боюсь.

Балу – вальяжный, большой, толстый и лоснящийся, в тяжелом шерстяном халате с продолжными синими и красными полосами, такой был только у него в Бабили – неспешно подошел к скамье, на которой сидел Бильгамешу. На нем как всегда было множество украшений: серьги, несколько широких и тонких браслетов на запястьях, три кольца бус, кулоны на груди и поясе. Они позвякивали при каждом его шаге. Балу был лыс и на пухлом его лице с колючими маслянистыми глазами, всегда блуждала лукаво-снисходительная улыбка. Впрочем, когда нужно, выражение лица Балу бывало другим.

– Ах мой любезный ответственный Бильгамешу. Уже и красавица Шаммурамат не спасает тебя от тревожных мыслей, – он был благодушен и любезен, как обычно. – Я позволил себе наблюдать ваше восхождение на дворцовый зиккурат вчера. Разве есть что-то прекраснее, чем счастливое ночное воркование влюбленных.

Бильгамешу немедленно вспыхнул бы, услышь он это от кого-то другого. С Балу же он просто промолчал. Давно привык он, что Балу имел отвратительное свойство знать, слышать и осознать все, что происходило вокруг. Равно как и появляться из ниоткуда. Такова была привилегия богов, покровителей Бабили.

Балу все улыбался и смотрел на Бильгамешу. Потом он жестом попросил Бильгамешу подвинуться, и когда Бильгамешу подхватил на колени кидарис, грузно уселся рядом, закинув ногу на ногу, до неприличья распахнув полы халата и выставив пухлую белую ногу в сандалии.

– Не пойми меня превратно, Бильгамешу. Ноша твоя тяжела и выбор трагичен. Правильный, отмечу выбор, что не делает его легче, ни судьбу твою проще.

Бильгамешу не хотелось продолжать этого разговора. Он поднялся, покачнувшись от непривычного еще к действию тела.

– Народ Бабили цветет и здравствует, – широко зевая, продолжал Балу. – Разве не есть это прекрасно? Ты принес им благо, о которых люди Междуречья могли лишь мечтать.

– Все так, о великий Балу, – не удержался Бильгамешу. – Но теперь принуждаете Вы меня это благо, которое строил я, лелеял, лепил как искусный скульптор, и которое могу приумножить, оставить, забыть!

Балу прикрыл глаза и небрежно уронил руки на скамью, как бы игнорируя Бильгамешу, который заметно нервничал. Улыбаться однако Балу прекратил тоже.

– Это не наш с тобой спор, Бильгамешу. Здесь твое и только твое решение. Как и последствия.

Он открыл глаза и уставился на Бильгамешу.

– Ты торопишься, не спишь, волнуешь и дергаешь Шаммурамат. Авторитет твой велик, Бильгамешу, и амбиции, которые всегда помогали тебе, теперь изводят тебя. Позавчера ты засиделся у мастеров письма до глубокой ночи. А старый Илишу и ученики его не могли покинуть мастерскую раньше тебя. Твое рвение похвально, но и о людях стоит подумать. Носильщики твои промерзли до костей у подножия чертога.

Прав, прав был сладкоречивый Балу. Всегда прав. Бильгамешу затрясся даже, подавленный этой укоряющей, неотступной, давящей правдой. Он высоко ценил старого Илишу. Илишу был старшим жрецом культа Балу, он же отвечал за мастерскую письма и библиотеку.

Бильгамешу постоял еще молча, беря себя в руки.

– Мы записали около четырехсот слов в словаре с аморейского и почти тысячу с языка страны Элам, – сказал он. – Землю Ашшур мы еще взяли силой, а Кальху пришел сам.

– Люди и целые города тянутся к тебе, Бильгамешу. Законы, что ты создал для своих энси и авилумов дальновидны и остроумны. Они дают людям не только веру в богов, жрецов и царя, но и возможность жить без страха о завтрашнем дне. Это величайшее твое достижение.

– О Балу. Я всегда почитал себя смиренным исполнителем воли Богов. С самой юности, унаследовав от отца своего Бабили и титул верховного жреца, служение Богам было главным моим желанием. Позже, почитая и превознося грозного Мардука увидел я отчетливо, как могу я сделать Бабили лучше, величественнее, принести людям моим процветание и мир. Не лить бездумно кровь верных моих воинов; не запугивать Киш, Лагаш и Урук, кромсая Междуречье, но договариваться, убеждать, привлекать на свою сторону. Не коварством, шантажом и силой, в чем преуспел мой отец, но мудростью и достижением. Этим знанием меня наградили Боги. Ведь так? – Бильгамешу пронзительно теперь смотрел на Балу.

Балу снова полудремал, выпятив округлое брюхо под полосатым халатом.

– Ты изводишь себя, Бильгамешу. Незачем пересказывать непростой путь свой и борьбу с братьями твоими, и заговор матери твоей. Все было у тебя Бильгамешу. Мудрость твоя привела тебя к прекрасной картине, развернувшейся перед тобой вчера с храмовой террасы. Страна твоя цветет, она забыла о войне. Надолго ли? Говорю тебе – надолго. Я говорю тебе, Балу!

Он не повысил голоса, не открыл глаз, только большое тело его чуть всколыхнулось, как бы вскипнуло. Но эта рябь, демонстрация силы произвели на Бильгамешу нужно впечатление. Он отступил на шаг. Бильгамешу знал, какова сила Балу.

Балу тем временем продолжал:

– Но сколько бы ты не повторял этого себе, не напоминал себе успехи и неудачи, разочарования и победы, выбор твой сделан. Как и все предыдущие выборы, в которых, пользуясь своею мудростью, принимал ты правильные решения.

Бильгамешу отступил еще на шаг, два. Не о чем было спорить с Балу. Они говорили об этом много раз, с тех самых пор, как встретил Бильгамешу его, у подножия храма-зиккурата, посвященного самому Балу, ведающему письмом, знанием и ратным делом. Бильгамешу очень хорошо помнил ту встречу. Как ошетинились верные его телохранители-мушкенумы, как смеялся Балу насмешливо тыча пальцем в надежнейший отряд Бильгамешу. Заговорил, и перевернул все, что Бильгамешу думал и ведал о древних богах, которых чтили еще его далекие пращурь.

Мудр был Балу, мудр нечеловеческой мудростью. Знания его не знали пределов, а глаза проникали в самое нутро, вынимая самое сокровенное. Но не это, в тот памятный день, заставило отряд отборной охраны лугаля расступиться перед ним. Необъятной мощи сила, которую сочетал Балу с расхлыстанной развязностью, порой откровенным шутовством, которые трудно соотносились с божественной сущью его. Глядя в тот день на выставленные в его направлении блестящие бронзовые наконечники копий, Балу всего только притопнул и вся пятидесяти-головая процессия повалилась ниц, мечтая только о том, чтобы всемогущий Балу смягчился.

– Я хотел бы в последний раз пройти по гильдиям, о Балу, – с усилием сказал Бильгамешу, – Я тверд в намерении своем, но это все дети мои. Я не могу просто оставить их, не простясь.

– Пойди, Бильгамешу, конечно пойди, – ответил Балу лениво. – Только помни, друг мой, что самая страшная казнь, та, что человек сам назначает себе.

Бильгамешу постоял еще, отдавая дань очередной мудрости, постичь которую не был он в состоянии, и раздумывая над тем, не причинит ли он себе больше боли, общаясь с верными своими подданными, с которыми развивал он Бабили, множил земли свои, покуда сами боги не явились и не поломали устойчивую картину мира Бильгамешу.

Вдоль выложенной цветными камнями садовой дорожки произрастало множество растений, привезенных с далеких земель, либо возвращенных здесь, в Бабили. Влажные зеленые великаны, с огромными овальными листьями и упругими стеблями, толщиной в человеческую руку, росли бок о бок с карликовыми узловатыми деревцами с востока, среди сухого колючего кустарника – обитателя желтой пустыни. Соцветия, никогда не встречающиеся в природе, водились, обитали здесь, нисколько не мешая, но сочетаясь друг с другом. Точно так, как изначально было задумано творцом. И все они – мозглые, черствые, корнеплоды, самосевы – имели свое, строго определенное назначение. Балу сказал однажды: как всякая океанская капля, так и всякая песчинка пустыни свое назначение имеет.

Бильгамешу прошел по вымощенной тропинке, мимо симметрично высаженных пальм и вошел под своды дворца, в тень, куда зной зачинающегося дня еще не проник и по-прежнему чувствовалась свежесть ночи. Мимо проплыли сводчатые штукатуренные коридоры с настенными росписями, воины дворцовой стражи. Бильгамешу вошел в зал совета с расставленными широкими скамьями и встал. По правде сказать, он понятия не имел куда идти. Ему просто надо было скрыться, спрятаться. Последние дни он торопился, бегал, участвовал во всем, в чем только мог, дергал Шаммурамат, хотя знал прекрасно, что не уйти ему от самого себя. Решение, принятое им несколько недель назад тяготило его, грызло. Хоть и понимал Бильгамешу, что единственно возможное оно, что другого и быть не может в обстоятельствах, что открылись ему, но всячески оттягивал, отталкивал и отвлекался он от того, что за этим решением

следовало. С одной стороны он словно бы торопился напиться впрок, вобрать в себя как можно больше этой жизни царя-лугала Бабилы, от которой теперь требовалось ему отказаться. С другой, чем больше он погружался, суетился, тем туманнее, неопределеннее и размытее становились критерии сделанного выбора. Бильгамешу старался прогнать эти мысли, сосредоточиться на будущем, на необходимых шагах, но не мог, возвращаясь снова и снова к тому, что понудило его разрешить дилемму именно так.

Он вспомнил о Шуммурамат с ее сливовыми глазами и мягкой речью. С ней можно снова попытаться забыться, сосредоточиться на ней, на плотском. Бильгамешу, опустившийся от тяжелых раздумий на скамью покрытую тонким пледом из верблюжей шерсти, снова поднялся.

Позади послышался легкий шорох. Бильгамешу обернулся несколько затравленно. Из прохода с узорчатым глазурированным обкладом, откуда минуту назад явился сам Бильгамешу, в залу входила Иштар.

На Иштар была длинная, до пола, туника цвета дождевой тучи, с как бы струящимися вышитыми темными узорами. На шее ее, на тонкой серебряной цепи висела восьмиконечная звезда. Ткань, скрывала фигуру Иштар целиком, выставляя наружу лишь изящные кисти рук и голову с россыпью длинных каштановых волос. Стопы целиком прятались в волнах воздушной, легкой материи. Однако и сокрытая уникальной вышивкой, фигура Иштар являла собой образец красоты женского тела. Туника стискивалась узким поясом с кисточками на поясе, подчеркивая высокую полную грудь и разбегалась брызгами узоров на бедрах, окатывая стройные ягодицы и ноги при каждом ее шаге. Иштар была красива, однако не той плотской или нежной красотой, которую немедленно хочется разделить, осязать, но недостижимой красотой богини, перед которой падают ниц от благоговения.

– О, солнцеликая Иштар, – сказал Бильгамешу, и в возгласе его соединились приветствие и боль.

Иштар сделала еще несколько шагов и остановилась. Она прямо смотрела на Бильгамешу и он отчего-то ежился под ее взглядом, хотя всегда он почитал ее наиболее открытой, прямой и понятной из богов.

– Прости меня, Иштар, – забормотал Бильгамешу. – За слабость прости, за сомненья.

– Я знаю, Бильгамешу, – голос Иштар был женственен и низок, – что слова мои прозвучат как некоторое топтание на истерзанной душе твоей, но услышь меня. Ты построил удивительную страну. Ты определил жизнь Междуречья на долгие годы вперед. Самобичевание не твой удел, Бильгамешу. Ты великий правитель и жрец. Веди себя достойно.

Бильгамешу перевел дыхание.

– Сомнения не оставляют меня. Я думаю об этом постоянно, даже во сне. Выбор, который был мне предоставлен, ведь как чудовищно несправедлив он. Почему я, а не кто-нибудь другой?

Иштар взяла его руку в свои. Ее прикосновения были легки как дуновения ветра. Голос, глубокий, нежный, проникал в самое естество Бильгамешу и словно бы немедленно гасил боль его размышлений.

– Бильгамешу, ты помнишь нашу первую встречу? Твой отец возвел прекрасный зиккурат в мою честь, а ты устроил в нем именно то, что является для меня величайшее почитанием. Не мрачных прячущихся в тени жрецов, думающих, что заклятие быков принесет мир и процветание Бабилы, но мастеров растениеводов и земледельцев. Ты разбил красивейшие сады на уступах его. Они сумели сплести соцветия и корни с самых разных стран, чтобы получить не только прекрасные сады, которые посвящаешь теперь ты возлюбленной, но и облегчить труд тех, кто в суровой почве Междуречья растит ячмень, просо, овощи, лен. А разве не чудо – ирригационные каналы, позволяющие нести живительную воду в районы, раньше считавшимися непригодными для засевов? Воистину Бильгамешу, твой живой ум правителя превратил землю Бабилы в обетованный край Междуречья.

Слова Иштар, богини плодородия и любви, ложились заживляющей мазью на ноющие раны сомнений Бильгамешу.

– Я говорила тебе уже, что глядя на красоту и величие твоей страны, не могла я не придти к тебе, чтобы предупредить о том, что за беспечным восхождением может последовать жесточайший упадок.

Бильгамешу пропустил последнюю фразу Иштар.

– Я до сих пор вспоминаю это как ослепительный сон, о величественная Иштар, – теперь настал его черед брать ее руки в свои. – Ты спустилась с вершинного яруса Зиккурата навстречу нам, рассуждающим о пустяках, об урожае льна. Словно сошедшая с глазурей храмовых врат. Мне даже казалось, что я видел такой сон прежде.

– Я лишь поправлю тебя, Бильгамешу, что разговор ваш был вовсе не пустяковый. А способ обработки семян льна, предложенный в тот день, позволяет сохранить запасы в безурожайный год.

Бильгамешу не останавливался:

– Мне слышались рыки львов, буйволов и сиррушей, когда я увидел тебя. Как в старых легендах. После явления Балу, и смятения, которой произвел он среди моих советников и жречества, у меня не осталось сомнения, что Боги избрали меня для величайшей миссии.

Бильгамешу почувствовал, как руки Иштар становятся холодными и каменными в его ладонях. Он перестал говорить и тревожно посмотрел на нее.

– Остановись, Бильгамешу, – заговорила она. – Ты бередишь в себе мечту о том, чего мог бы достичь сверх сделанного. Но посмотри: трещина, которую ощущаешь ты в рассуждениях своих, пробежала уже и в землях твоих, и среди верных вассалов-энси твоих. В Уре, именем твоим вырезали языки целому клану и слугам их. В то самое время, когда писари твои и переводчики показывают чудеса дипломатии, в Бит-Замани жрецы сжигают вардумов в племени Мардука. Когда мастера твои изучают закономерности движения звезд и зодиака, лжепророки запугивают народ дурными предзнаменованиями, принося кровавые жертвы прячущимся в звездах богам. Микстуры используются, как убийственные яды. Сообразно знанию Бабили, растет и угроза, что знанием твоим пользуются не по назначению.

Она замолчала. Выдержав паузу, Бильгамеш отпустил руки Иштар.

– О, Иштар. Я знаю все и слышу. Сердце мое стонет, и никто другой не поймет меня так как ты, весть миролюбия и плодородия. Все это – цеха, зиккураты и земли – дети мои. Жаль, бесконечно жаль мне выбора моего, оставлять все это, уходить. Однако как было сказано, я принял решение. В последний раз сегодня желаю я взглянуть на город свой и Шаммурамат, с которой суждено мне также расстаться.

Глаза Иштар, большие и глубокие, казалось дрогнули.

– Бильгамешу, ты знаешь все про долгие расставания. Что только усугубляют они любую боль. Я не раскрою тайны, если скажу, что Шаммурамат не успела так привязаться к тебе, как ты к ней. Она стала твоей царицей, исполнив волю прежнего господина.

Бильгамешу отступил на два шага:

– Это ранит меня, ранит еще сильнее. Я потерял вернейшего своего друга ради нее. Возможно, я никогда не займу его места в ее сердце, но она царица моя и ради памяти к Оанки, я обязан позаботиться о ней.

Мысль его запнулась. Что означала забота о Шаммурамат, в контексте того, что он должен был покинуть Бабили, он и сам не понимал.

– Прежде, чем мы расстанемся, Бильгамешу, – сказала Иштар, – и ты совершишь то, что совершишь, я открою перед тобой две мудрости. Подумай над ними хорошенько. Первое – долг, о котором ты гредишь, это не забота о Шаммурамат. Не обманывай себя, ей уже не нужна твоя забота. Она с благодарностью приняла роль царицы Бабили. Ну а второе – ты сам выбираешь свою казнь. Не придумывай себе наиболее изощренную и мучительную.

Бильгамешу стоял, не говоря не слова. Ему казалось, что каждое слово отдается в его голове ударами тропических громов и церемониальных бубнов. Он слышал и понимал мысль которую доносили ему Балу и Иштар. Но то был разум, а чувства его, эмоции, истерзанные сомнениями, кричали, вопили совсем о другом. Этим он не мог поделиться с божественными своими собеседниками, хотя и стонало его сердце: «Почему же, почему, Вы, такие всемогущие и мудрые не слышите меня, моей боли?»

Когда он вышел из оцепенения, Иштар не было рядом. Он не слышал шороха удаляющегося ее платья, может и не было его, этого шороха. То была Иштар, и сетовать на ее манеру появляться и исчезать было не в компетенции Бильгамешу, лугаля Бабили.

Бильгамешу словно еще раз пережил момент, когда солнцеликая Иштар снизошла к нему в зиккурате, возведенном в ее честь. Всего несколько месяцев прошло, а как разительно все поменялось.

Только сейчас он обратил внимание как в утренний час, когда дворец не наполнили еще вельможи, гости и просящие, неуютно, отчужденно выглядит помещение приемного зала, не взирая на все его убранство.

Бильгамешу решил отправиться к Шаммурамат. Он прошел в жилое крыло, по коридорам с глазурированными стенами, устланные коврами с прямоугольными узорами. Стражники, опирающиеся на высокие, в полтора человеческих роста копыя, привычно кланялись ему.

Путь лугаля не был длинным, однако пока он дошел до покоев царицы, в голове его окончательно вышло решение. О том, что сомнения его напрасны и уходить, как советовали ему Балу и Иштар, надо быстро, избегая лишних терзаний и встреч. Походка его обрела уверенность. Слуги, покорно готовые открыть перед ним любые двери дворца, были немало удивлены, когда Бильгамешу резко развернулся у высоких кедровых дверей покоев Шаммурамат и зашагал обратно, в противоположную часть дворцового комплекса.

Там он сделал наконец то, что так долго откладывал: отдал распоряжения о необходимых сборах. Бильгамешу указал, что отправится налегке, возьмет только две навьюченные лошадей. Из слуг Бильгамешу решил взять только Набу, главу телохранителей царского дома. Бильгамешу лично произвел Набу в свободного человека-мушкенума из раба-варнума несколько лет назад и сделал своим телохранителем. Набу был предан Бильгамешу без остатка. Родом он был из Урука и ничего не держало его в Бабили. О том, чем заняться в чужой стране, Бильгамешу старался не думать. Глубоко в памяти он держал разговоры с Балу, который рассказывал об обитающем на западе народе, где Бильгамешу сможет найти кров и решить свою дальнейшую судьбу.

Последний свой день Бильгамешу пожелал освободить от государственных дел, положившись на советников. К полудню однако пришло срочное донесение из цеха писцов о завершении большой словарной таблицы. Он принял гонца, понимая, что не дойдет уже до Илишу. Мысли о словаре и записях снова принесли волну гнева и опустошенности. Почему, кому должен он оставить цветущий свой край? Что и кто ждет его на чужбине? Вслед за этим вернулись мысли о Шаммурамат. Ее, свою возжеленную царицу он, также как и родину, вынужден покинуть. Он должен был дойти до царицы. Пусть будет ему горько и больно, но уйти не попрощавшись было совершенно невыносимо.

На волне возмущения, он отдал несколько казенных приказов. Принял одно обращение. О восстании в Бит-Замани, где крестьяне сожгли несколько финиковых рощ. Бильгамешу вспомнил слова Иштар о бесчинствах жречества. У него была еще возможность наказать их, но в преддверии своего отбытия, Бильгамешу поручил разобраться местному наместнику и если потребуется, принести в жертву Мардуку самих жрецов. Он прекрасно понимал, что вассал-энси никогда не выступит откровенно против жречества, но времени заниматься этим у Бильгамешу не осталось.

После этого он отправился к Шаммурамат. Ее не было у себя, она вышла прогуляться в окруженный арочными сводами сад, где еще недавно Бильгамешу разговаривал с Балу. Бильгамешу почти физически ощущал необходимость увидеться с ней. Он уже не шел быстрым шагом, почти бежал по переходам вдоль верных мушкенумов по направлению к зеленой террасе с фонтаном, где обыкновенно гуляла Шаммурамат.

Она действительно сидела там, укрытая от солнца тончайшим белым льняным покрывалом с драгоценной вышивкой. С Шаммурамат были две немые служанки, пришедшие с нею от Оанки. Молодая царица говорила с ними на аморейском наречии, которое было им родным, хотя они и не могли ответить. С Бильгамешу она пыталась говорить на аккадском, знания ее в котором были ограничены. Но Бильгамешу видел, что старалась она и брала уроки у мастера Илишу, который казалось знал все языки Междуречья.

Увидев Бильгамешу, Шаммурамат кивнула ему и сказала что-то рабыням. Не поднимая глаз на Бильгамешу, они удалились во дворец.

– Я искал тебя, моя царица, – сказал Бильгамешу подходя.

Он опустился на узорчатый парапет фонтана, рядом с Шаммурамат и взял ее за руку. Она смотрела на него пристально, с будто бы спрятанной в глубине осторожностью.

– Мой повелитель, – ответила она мелодичным своим голосом, от которого Бильгамешу охватила приятная дрожь. – Слуги сказали мне, что ты приходил в мои комнаты утром. Но не вошел, отчего решила я, что прогневала тебя. Я приходила в приемную залу, но видя очередь советников, военных и жрецов, не решилась войти и отправилась сюда.

– О нет, моя царица, – ответил Бильгамешу, – не существует того, чем ты могла бы прогневать меня. Это я буду в вечном долгу перед тобой. Утром я хотел зайти и еще раз сказать, как ты дорога мне, и наша прошлая ночь была прекрасна. Надеюсь я не утомил тебя ночными хождениями по саду?

Шаммурамат томно опустила глаза.

– Вы не можете меня утомить, мой Немрод, повелитель. Я здесь чтобы исполнить вашу волю.

– Ах, Шаммурамат, давай оставим эти высокопарные фразы. Мы с тобой супруги, и единственное чего я желаю, чтобы ты чувствовала себя счастливой здесь, в Бабили. Боги видят как я счастлив с тобой... – тут Бильгамешу запнулся.

Шаммурамат не поднимала глаз.

– Мне так многому надо еще научиться. Я не все еще понимаю, что Вы говорите мне.

Бильгамешу обнял ее за узкие плечи. Покрывало откинулось с головы Шаммурамат, обнажив уложенные иссиня черные волосы и изящную тонкую шею с ключицей. Бильгамешу окатила волна нежности к ней. Неужели она, глупая, все еще боится его, считает типичным царьком, одним жестом отправляющим людей на смерть, как это водится среди аморейских племен.

– Не бойся меня, маленькая моя Шаммурамат. Никогда я не обижу тебя и всегда буду перед тобой в неоплатном долгу, – он вздохнул. – Я искал тебя, чтобы сказать, что сегодня ночью мне нужно будет покинуть Бабили. Пусть это не будет для тебя неожиданностью, – голос его сорвался, – Энси, аквилумы, мушкенумы будут слушать тебя как меня самого. Полагайся на старших жрецов, они помогут тебе во всем. Каждого из них я лично отбирал и возвышал, каждый из них предан Бабили и семье лугалья.

Шаммурамат подняла на него свои огромные глаза.

– Я не могу полностью понять тебя, мой повелитель. Ты покидаешь Бабили сегодня? Должна ли я последовать за тобой?

– Нет, нет. В этот раз ты не отправишься со мной. Я возьму лишь верного своего Набу. Ты останешься здесь в прекрасном нашем Бабили.

Голос Бильгамешу снова сорвался.

– Но когда же ты вернешься, господин?

Шаммурамат смотрела на него так открыто, пристально и доверчиво, что Бильгамешу снова залюбовался. Овалом ее лица с узким, словно выточенным искуснейшим скульптором подбородком, изящными линиями бровей и глубиной прекрасных темных глаз. Бильгамешу не выдержал, потянулся к ней и поцеловал. Она ответила ему на поцелуй с некоторой смесью смущения и уступчивого желания.

Поцелуй был долг. Но и ему суждено было закончиться.

– Возлюбленная моя, – сказал Бильгамешу, переводя дыхание, – Здесь в Бабили все устроено для твоего блага и защиты. Ты – царица его.

Надо было уходить. Бильгамешу знал, что если не уйти, то он не уйдет сегодня, а возможно и завтра и никогда. Он обещал богам, он должен уходить.

– Я принесу молитвы сегодня величественному Мардуку, после чего отправлюсь. Я поднимусь на вершину величайшего нашего зиккурата Этеменанки, хоть и не достроен еще он, и там принесу благодарность богам за дарованную Бабили мудрость. За величие, за знание и ремесло, побеждающие грубую жестокую силу, за нашу веру в Богов и нашего покровителя Мардука.

Шаммурамат смотрела на него и не понимала. Он прочитал это в ее глазах. Да и не ей вовсе говорил он все это. Скорее себе. Чтоб взвинтиться, подняться и оторваться от этих огромных и глубоких как два ночных озера глаз, от этой ключицы и шеи, которые так хотелось осыпать поцелуями.

Бильгамешу поднялся.

– Прощай, возлюбленная моя Шаммурамат.

– До встречи, мой Немрод, – эхом откликнулась она, не отрывая от него своего томного таинственного взгляда.

Бильгамешу отвернулся и зашагал к дворцу, мимо глазурированных арок. Он еще раз окинул взором сочные зеленые заросли с яркими красными, синими, желтыми цветами. Здесь сегодня он общался с Балу. Может быть Балу еще здесь, спит на одной из плетеных скамей, там, где Бильгамешу его оставил. Он знал впрочем, что это не так. Балу был нигде и везде. Спал ли он, либо же наслаждался азартным спором с торговцами на городском рынке, ничего никогда не укрывалось от Балу.

Вернувшись во дворец, Бильгамешу первым делом вызвал распорядителя, который отвечал за его сборы. Все необходимое, запас одежды, одеял, провианта и оружия было собрано и поджидало уже у ворот дворца, охраняемое верным Набу и еще парой воинов. Бильгамешу решил, что безопаснее будет выйти с телохранителями, а дальше, когда минуют они Новый город, он отправит их назад, оставив только Набу. После этого с нанятым проводником они примкнули к каравану, идущему на запад. Слуга подтвердил, что провожатый уже ждет, все готово и Бильгамешу стоит только дать знак, и они отправятся.

Осознание близости расставания вновь накрыло Бильгамешу волной нерешительности. Всего лишь отдать приказ и жизнь, которую он вел, которую знал, останется в прошлом. Теперь, когда это перестало быть мыслями, разговорами, а материализовалось, обрело форму, страх его вернулся. Он опять подумал о Шаммурамат. Вспомнил, какой ценой, досталась она ему и что не видеть ему больше ее. В раздумьях расхаживал Бильгамешу по широкой зале, как бы укладывая в памяти все, что его окружало и всех, кто был с ним долгие годы.

Долго просидел Бильгамешу задумчиво на скамье в малом тронном зале. Он очнулся только, когда в окно заглянуло вечернее солнце. Время сомнений закончилось. Пора была действовать, прямо, без колебаний. Он поднялся, быстрым шагом прошел между копьеносцами, охраняющими двери. В своих покоях, он переоделся не прибегая с помощи слуг. Надел простую тунику, расшитую красными узорами, однотонную юбку из плотной ткани. Повязал заготовленный заранее пояс с кинжалом. Обычный, без изысков, чтобы не привлекать особого

внимания, но в то же время не выглядеть бродягой. Волосы повязал кожаным шнуром. Набрал на спину плащ с капюшоном и затянул ляжки на груди. Подошел к начищенному бронзовому зеркалу и оглядел себя. Как же много наносит на природную простоту человеческого тела одежда и присущие ей ожидания. Теперь Бильгамешу был похож на средней руки аквилума-купца, но никак не на лугалья Бабили, или даже энси. Свое богатое королевское одеяние Бильгамешу разбросал на полу и не без удовольствия наблюдал как не взирая на дороговизну тканей и вышивки, безжизненно, бессмысленно смотрится оно, без носителя. Эта мысль придала ему сил.

Времени однако было не много. Он вышел из покоев и дал знак охранникам следовать за ним. Это были те самые выбранные Набу мушкенумы. Он знал личную свою стражу в лицо. Всех их отбирал лично Набу. Были они молчаливы и беспрекословно подчинялись приказам.

Бильгамешу с телохранителями выскользнул в дворцовый двор, прошел под рядом высаженных пальм, которыми был оторочен периметр, стараясь держаться в их тени. Здесь, у задней стены, примыкавшей к одной из улочек, выходящих на Дороге Празднеств, прятался малоприметный выход в город. У ворот всегда дежурили двое стражей. Сегодня, предупрежденные Набу, стражи только кивнули Бильгамешу, закутанному в капюшон. Пройдя по тесному низкому коридору длиной в десять шагов Бильгамешу толкнул отпертый створ и вышел из-под стены на улицу. Его уже ждал Набу с парой слуг. Приваленные к стене лежали приготовленные тюки с вещами.

Бильгамешу путешествовал инкогнито, и договорился с Набу заранее, чтобы ни он, ни его подчиненные не отдавали ему должной чести при встрече и не преклоняли колен. Воины ограничились поклонами. Даже такой чести не хотел Бильгамешу и торопливым жестом приказал им перестать.

Лязгнул засов запираемой дворцовой калитки.

– Я опасался уже, мой повелитель, что ты не придешь, – сказал почтительно Набу.

Бильгамешу кивнул.

– Буду с тобою честным, я был близок к такому решению, Набу, – он вымученно улыбнулся. – Однако кто мы такие, чтобы идти против воли Богов.

По плану, Бильгамешу с телохранителями должны были идти через город пешком, без лошадей, чтобы не привлекать внимания. Торговцы с товаром, с охраной и без, были самым распространенным людом на улицах Бабили. Лошади с провожатым поджидали за городом, за воротами Адада. Слуги подхватили тюки, и отряд тронулась в путь.

– Набу, я менял несколько раз планы в последнее время, – заговорил Бильгамешу из тени капюшона, – Сегодня я сделаю это в последний раз. Перед тем, как мы отправимся, я хотел бы вознести молитвы нашему покровителю Мардука в его храме.

Набу послушно кивнул.

– Но только не в малом храме Мардука, – продолжал Бильгамешу, – а поднявшись на новый строящийся зиккурат Этеменанки. Я не успеваю уже увидеть, как наши жрецы-астрологи украсят и оживят его, и обратят свои взоры на звездное небо с его величественной высоты и поведают нам о звездах, небе и нашем будущем.

Процессия вышла на Дорогу Празднеств, там, где башней-стелой заканчивалась глазурированная стена Иштар. В подступающих сумерках блестящие израсцы казались черными и играя отражениями создавали иллюзию зияющей пустоты, вместо стен. Бильгамешу внутренне порадовался, что путь его лежал в обратную сторону, а не к Воротам Иштар, между этих провалов.

Дорога Празднеств не спала. Сновали группы людей, вальяжно ходили городские стражники. Можно было разглядеть жрецов, торопящиеся по делам своих храмов в поздний час. Бильгамешу узнавал торговцев и не без гордости видел восхищающихся гостей.

Храм Иштар миновали быстро. Молеельня не спала, Бильгамешу видел огни и паломников толпящихся у основания зиккурата. Именно жрецам Иштар, агрономам, был обязан Бабили своей великолепной системой ирригации, которую на засушливой почве месопотамских пустынь, позволила растить лен, овощи и виноград. Ну и конечно они придумали и осуществили давнее желание Бильгамешу – украсить бело-желтый Бабили висячими садами, в которых смогли жить и цвести удивительные растения с берегов срединного моря, с родины Шаммурамат.

Справа поднялась и поплыла мимо глухая кирпичная стена. Пока еще не выскобленный, не украшенный, серо-желтый отвес из кирпича-сырца никак не давал понять, что скрывается за ним. Бильгамешу разглядел впереди прямоугольный свод ворот и солдат, одетых в желтые туники поверх шерстяного набедренника. Городские стражи не надевали кожанной перевязи и шлема шишака, как полагалось военным, вместо этого они носили пояс с ножнами для короткого меча и повязывали волосы ремешком. В дополнение к мечу, стражи имели длинное в полтора роста копьё и щит.

Стена с охраняемыми воротами окружала главное строящееся здание Бабили – зиккурат Этеменанки – «Дом основания неба и земли». Здание зиккурата не было еще видно, но разница между обратной стороной улицы, и этой, с глухой стеной, ощущалась почти физически. Там, всего в сорока локтях, темнели лужайки и одно-, двух– этажные, низко огороженные дома с цветным орнаментом и пучками зелени на крыше. Это богатые авилумы заводили себе миниатюрные копии садов Шаммурамат. Оттуда доносился галдеж, сновали люди. На этой стороне звуки повисали, топко проваливаясь и растворяясь в щербатой стене сырца. Уж больно величественно и грозно выглядело то, что вздымалось из-за нее. Семиярусный зиккурат с новым, строящимся храмом Мардуку на верхней ступени.

Набу подошел к охранникам и перекинулся с ними несколькими быстрыми фразами. Бильгамешу с носильщиками ждали в стороне. Каждый служака в городе знал Набу, старшего телохранителя царя-лугаля. Охранники почтительно отвечали ему. Прошло совсем не много времени, и Бильгамешу уже входил в сопровождении Набу и охранников в арочные храмовые ворота.

Миновав переход соединяющий толстые двойные стены, отряд Бильгамешу вышел в просторный внутренний двор зиккурата. На огороженной территории высилось несколько вспомогательных построек. В дальнейшем в них планировалось устроить храмовые помещения для жрецов Мардука и, по-совместительству, астрономов. Жрецы с мастеровыми и рабами-вардудами будут здесь полировать кварц, добываясь от него свойств увеличительного стекла, для изучения звездного неба. В настоящее время этим занимались в старом храме Мардука, на юге Восточного города. Помимо построек, которые были близки к завершению, здесь были развернуты конструкции и тенты, которыми пользовались строители. Высились рядами кирпичи – обожженные и просто высушенные, стояли наполненные бассейны с битумом, сложенные в кучи громоздились связки тростника.

Строителей было не много в поздний час. Жрецы-зодчие из храма Шамаша уже разошлись и здесь сейчас находились только несколько помощников мастеровых и надсмотрщики за рабами-вардудами, завершающими черновые укладочные работы.

Набу со стражниками приказали мастеровым закончить работы. Сборы заняли около получаса – подняться наверх, собрать каменщиков, спуститься с верхних ярусов зиккурата и сложить инструмент. Стройматериалы к храмовому комплексу подвозили через южную стену, которая сложена была только частично. Через нее строители покинули стройку, отправившись в Западный Бабили, на отдых. Южную стену также охраняли четверо воинов.

После того, как рабочие ушли, гигантский Этеменанки, и без того вызывающий оторопь, будто бы еще сильнее осунулся и помрачнел. Пропали голоса и шум стройки. Даже солдаты городской стражи, которые вместе с Бильгамешу ожидали, пока разойдутся строители, при-

глушили голоса. Стало темнее. Мрачным исполином нависал над ними зиккурат Этеменанки, новое подножие храму Мардука.

Зиккурат представлял собой семиступенчатое прямоугольное строение, около двухсот локтей высоты. Нижняя ступень, самая массивная, в треть высоты здания, служила квадратным основанием будущего храма и по-совместительству обсерватории. Пролет гигантской лестницы, гипотенузой прямоугольного треугольника взлетал к основанию второй могучей ступени и пропадал там, сливаясь с уступом на фоне темного неба. Еще две лестницы поднимались вдоль стен, образуя с торца вид песочных часов, сходясь к вершине первой ступени и вновь разбегаясь затем ко второй.

На ночь строители обыкновенно оставляли на башне факелы, у основания и пролетов лестниц. Это должно было облегчить путь богам к своему храму. Сейчас, ночью, в тишине заваленного строительным мусором двора, эти мерцающие огни смотрели с высоты в сотни локтей холодно и даже угрожающе.

Бильгамешу вполголоса обратился к Набу.

– Спасибо, мой верный Набу. Теперь я пойду наверх, вознесу молитву великому Мардуку. Жди меня здесь. Мы тронемся в путь как только я вернусь.

Он отправился к ближайшей боковой лестнице, поднимая с каждым шагом облачко пыли. Набу и охранники смотрели вслед его узкой фигуре, закутанной в плащ-накидку с капюшоном надвинутым на лицо.

Исполинский зиккурат встретил Бильгамешу полной тишиной. Как только Бильгамешу оказался в тени его массивной стены, пропали даже шорохи и дуновения ветра. Собственное дыхание стало оглушающим хрипом, удары сердца – тараном. Бильгамешу ступал по усыпанной пылью и щебнем площадке, окружавшей Храм и каждый шаг отражался у него внутри басистыми ударами призывных гонгов, взрывами громов тропических ливней и вулканными всхлипами далеких гор.

Перед лестницей, взбегающей вверх вдоль отвесной стены, Бильгамешу встал. Здесь в стене крепились гнездо для факела и спокойный ровный огонь освещал основание из ровных залитых битумом глиняных плит. Вершина лестницы терялась в черной вышине и где-то там подмигивал Бильгамешу еще один факел. Невесомо Бильгамешу ступил на первую ступень. Тонкая поземка пронеслась по ней, припорошив сандалию верховного жреца тонким слоем пепла. Пепла?! Бильгамешу нагнулся к стопе, но видение уже исчезло. Пыль, серая в темноте, обыкновенная пыль.

Бильгамешу начал долгий непростой подъем. Острые ступени будто впивались в мягкие подошвы его сандалий, точно сам Храм противился тому, чтобы Бильгамешу поднимался. Но он поднимался. Чувствовал какой-то внутренний долг, нужду подняться. Дыхание его сбилось, но Бильгамешу продолжал упрямо переставлять ноги. Не торопясь, стиснув зубы. Подъем на первый ярус был самым сложным и опасным. Слева уже обозначилась бездна во множество человеческих ростов.

Звезды становились ближе. Бильгамешу не поднимал взгляда. Ему казалось, что строгие, требовательные лица смотрят на него с этих звезд, смотрят и задают немой вопрос: что ты делаешь здесь?

Он так был сосредоточен, что вздрогнул от неожиданности, когда лестница закончилась, упершись в глухую стену. Здесь из гнезда в стене торчал еще один факел. Бильгамешу остановился и перевел дух. Он отлично знал планировку башни. Сам выверял ее с жрецами-зодчими. Отдышавшись, лугаль вышел на террасу первого яруса, прошел по ней и ступил на следующий лестничный пролет.

Путь на вершину зиккурата был извилист. Предполагалось, что пожелавший вознести молитвы в новом храме Мардука, должен показать серьезность своего намерения. В действительности, для жрецов-астрономов, да и строителей, вдоль боковых стен башни располагались

подъемные платформы на прочных тросах. На них рабы-вардумы втаскивали на вершину необходимые материалы и нередко самих зодчих. Сегодня однако не было вардумов, готовых их поднять. Да и Бильгамешу твердо решил пройти путь настоящего паломника.

Лестница на четвертую ступень была с обратной, южной стороны зиккурата. Бильгамешу шел вдоль узкой террасы с ровным, в половину человеческого роста, заграждением по краю. Город внизу представлял размазанной кляксой с маревом разноцветных точек. Светлые строения угадывались бесформенными глыбами, темные сливались с землей. Разглядеть ожидающего внизу Набу с солдатами было невозможно, Бильгамешу с трудом различал даже освещенные храмовые постройки. Зато здесь наверху он слышал его, свой город. Чувствовал ветер, как порывистое дыхание ночи. И звезды теперь были наравне с ним, заодно. Страх его угас.

На шестой ярус он поднялся влажный от пота. Мышцы икр и бедер поднывали, но чувствовал себя Бильгамешу хорошо. Он ощущал единение со своим городом, с зиккуратом, со звездами. Перед ним, окруженный узкими уступами, высился новый храм Мардуку. Храм сразу выкладывали обожженным темно коричневым кирпичем, и несмотря на строительные леса, грязь и пыль уже сейчас он выглядел величественно. Никогда еще Бабили не чтит так высоко своего могущественного покровителя, Мардука.

Бильгамешу упал на колени и склонил голову. Исступленно он шептал слова молитвы: «предвечный владыка-вседержатель...», «ты сотворил меня и доверил власть над людьми...», «да будет твое владычество милосердным...», «подай мне то, что благоугодно тебе...». Он потерял счет времени.

– Ты искал меня, – низкий бархатистый голос застал его врасплох.

Бильгамешу быстро совладал с собой и различил на углу яруса, на фоне агатового звездного неба еще более темную высокую фигуру. Мардук, в отличие от Иштар и Балу был редким собеседником Бильгамешу.

– О, Великий Мардук! – Бильгамешу еще ниже склонил голову.

Фигура не шелохнулась.

– Я... – Бильгамешу запнулся. – Я ухожу, как велели мне Боги... – начал он сбивчиво.

– Зачем ты здесь, Бильгамешу? – перебил его холодный вопрос.

Бильгамешу задохнулся.

– Я почувствовал что должен это сделать, перед тем как уйти. Должен увидеть Бабили перед тем как покину его навсегда. Поблагодарить Богов, – Бильгамешу сделал попытку подняться.

– Нет, ты не поэтому здесь, – последовал ответ. – Реки сомнений унесли тебя, Бильгамешу. Ты испугался, воспротивился отпустить то, что не принадлежит тебе. Бабили, Шаммурагат, Набу. Но теперь это уже не важно. Я уже слышу громовые раскаты неверия. Ветра безумия несут бурю раздора в Бабили, эхо от гибели которого будут слышать через многие годы.

– Прости меня, великий Мардук, за слабость мою, – Бильгамешу торопливо взвихрил руки. Из груди его вырвался всхлип. – Я всего лишь человек.

Он вновь упал на колени.

– Каждый сам выбирает себе казнь, – повторил его собеседник слова, недавно слышанные Бильгамешу от Иштар. – Прощай.

Бильгамешу еще видел, как высокая черная фигура растворилась на фоне бездонного звездного неба. На миг ему показалось, что звезды исчезли, скрывшись за непроницаемым одеялом черных туч. Он будто бы услышал раскаты грома и чудовищный вой урагана, различил косую членистоногую молнию. Миг, и видение пропало. Бильгамешу одиноко сидел на краю верхнего яруса исполинской башни. Он окинул испуганным намокшим взором город внизу.

Бильгамешу не успел стереть слезы с глаз, когда услышал движение на лестнице. Он обернулся и разглядел поднимающиеся фигуры, в скачущем свете факела. Пламя вздрогнуло и Бильгамешу узнал Шаммурагат с одной из своих прислужниц, молчаливой Талитой. Жен-

щины были укутаны в просторные плащи с отброшенными капюшонами. На голове Шаммурамат поблескивала диадема царицы Бабили. Талита несла факел.

Лицо Бильгамешу озарилось радостью. Она пришла за ним, его возлюбленная последует за ним, куда только не направят его своевольные боги!

Шаммурамат увидела его коленопреклонного с лестницы. Ее глаза блеснули в неровном свете тростникового огня. Девушка решительным шагом направилась к нему. Лоб ее блестел от пота.

Бильгамешу протянул к возлюбленной руки. Только в самый последний момент, когда узрел он выражение ее лица, холодное, отрешенное, взгляд, колючий, чужой, он вдруг со всей четкостью осознал, зачем его возлюбленная взойшла к самому небу для встречи с ним.

Пола плаща неслышно отошла в сторону. Блеснул тонкий кинжал с навершием рукояти в форме головы быка-рими, подарок Балу. Узкое лезвие вошло глубоко между ребрами Бильгамешу. Шаммурамат выдернула лезвие и не давая ему передышки вонзила еще раз. Выдернула.

Бильгамешу откинулся и упал на спину в пыль террасы шестого яруса. Во рту появился вкус кровавой отрыжки. Кинжал пробил легкое.

Шаммурамат стояла над ним с кинжалом.

– Прощай, мой повелитель Немрод! – сказала она страстно, почти без акцента. – Мы настоящему квиты теперь, за все унижения, что принес ты мне и моему народу.

Бильгамешу попытался ответить, но из груди вырвался только булькающий хрип.

– Не старайся ничего мне объяснять, велеречивый лугаль! – сказала Шаммурамат. – Я знаю все о тебе и твоём проклятом богами царстве. Я не забыла ни одного дня, с той самой ночи, когда аккадские воины, обманом проникнув в город, напали на дом моего отца. Я помню отчетливо, как твои воины волокли его на своих колесницах, раздирая о камни.

Я не забыла, как были превращены в вардумов мои братья, а мою мать Деркетю и подруг твои воины насиловали прямо в нашем доме. Меня спасло лишь то, что я была дочерью наместника Мисру в Тимаску, равного твоим энси по происхождению, и меня можно было выгодно продать в наложницы.

Шаммурамат опустилась на колени рядом с задыхающимся Бильгамешу. Голос ее дрожал, глаза сверкали.

– Я расскажу тебе все сегодня, мой царь! О, как долго я ждала этого! Как меня юную девчонку, не знавшую ничего, кроме заботы отца и матери, превратили в меновый товар. Около года твои воины таскали меня по лагерям. Я не жила жизнью вардумов, нет. Но я прошла через тысячи унижений. Меня били палками, дрессируя как вести себя на смотринах у энси, манерам и искусству примерной наложницы. Лишали меня еды и держали в клетке за плохое поведение. Жрецы и жрицы Иштар щупали меня каждые две недели, убеждаясь что я – все еще девственница, что мой владелец не испортил меня. Мне повезло, я вовремя сделала вид, что не понимаю проклятого аккадского наречия, которому обучили меня еще в доме отца. Мой отец, наивный человек, полагал, что за дипломатией будущее в отношениях между нашими странами. А у наложницы знание языка вовсе не обязательный навык.

По чистой случайности я избежала насилия в тот год: однажды меня едва не выкрали солдаты, в другой раз мой пьяный хозяин Акураш разорвал на мне одежду, и только его собственные телохранители остановили его. Ведь цену можно выручить только за девственницу.

Меня выставляли на смотрины в каждом большом поселении от Тимаска до Терка. И каждый грязный авилум трогал меня, лазил мне в рот своими грязными руками проверяя зубы. Я дважды пыталась покончить с собой, и один раз у меня почти получилось. С тех пор ко мне всегда был приставлена стража. Я не оставалась одна даже когда мне надо было побыть одной как женщине. О, я помню каждый взгляд, каждый оскал этих аккадских ублюдков, пусть проклянет их Мут.

Шаммурамат наклонилась к самому лицу Бильгамешу. Ее сияющие глаза находились прямо напротив его.

– Ты умрешь сегодня, Немрод, но ты узнаешь свою Шаммурамат, как давно хотел!

О, спрос на меня был велик! Но видя его Акураш только задирает цену. Он говорил о том, что давно бы начал сдавать меня во временное пользование, если бы не был уверен, что в городах Междуречья он выручит за меня еще больше. Так он и поступал с девушками, которые были вардумами.

После года скитаний и мучений, на невольничьем рынке Мори меня увидел Оанки, твой энси. Я была к тому времени вышколенной наложницей, знала как смотреть, двигаться и танцевать, чтобы покупатели дрались за меня, задирая ставки. Этого добивался от меня Акураш и добился. Но пламя во мне не угасло, хотя я и научилась скрывать его ото всех. Оанки был первым, кто разглядел за дорогой наложницей меня, человека. Я узнала потом, что он едва ли не силой выкупил меня в Акураша, тот выставил совсем баснословную цену. Но здесь, ближе к Бабили, Акураш не мог быть слишком агрессивным, здесь авторитет энси был велик. Оанки привел меня в свой дом и поселил в богатых комнатах с прислугой. Он не принуждал меня ни к чему, и дал мне все, чего я только пожелала, включая и полную свободу передвижения. Оанки выполнил даже мою просьбу, он выкупил девушек из родного мне Тамаска, с которыми судьба обошлась еще безжалостнее, чем со мной. Им не повезло быть дочерьми знатного вельможи, поэтому их били, насиловали и в конце концов отрезали языки, чтобы они не могли рассказать, что пережили. Они принадлежали тому же подонку авилуму Акурашу. Оанки выкупил девушек по моей просьбе. Ты не видел, в каком состоянии нашла я их на том невольничьем рынке. О, с каким счастьем прижала я их к своей груди.

Шаммурамат перевела дух.

– Я знала, что никогда не вернусь в родные края и что нужно строить новую жизнь. Но знала я также и то, что виной всему империя Бабили и его мудрейший лугаль – Бильгамешу. Город, который называют городом мудрецов, навсегда поменял представление о войне. Мощь, которая здесь представляется успехами жрецов, оборачивается кровью и смертью на границах империи, где энси расширяют ее владения огнем и мечом. Там где ты производишь клейкий битум для водонепроницаемых стен, кипящей смолой заливают армии твоих противников. Где твои врачеватели смешивают травы и лечат болезни, горшки с облаками яда падают на жилые дома и люди гибнут от удушья. Ты изучаешь языки соседних народов, а шпионы твои проникают в наши города и отворяют ночью ворота армиям убийц. Смерть расплзается во все стороны от Бабили, как детеныши из гнезда скорпионов.

Твой город – убийца, а ты – страшнейший из убийц, ибо даже не понимаешь, что творишь.

Ты убил мою семью и убил Оанки, которого я полюбила всем сердцем, решила раскрыться перед ним и быть ему верной женой. Но будучи преданным твоим вассалом, узнав, что ты возжелал меня, он пал ниц пред тобою и вонзил меч себе в сердце. Я прокляла тебя задолго до прихода в Бабили, но поклялась отомстить тебе в день, когда узнала о смерти Оанки.

Ты отнял все у меня и пока ты жив, ты будешь продолжать отнимать. Города, страны, судьбы. Я стала твоей женой, я была с тобой, но только для того, чтобы нанести удар в самый подходящий момент.

Прощай, Немрод! Ты был великим лугалем, но я сделаю все, чтобы уничтожить то, что ты построил. Я отомщу каждому, чье имя обогрето кровью и я помню каждое имя. За Акурашем, с которым у меня особые счеты, я убью Илишу – жреца Балу, мастера письма и оружейного дела; Энки, жреца-зодчего; Дамика, жреца Нанна с его ядами. Это будет другая страна. Твое имя будет стерто, вычеркнуто из истории Бабили, запрещено! Умри же, Немрод!

Последние слова она выкрикнула в лицо Бильгамешу. Девушка подняла над головой кинжал и с размаху вонзила в самое сердце Бильгамешу. Он успел заметить голову быка-рими, которая казалось расплылась в насмешливой ухмылке Балу.

***

Я разлепил глаза и обнаружил себя растянувшимся на родном учебном столе, в преподавательской, на своих по-школьному сложенных руках. Горел свет, за окном стояла беспросветная ночь. По комнате словно ураган прошел: повсюду валялись бумаги, столы и стулья были сдвинуты с мест. На столе Анатолия, выстроившись в ряд, стояли четыре пустых бутылки из под водки.

В голове медленно восстанавливались события вчерашнего вечера. При некоторой тугости мышления, и сухости во рту, голова, как ни странно, не болела, организм никоим образом не давал понять, что имел дело со спиртным. Это обстоятельство меня порадовало, так как, если не изменяла мне память, застолье мы устроили во вторник, посреди рабочей недели. То есть завтра утром надлежало мне читать студентам лекцию.

Я выпростался из-за стола, превознемая некоторое неудобство, связанное с онемением отдельных моих членов, и бросил долгий неопределенный взгляд в окно, в котором отражался царивший в преподавательской бедлам. В голове у меня царил погром не меньший, чем вокруг. Случайная встреча с Никанор Никанорычем, случайная с ним посиделка, Анатолий со стулом, и, черт побери, Бильгамешу, верховный жрец культа Мардука в древнем городе... Вавилоне? Отчего-то я был совершенно уверен, что Бабили есть ни что иное как пресловутый, клятый Вавилон.

Так что же это было? Сон? История, столь чеканно изложенная Никанор Никанорычем, что у меня осталось впечатление, будто я видел все собственными глазами. Резьба каменной арки при входе в завораживающей красоты сад; длинные расшитые одежды жречества и яркое, до рези в глазах, небо над величественным Бабили. Разве можно такое передать словами? Нет. Определенно – сон.

Между столами, подложив под голову потертый портфель, посапывал Анатолий. Он будто бы и не замечал, что находится не дома, что пылится, вместе со своими бумагами, на грязном, не мытом со вчерашнего утра полу. Анатолий так уютно подобрал ноги, устроился между столами, что мне даже жалко стало будить его. Пусть поспит еще немного. Один я по натуре жаворонок и, хочу не хочу, в пять-шесть утра на ногах, как штык.

Портфель! Только теперь я обратил внимание на потертый саквояж, на котором спал Анатолий. Или совсем я выжил из ума, или это и был чудесный всепригодный портфель Никанор Никанорыча.

Я уселся на Анатолийн стул, который стоял в проходе, очевидно оставленный Никанор Никанорычем, и некоторое время наблюдал за Анатолием. Он спал как младенец. Мне очень не хотелось его беспокоить, однако любопытство, двигатель прогресса, терзало меня еще сильнее.

– Анатолий, – я нагнулся и потряс дюжего старшего преподавателя за плечо. -Просыпайся, Толя! Время!

Анатолий вздрогнул, шумно выдохнул и открыл один глаз. Я откинулся, насколько мог, на стуле и подождал, пока выражение младенческой невинности, сменил на лице Анатолия хмурая мина кандидата технических наук с похмелья.

Толя закрыл глаз, еще раз шумно вздохнул и начал подниматься. Он облокотился руками о пол и рывком оторвал голову от интересующего меня объекта – портфеля Никанор Никанорыча.

– Доброе, Борь, – сказал он. – Башка ничего не сообщает. Пора уже, да?

Тут я вспомнил, что с тех пор, как проснулся, еще ни разу не взглянул на часы. Ну да это легко исправить. Я привычно потянул рукав пиджака.

– Пол одиннадцатого, – сказал я.

Половина одиннадцатого?! Быть того не может. Я нахмурился и поднес часы к уху. Тикают, как ни в чем не бывало.

– Вот черт! – Анатолий поднялся на ноги и теперь критически осматривал свой костюм с разводами от пыли. – На полу разлежся, как...

Как кто Анатолий разлежся на полу, я не узнал. Толя вдруг заметил, что я сижу на его стуле, причем, судя по его изменившемуся лицу, не просто сижу, а бесстыднейшим образом рассаживаюсь. Он даже назад отшагнул от такого безобразия.

Я поспешно встал.

– Толя, это твой новый стул. Так сказать, подарок тебе, от... кафедры.

Анатолий ошалело смотрел то на меня, то на стул.

– Подарок? – наконец пробормотал он. И наклонился к стулу.

Я успел только отстраниться. Подарок от кафедры – стул. Чушь какая.

Ко мне вернулись мысли о времени. Почему-то мне казалось, что наша посиделка затянулась до глубокой ночи. Да что там казалось, я абсолютнейше был в этом уверен. Я и на часы, вроде бы, поглядывал. Когда про Гоголя разговор зашел. Помню как в тумане, около часа ночи стрелки показывали. Да мы бы просто физически не успели переговорить всех тем и опустошить четыре бутылки до половины одиннадцатого. А ведь мы еще выспаться умудрились!

– Толя, – позвал я забывшего обо всем на свете товарища, – у тебя часов нет?

Он поднял на меня глаза. От стула он, по всему видать, был в восторге.

– Так половина одиннадцатого же. Сам сказал.

– Да врут часы мои. Не может быть половина одиннадцатого.

– Да точно тебе говорю, так и есть, – Анатолий полез за часами, которые он по обыкновению носил во внутреннем кармане пиджака.

Он выпростал из кармана старинные командирские часы без ремешка и протянул мне. На зеленоватом циферблате, за протертыми местами стеклышком, как ни странно, тоже было половина одиннадцатого.

– Все правильно, Борь. Ты, наверное, что-то путаешь.

Ничего я не путал. Опять наверное Никанор Никанорыча штучки. Однако спорить с Анатолием я не собирался, поэтому счел за лучшее переменить тему.

– Ну и как тебе Никанор Никанорыч? – спросил я.

– А что? – спросил Анатолий.

– Так просто, интересно твое мнение?

– Ничего, ничего мнение, – кивнул он. – Человек образованный, неглупый. Начитан к тому же. Сыпал весь вечер афоризмами.

Мне почему-то афоризмы Никанор Никанорыча не припоминались. А припоминалось мне про лугалья-жреца по имени Бильгамешу. Все мои мысли этот самый Бильгамешу заполнил.

– А кто он такой? – с большим опозданием дошел до меня вопрос Анатолия.

Хотел бы я сам знать.

– Случайно познакомились в столовой, – как можно невозмутимее сказал я.

– Наш, значит, университетский, – подытожил Анатолий. – Интересно получается: работаем, вроде, с человеком бок о бок, а узнаем по чистой случайности. Вот жизнь.

Я не стал его разубеждать. Мой взгляд снова упал на портфель Никанор Никанорыча. Он лежал теперь совершенно покойно, никем не попираемый, не теребимый, посреди прохода между столами. Лучшего и придумать было нельзя. Я наклонился и поднял его с пола. Он оказался неожиданно легким. Впрочем, следуя логике, иначе и быть не могло. Никанор Никанорыч весь вечер что-то из него вынимал, немудрено, что чудо-портфель, будь он хоть трижды бездонным, отоштал. И пока Анатолий разглядывал свой помолодевший стул, я быстро расстегнул застежку, открыл портфель и заглянул внутрь.

Поведение мое наверно можно считать смешным, глупым, детским. Однако, ничего другого, чтобы хоть как-то прояснить обстановку вокруг Никанор Никанорыча, я придумать не мог.

Итак, я открыл портфель. Он, как и полагалось, был пуст. Поспешно, несколько даже нервно, пробежавшись по отделением, я обнаружил в самом просторном из них, там где некогда лежала Библия, скомканный листок бумаги. По-шпионски глянув на отрекшегося от мира в пользу нового стула Анатолия, я, путаясь в собственных пальцах развернул мятый лист. На тетрадном листе в плохо различимую клетку, мажущей шариковой ручкой было написано:

«Прошу слезно простить, Борис Петрович, за мое внезапное ретирование без предупреждения. Дело срочное возникло, вот и пришлось подсуетиться. Умоляю, задержитесь завтра в университете и дождитесь меня в пять вечера в вестибюле, на первом этаже. Даю зарок и клятвенно обещаю быть и по возможности все вам объяснить.

Никанор Никанорыч.»

Я перечитал текст, потом скомкал лист и сунул в портфель. Ну что же, в пять часов, так в пять часов. А нам с Анатолием предстояло еще убрать с пола бумаги, вернуть на свои места свороченную мебель, скрыть следы попойки, добраться до дома, выспаться и к восьми пятнадцати утра явиться в университет на работу.

Занятия мои назавтра, как и полагалось, закончились в половине третьего. Вернувшись наконец в преподавательскую, я заварил себе чаю и посидел, собираясь с мыслями, перед встречей с Никанор Никанорычем.

Несмотря на отсутствие похмелья, день у меня выдался насмарку. Добравшись до дома за полночь, я долго не мог заснуть, а утром едва не проспал выход на работу. Всю ночь перед глазами моими стояли прямоугольные зиккураты, вечерняя дорога празднеств и глаза, страстные глубокие глаза красавицы Шаммурагат. Утром я проснулся, будто и не спал вовсе. Заноза, засевшая у меня в голове, не давала мне покоя. Это не было уже размышлением о природе вчерашнего видения или сна. Я вполне осознанно связывал случившееся с Никанор Никанорычем. Что-то другое, в самом видении казалось мне очень знакомым, ускользающе близким. Я возвращался в воспоминаниях к самому окончанию истории, когда ударила Шаммурагат Бильгамешу кинжалом. Чувствовал, что прячется где-то здесь важная веха, улика что ли.

Утреннюю лекцию я прочитал плохо. Не то, чтобы каждая моя лекция была шедевром ораторского искусства, все-таки читал я старую, заезженную дисциплину, но я хорошо чувствую, когда лекция проходит на отлично, и когда ниже среднего. Выставляю оценку себе по пятибальной шкале после каждого занятия. Так вот сегодня я поставил бы себе «удовл.», тройка. Путано и скачками отчитал я заученный наизусть материал.

Потом была относительно тихая лабораторная практика, до которой я, слава богу, успел проверить все студенческие работы.

Промежуток между утренними и послеобеденными занятиями я провожу обычно в кафедральной лаборатории, изучая последние результаты стенда. Это не очень хорошее время, чтобы ломать голову над расчетами, потому что впереди еще одна лекция, и такое предстоящее выступление начисто отбивает желание погружаться глубоко в формулы. Сегодняшнее время между занятиями я провел бесполезно. Слонялся по университету, пережевывая в голове вавилонскую историю. Встретил на кафедре Олег Палыча, он затащил меня к себе и воодушевленно рассказал о ректорской программе по поддержке молодых ученых, на которую может он меня и Толю записать. Традиционно это означало кучу бюрократической возни, заполнение заявок, запись на прием к проректору и так далее. Я посоглашался с Олег Палычем, что без должной материальной поддержки и шума в университетских административных кругах научные дела не делаются, хотя терпеть ее не мог, шумиху эту, и пообещал неопределенно зайти к нему на днях с Анатолием.

Вторая моя лекция прошла получше. Не буду себя переоценивать, но твердую четверку поставлю. Студенты были поспокойнее, может быть послеобеденное умиротворение действовало. Я и сам немного расслабился, хотя конечно, отпустить полностью вчерашний свой опыт не смог.

Потом снова бродил я по коридорам, долго стоял у книжного ларька в вестибюле, якобы изучая выставленные книги. Только под вечер вернулся я в преподавательскую, где за чаем обнаружил на столе свежие распечатки результатов от Анатолия. Когда часовая стрелка подступила к пяти, я запихал ворох бумаг в сумку, с намерением разобрать их дома, подхватил верхнюю одежду и поспешил на выход.

В пять, как и было условлено, я стоял в фойе нашего седьмого университетского здания. Вокруг меня кипела жизнь вечернего университета: подходили на занятия вечерники, сновала молодежь с дневного отделения, уходили с работы преподаватели.

Я стоял у массивной квадратной колонны университетского вестибюля и размышлял о том, что должно быть выгляжу очень глупо вот так, посреди залы с пальто, перекинутым через руку и двумя саквояжами – одним, моим собственным, другим – коричневым мятым портфелем Никанор Никанорыча.

Медленно текли минуты. Я взглянул на часы – было двадцать минут шестого. Никанор Никанорыча не было и в помине. Как там он выразился в записке: «Даю зарок и клятвенно обещаю...» Ну и где он теперь, вместе со своим зарокотом?

Я подождал еще десять минут. Поодаль, с обратной стороны колонны беседовали две немолодые женщины. Они стояли ко мне спиной, в длинных стеганных куртках и платках, повязанных на плечи и не мог я разобрать, то ли это возрастные студентки вечернего отделения, иногда приносило к нам на доквалификацию совсем уже зрелых студентов; то ли какие-то наши сотрудницы, вахтерского или уборщицкого дела. Со спины и по стати, по крайней мере, они хорошо подходили на такую роль.

Внимание они мое привлекли случайно. Так уж устроена человеческая натура, если ты стоишь, ничем конкретным не занят, а рядом разговаривают полусшепотом, начинаешь поневоле прислушиваться. Не знаю, как объясняют это психологи. Я отвернулся, чтобы произвольно подслушать не мне предназначенные сплетни.

– Сама машина саданула вбок и прямо в светофор! Вот и не верь потом в глаза да нечистую силу. Студент-то, водитель, все повторял, что ума не приложит, как он в аварию попал.

– Пьяница! – с непонятной злостью отозвалась собеседница.

– Да не-ет. Милиционеры его потом и так и эдак проверяли. И в трубку дышал, и по линии ходил. А на машину еще и светофор обвалился, студент чуть вылезти успел.

– Врешь! – не очень убедительно сказала та.

– Ей богу. Говорю же – одно к другому, порчу навели.

– Чертовщина!

Я покачал головой. Любят люди посплетничать и погородить нелепых теорий.

– Борис Петрович, – услышал я.

Я встрепенулся. «Неужели?» – промелькнуло в голове. Голос, однако принадлежал явно не Никанор Никанорычу. Женским был голос. Девичьим, если уж быть совсем точным. Я нервно обернулся.

– Здравствуйте, Борис Петрович, – ко мне, укутанная в короткий полушубок, подходила девушка.

– Здравствуйте, – неуверенно ответил я.

Одета она была по зимнему, с шарфом и такой-же голубой вязанной шапкой, и я не узнал ее.

– Я – Маша Шагина, ваша студентка.

Выражение моего лица все еще не выражало понимания, что та самая это Маша Шагина, с аккуратной своей курсовой работой, поэтому девушка постаралась добавить к своему представлению некоторых дополнительных вех.

– Вы нам лекции читали в прошлом семестре по «автоматам», а в этом ведете курсовой проект. Я вам приносила план три недели назад и вы меня хвалили.

У Маши на щеках при этом проступил румянец. Топили у нас зимой прилично, в фойе было тепло, а одета она была уже по-уличному. Мина моя сделалась обычной физиономией усталого, чуть снисходительного преподавателя. Может быть малость раздраженного тем, что встретил я совсем не того, кого ждал.

– Да, да, конечно Мария. Я вас отлично помню.

– Извините, я бы не стала вас беспокоить, но вчера в фойе университета произошел случай, который меня коснулся. То есть не просто коснулся, а задел, как бы это сказать...

– Говорите прямо, – бесстрастно сказал я.

Знаете, ведь к Маше я относился крайне положительно. Даже выделял ее среди студентов по ряду критериев. Но в этот конкретный момент почему-то никак я не был расположен вести с нею разговор. Да и вообще ни с кем. Поэтому и бегал весь день по коридорам, избегая общения на кафедре. В случае же с Машей, студенткой, у меня включился вдруг режим «язвительного преподавателя».

Она как будто это почувствовала и еще больше смутилась.

– Я про мужчину, который вчера вместе с вами был в фойе. Я его не знаю, но он сказал кое-что важное... то есть личное для меня.

Я сразу же вспомнил эту историю. «Машенька» и «Оленька». Студенты, которых Никанор Никанорыч удивил своей осведомленностью о тонкостях совместного проживания в общежитии.

– Я бы хотела поговорить с тем человеком, – продолжала Маша. – Хотя он и сказал тогда все верно, не ошибся, я не могу понять, как он узнал об этом?

Эх, Машенька, Машенька, усмехнулся я про себя. Откуда Никанор Никанорыч знал об этом да и обо всем другом? Знай я ответ на этот вопрос, стоял бы я что ли сейчас здесь, подпирая колонну вечернего вестибюля и подслушивая разговоры сплетниц? Откуда Никанор Никанорыч знает про Машеньку, про мою научную работу и про мой рабочий-нерабочий понедельник? В конце концов, про Бильгамешу, лугаля-жреца Мардука в древнем городе Вавилоне? Откуда он знает? Кто он, Никанор Никанорыч и... Тут меня осенило. Перед глазами снова промелькнула сцена в которой замахивается Шаммурамат и вот уже летит кинжал с навершием в виде головы быка с ухмылкой Балугу. Да да. Так назвал Бильгамешу своего собеседника в саду. Балугу. Эта ухмылка, насмешливая, снисходительная, страдательная. Теперь я уже не сомневался, что Никанор Никанорыч и Балугу – одно лицо. Человеческое или нет, но одно!

Все короткое время моих умозаключений, Маша разглядывала меня с некоторой опаской. Лицо мое очевидно не было бесстрашной маской, не умел я скрыть охвативших меня чувств. При этом, как в любой момент нервного озарения, мозг мой заработал с безжалостной скоростью и точностью.

– А вам-то что с того, Мария? – ни с того ни с сего спросил я.

– Простите? – не поняла девушка.

– Ну узнаете вы, откуда знал он о ваших с Ольгой делах, и что? Изменит разве это что-нибудь?

Она замешкалась, недоуменно хлопая ресницами.

– Не знаю, но... – попыталась ответить она, но я не дал.

– Вот и именно, что не знаете, – возгласил я. – Не знаете, не понимаете, а вопросы задаете, которые в действительности может вас совсем и не касаются. Отправляйтесь-ка вы, Мария, в свое общежитие, курсовиком займитесь да поразмышляйте.

Природа моего тогдашнего срыва на Машу Шагину осталась для меня загадкой. Анализируя свое поведение, я понимаю, что ничего не было ни в словах ее, ни в манерах, что могло бы объяснить мой на нее выпад. Более того, откуда вообще мог я знать про общежитие, в которое стгоряча ее послал? Впрочем, теперь я думаю, что это даже к лучшему, что в общежитие, а не в другое какое место.

Ну а в тот момент, я демонстративно отвернулся от опешившей девушки, дополнив таким образом выразительнейшую картину моего к ней отношения. И вот стою я, спиной к Марии, и волна глупого гнева сходит, отпускает меня. Вот уже я судорожно размышляю о том, что со мной происходит. Поведение мое было не просто нахальным и грубым, оно было посторонним мне. Так запросто нахамить незнакомому доброжелательному человеку. Даже не могу припомнить, чтобы подобное случалось со мной раньше. Ведь я же вовсе не хам и не язва. Скорее наоборот. Искренне уважаю я людей, всех людей, без исключения, несмотря на то, что порой творится их, нашими руками, гнусть и грязь. Я уважаю людей, в противном случае, не мог бы работать преподавателем. Как же пал я так низко, сорвавшись на девушку, единственным проступком которой было обращение с вопросом к учителю?

Стоял я так, спиной к Марии, не поднимая глаз, чувствуя стыд и острейшую необходимость извиниться. Обернуться и извиниться, твердил я себе, обернуться и извиниться, немедленно.

Я повернулся, но, к своему изумлению, обнаружил перед собой не Марию Шагину, а Никанор Никанорыча, прежнего, бодрого, в мятом пальто и огромной серой шляпе с полями на манер американских гангстеров тридцатых годов.

– Здравствуйте, любезный мой Борис Петрович! – горячо воскликнул он.

Он ухватил мою укрытую пальто руку и принялся трясти ее.

– Давненько не виделись.

Я все еще находился под впечатлением разговора с Машей Шагиной, поэтому растерянно спросил:

– А где Маша?

Лицо Никанор Никанорыча сразу же сделалось печальным.

– Нехорошо получилось, Борис Петрович. Ой, нехорошо. Девушка-то перед вами не в чем не виновата. Не причем Машенька-то к вашим неудовольствиям.

Я, наконец, осознал, что передо мною стоит непосредственно предмет моего ожидания. Неуловимый Никанор Никанорыч, собственной персоной. Именно по его, Никанор Никанорыча, прихоти, я торчал здесь, в опустевшем вестибюле и уж конечно благодаря ему сорвался на ни в чем неповинную Машу Шагину.

– Бильгамешу! – громко сказал я, как пароль.

Никанор Никанорыч мгновенно посерьезнел и недовольно огляделся по сторонам, будто кому-то было дело до меня и него в огромной шляпе.

– Что ж вы, Борис Петрович, минимальных секретностей не соблюдаете, – нахмурившись, шепотом затараторил он. – Не ровен час уши нас какие слушают? Сообщают куда не требуется, а?

Это его «а?», меня допекло окончательно.

– Перестаньте ломать комедию, Никанор Никанорыч! – воскликнул я так, что шарахнулись стоявшие за углом женщины в платках. – Никаким ушам до нас с вами нет дела. А что до упомянутых вами секретностей, так вы настолько рьяно их соблюдаете, что до сегодняшнего дня я даже не понял вашего ко мне дела!

Я оторвал преисполненный праведного гнева взор от замеревшего Никанор Никанорыча и обнаружил что все, кто находился вокруг, тарашатся на меня. Нет, не тарашатся, а скорее испуганно косятся. В количестве двух упомянутых женщин и еще двух идущих мимо студентов.

– Прошу прощения, – сказал я всем сразу.

После этого я сунул коричневый портфель в руки Никанору Никанорычу и припустил к выходу. Чертыхнувшись при протискивании через турникет, я настеж распахнул стеклянные входные двери в металлической раме и выскочил на крытую террасу университетского крыльца и, дальше, сбежал с него на широкий тротуар с парковкой.

На улице шел снег. Кипел жизнью вечерний город: шли люди, скрежетали резиной по обледенелой дороге автомобили. Я не замечал даже, что стою раздетый, с пальто наперевес. Я поворачивал голову, смотрел во все стороны пристально, пытаюсь увидеть силуэт девушки в полушубке и голубой шерстяной шапке. Нет, никаких следов.

– Убежала, Борис Петрович. Расстроилась, – сзади подошел Никанор Никанорыч.

Мне, почему-то не хотелось говорить с ним о Маше.

– Можем мы вернуться к тому с чего начали? – прямо спросил я.

– Точно так, Борис Петрович. Не только можем, но и должно. Но не найти ли нам место поудобнее? Мерзнуть – оно ведь никому не на пользу.

В предыдущий раз, почти сразу после этих слов, Никанор Никанорыч испарился. Я прищурился и отрицательно покачал головой.

– Ну уж нет. Прямо здесь! – я развернул пальто и прямо на тротуаре оделся. Достал из рукава шапку с шарфом. На пиджаке придавленные толщей пальто таяли снежинки.

Никанор Никанорыч вздернул плечами.

– Здесь, так здесь. Сие, Борис Петрович, важности не представляет. Картина-то частично уже набросана. Требуется лишь отстраниться от непосредственно масляных мазков и разглядеть, так сказать, произведение целиком.

– Бросьте вы, пожалуйста, вашу болтологию, – ответил я всплеснув рукой. – ничего конкретного – одни иносказания. Одного не пойму: на кой черт я вам дался? Уж кому-кому, а вам, по моему разумению, никто не нужен. Вы настолько самодостаточны, что какой-то там Борис Петрович Чебышев, старший преподаватель, ну никаким боком в вашу компанию. Я ваших товарищей видел только мельком, но и этого хватило, чтобы понять, что чудачествуют они не меньше вашего. Я-то вам на кой?

Теперь пришла очередь Никанор Никанорыч всплескивать руками.

– Любезный Борис Петрович. Отчего же неприятие у вас такое возникло? Обидел я вас чем-то? Извольте объясниться.

– А сами вы не догадываетесь? – воскликнул я. – Появляетесь, исчезаете, показываете что-то, подкидываете пищу для размышлений, снова пропадаете. По-вашему ничего здесь необычного нет? По-вашему так все должно и быть?

– Погодите, Борис Петрович. Ни в коей мере не желая поломать ваше представление о том, как чему быть, я, однако, позволю себе заметить, что быть-то ведь может по-всякому. Потому последнее ваше обвинение, суть, беспочвенно. А что касается неведения, так ведь для того и нужна пища для размышлений, недогадливый мой Борис Петрович.

Говорил все это Никанор Никанорыч прежним скрипучим голосом, чем навлек на себя еще большее мое негодование.

– И про Вавилон? – спросил я, – Про Вавилон – тоже к размышлению? Про Бильгамешу, про зиккурат и про вас тамошнего, Балу зовущимся.

К моему окончательному замешательству, Никанор Никанорыч расплылся в сердечной улыбке. Он победоносно помахал перед моим носом указательным пальцем.

– Во-от! Заметил! Недаром, что кандидат наук, Борис Петрович, недаром. А говорил: неведения, иносказания. Ох уж эти ученые. Предупреждал ведь меня, этот... м-м... как его... ну да ладно: смысленный, ученые, народ. Трения, сопротивления и вероятности – не какие вам там нибудь! Ох уже эти мне Омы, Больцманы да Кирхгоффы! Ох уж эти мне Боры да Ньютоны!

С полным безразличием слушал я Никанор Никанорыча, вплетающего в свои бессмысленные, бесконечные речи кого угодно, лишь бы уйти от ответа.

– Прощайте, Никанор Никанорыч! Встреча эта наша с вами безрезультатна, как и все, впрочем, предыдущие. Ничего у нас с вами не получится, ибо вы, очевидно, упрямо не хотите ничего мне объяснить. Прощайте.

Я повернулся и зашагал по мокрой дороге прочь.

Честно сказать, у меня была слабая надежда, что Никанор Никанорыч засеменит следом, догонит меня, попытается невнятно объясниться, но вот закончилось длинное здание университета, дорожные столбы по обе стороны проспекта разменяли второй десяток, а я все шел, погруженный в танец кружащихся снежинок.

Шел я долго и обернулся только когда дошел до своей автобусной остановки. Тротуар, убегающий черной блестящей лентой назад, к университету была пуст. Вокруг столбов клубились рои белых мух. На остановке толпилось человек десять ожидающих.

Вот и все, пора ехать домой, подумал я. Послышалось тяжелое фырчание подъезжающего автобуса. А как же вся эта история, вся эта цепь бессвязных, нелепых ситуаций? Я вспомнил Бильгамешу. Чем-то он, мучающийся сомнениями напомнил мне меня размышляющего о том, чего не понимаю. Но ведь хочу. Очень хочу.

– Эх, Борис Петрович, – услышал я знакомый скрипучий голос с нотками сожаления. – Не знаю, право, чем помочь вам можно.

Я замер, весь превратившись в слух.

– Прошу, не судите меня строго, – продолжал Никанор Никанорыч. – Равно как не ваша вина в том, что не понимаете, так и не моя, что ухожу от ответа. Все, что мною делается, оно предписано. За тем и требуются иносказания да примеры, что самому до всего дойти вам положено.

Щелкнул дверной механизм и распахнулись створчатые двери автобуса. До меня долетел пронзительный голос кондуктора:

– Не забываем покупать билетки!

Я обернулся, чтобы увидеть Никанор Никанорыча, но увидел лишь перекресток с облаками фонарных столбов. Вздохнув, я полез в автобус.

Глава 6. Азар

В этом месте сделаю я короткое лирическое отступление. Как читатель мог уже заметить, я стараюсь не усложнять структуры произведения, не расщепляю его иерархически на тома, книги, части и главы. Рукопись видится мне цельной, посвященной одному сюжету, хотя порой и сложно переплетаемому с биографическими и историческими вставками. Потому ничего понятнее простого разделения на нумерованные главы придумать я не сумел. Для пушшего упрощения, я придал главам названия, чтобы совсем уж просто было читающему понимать, в какой части повествования он теперь находится, с которыми из многочисленных героев имеет дело. Это однако вовсе не означает, что история моя не имеет внутренних вех и отсечек. Более того, сама композиция изложения была выбрана спиралевидной, чтобы погружение в историю происходило постепенно, все глубже и глубже по циклическим итерациям.

Почему этот автор регулярно пытается поговорить со мной и объясниться, спросит пылкий книголюб. Тут, – отвечу я ему, – две причины. Во-первых, время от времени, вижу я необходимым несколько сбить накал сюжета, вынырнуть из цепких его глубин и обратиться к читателю напрямую. Считать это предлагаю некоторой авторской особенностью. Во-вторых, ввиду особенной моей скачкообразной манеры, предвижу я замешательство, непонимание, с которым столкнется упорный исследователь моего сюжета. Собираюсь я таким образом периодически протягивать ему руку помощи, давать пояснения и подсказку. Вот вам и пример: в этой самой главе начинаю я новый виток сюжетной спирали, в которой обнаружатся примененные ранее приемы: новые встречи, следующая часть моего, Борис Петровича Чебышева, жизнеописания, ну и конечно научная деятельность, вокруг которой закружилась, подобно воронке вихря, цепь излагаемых событий.

Возвращаясь к изложению, скажу, что несмотря на волюнтаристское расставание с Никанор Никанорычем, вовсе я не выбросил из головы сон о Вавилоне, а, напротив, заинтересовался и захотел поглубже исследовать историческую эту тему. Было однако кое-что, терзавшее меня едва ли не сильнее гнетущей вавилонской истории. Не давал мне покоя эпизод расставания с Марией Шагиной в вестибюле седьмого университетского корпуса.

Первое, что сделал я утром следующего дня, это выяснил расписание группы четверокурсников, в которой училась Шагина. Я дождался занятий ее в седьмом здании, и, когда группа стояла уже в коридоре, ожидая преподавателя, подошел и попросил Марию на короткий разговор. Одногруппники ее, ясное дело, немедленно принялись на меня глазеть, отчего решительность моя сменилась стеснением.

Маша была немного смущена, но к величайшему моему удовлетворению не была ни обижена, ни напугана. Я сбивчато попросил у нее прощения за вчерашнее, сославшись на сложности последних рабочих дней с исследовательской моей разработкой.

Оказалось, Маша знала и интересовалась темой моей научной работы. Почувствовал я некоторую даже гордость, потому что направление в науке «квантовые нейронные сети» не относилось исключительно ни к технической, ни к математической категории. Хотя и шла речь о важной инженерной разработке, в действительности искусственные нейронные сети, как добросовестный паук, висели на пересечении множества нитей-наук, основываясь на них и дополняя. Мария задавала вопросы именно по этим, смежным свойствам моей работы.

Про Никанор Никанорыча я рассказал ей почти правду. Что гражданина этого знаю я поверхностно, знакомство наше шапочное и что, по-моему разумению, трудится он на чиновничье-администраторском поприще сферы образования, вероятно поэтому и осведомлен очень об общежитских и прочих снабженческо-складских делах. Не мог я сказать, когда увижу его в следующий раз, так как всегда это происходило по его инициативе. В продолжение чиновничьей темы, рассказал я Марии о планах посещения нашей кафедры высокой комис-

сией, которой буду вскорости докладывать я о квантовых нейронных сетях. Чиновники эти, от науки далекие, не упускают возможности показать, насколько важен росчерк их пера во всех принимаемых университетом решениях.

Главным своим долгом я считал извиниться перед Машей, но завязавшийся диалог сам собою перешагнул границы этой обязанности. В разговоре с неглупой открытой студенткой я будто бы избавился частично от груза последних дней, глотнул свежего воздуха. А потом дверь в аудиторию отворилась и вечно-опаздывающий Василий Сергеевич Голова, профессор с кафедры «Вычислительных систем», с областью вокруг кармана брюк вечно измазанной мелом, который он забываясь совал вместе с рукою в карман, отрывисто позвал студентов на лекцию.

Отчасти успокоенный, я отправился на кафедру, чтобы прибегнуть к испытанному своему средству выкарабкивания из эмоциональных ям. Суть его проста – работа. Как ничто другое настраивает она на обыкновенный, рутинный лад, абстрагирует от навязчивых мыслей. Так произошло и теперь. Как ни велико было мое потрясение от обрушившегося на меня вала плохо-постижимых событий, как ни снедали меня во множестве вопросы, но вокруг суетились студенты, Анатолий исправно готовил результаты вычислений, кипела жизнь, а от меня как минимум требовалось быть ее частью.

Следующие три дня прошли ровно и относительно результативно. Мы с Толей, хорошо поработали над математическим аппаратом, в выходные я набросал несколько дополнительных тестов для нашего стенда, чтобы определить, какой из методов отсечения минимальных вероятностей даст наилучшие результаты. Изначально, конечно, в приоритете было распределение Гаусса, которое при правильно подобранной границе вероятности, отбрасывает все лишнее. Но в первых итерациях мы вместе с низковоероятными состояниями отбросили кучу тех, которые имели тенденцию вырасти на дальнейших шагах вычисления. И эту самую тенденцию я никак не мог пока предсказать и рассчитать.

Параллельно в голове моей зрела маленькая революция. Я решил предпринять некоторые самостоятельные усилия по поиску Никанор Никанорыча, более не желая покорно уповать на его стохастически распределенную манеру объявляться. Теперь у меня была зацепка – Балу. Имя из сна о Бильгамешу. При его произнесении, я вспоминал лишь «Маугли» Киплинга, поэтому в понедельник вечером я отправился с кафедры не домой, а в учебное здание номер три, в котором во-первых размещались общеобразовательные кафедры «Истории» и «Философии», интересовавшие меня в меньшей степени, а, во-вторых, располагалась университетская библиотека. Библиотеки присутствовали в каждом учебном здании, но в третьем была профильная, на тему истории и философии. В ней я надеялся отыскать информацию о героях своего видения в каком-нибудь в меру подробном историческом справочнике.

Вечер выдался спокойный. Погода стояла ясная и я шел под скальзываясь на утопанных дорожках, размышляя одновременно о жизненном цикле квантовой вероятности и этимологии имени Балу. Я по-прежнему не принял для себя окончательного решения в отношении реальности моего сна о Вавилоне. Для меня тот опыт был совершенно реальным, осязаемым, в нем не было ни грамма от обыкновенной затуманенности и изменчивости сновидения. Я помнил отчетливо каждый шаг и даже чувства, страсти, преодолевающие Бильгамешу. Таких подробностей не умеет передать даже современное кино. При этом Балу запомнился мне вовсе не рядовым человеком из окружения Бильгамешу. Если здесь Никанор Никанорыч представлялся таким заурядным чиновничком, с залысиной, выпивающим; то там, насколько уловил я противоречивые страхи Бильгамешу, отношение к Балу было благоговейным. В его честь был возведен храм, он почитался, да и ощущался настоящим божеством.

Так я размышлял пока топал до третьего университетского корпуса. Высокое пятиэтажное здание располагалось буквой П, с длиннющей перекладиной и короткими ножками, занимающая чуть не целый квартал. Оно было старым, сталинской строительной школы и веяло от

него некоторой советской обветшалостью, время как-бы застыло здесь. Помимо упомянутых кафедр «Истории» и «Философии», здесь находились старейшие вузовские кафедры – моторостроительные и аэродинамические.

Я показал вахтеру пропуск преподавателя, сдал пальто в гардероб и прошел через коридор к лестнице. За несколько лет, что я не бывал в третьем корпусе, тут не изменилось ничего, даже пожилой вахтер был тем же самым.

Библиотека с читальным залом встретила меня тишиной и малолюдьем. Я постоял с минуту наслаждаясь почти осязаемыми тишиной и спокойствием.

Пожилая библиотекарша в вязанной шерстяной кофте и толстых очках навскидку предложила мне пару книг по истории Древней Месопотамии, мифологический словарь и отправила рыться в картотеку, которая представляла собой деревянный комод с десятками квадратных ящичков с вывешенными алфавитными указателями на каждом. Из этой кладези, я выудил еще пару томов, после чего очень довольный удалился со стопкой книг за крайний угловой стол просторного читального зала и углубился в чтение.

К моему удивлению, информация об имени Балу отыскалась очень быстро. Гораздо быстрее чем я ожидал и это меня несколько даже оглушило. До того момента всякие мои попытки выяснить что-либо о Никанор Никанорыче оканчивались ничем. Я, правда, и взялся-то за него как следует только что. Итак, Балу.

Радость сменилась разочарованием через четверть часа. Балу, Баал, Ваал, Баал-Хаддад, Баал-Зебуб, Веельзевул, Вельзевул, Велиар. Я штудировал все производные от Балу, любезно предоставленные мне справочником и не находил ничего, отличного от «культ, имевший распространение...», «один из божеств хтонической традиции...» и так далее в том же духе. Имеет упоминание у греков, аккадов, семитов, финикийцев, сирийцев, египтян. Я начал сбиваться со счета. Разве за этим я пришел?

По правде сказать я сам не знал, что искал. Реально ли отыскать в исторических справочниках лицо, жившее в каком-то там тысячелетии до новой эры? Лицо, потенциально здравствующее по сей день и ничуть не страдающее от собственной древности, а, напротив, потешающейся надо всем окружающим изменяющимся миром. Не говоря уж о том, что само присутствие этого лица в древности тоже было под большим вопросом. В конце концов, я видел всего лишь очень реалистичный сон.

Я обратился к имени Бильгамешу. Тут было побольше информации, все ж таки Гильгамеш стал нарицательным именем и героем целого шумеро-аккадского эпоса. Но официальная история никак не связывала его с Вавилоном, а помещала в древний город Урук и в итоге опять уходила в мифологию и его разногласия с богами. Никакой связи с Балу. Почертыхавшись еще какое-то время с «...нарицательным обозначением некоторых богов, свойственным многим народам...» я собрал тома аккуратной стопкой и понес сдавать. Ничего из моей попытки не вышло. Как был, так я и остался у разбитого корыта. Разве только убедился, что где-то там, в древней Месопотамии мелькали эти имена, и даже приблизительно в одно и то же время.

Время было уже позднее, близился час закрытия читального зала. У стола библиотекарши собралась очередь на сдачу книг и мне пришлось в нее встать. Почти сразу же за мной встал высокий тощий обритый наголо мужчина, лет пятидесяти, сдававший судя по всему тонкую книжицу, которую он небрежно вертел в длинных узловатых пальцах.

Я сначала не обратил на него внимания, пока не заметил, что он пристально изучает один из моих томов. Библиотекарша куда-то запропастилась. Я подождал немного, предполагая, что худой незнакомец обратится, но он продолжал вертя головой таращиться на книгу, поэтому я спросил сам:

– Простите, что вас так заинтересовало?

Он вздрогнул, пронзительно посмотрел на меня и губы его при этом растянулись в крикую извинительную улыбку:

– Да нет, ничего.

У него был приятный, низкий, с шероховатостью голос.

– Меня исключительно заинтриговали книги, которые вы сдаете. Нечасто увидишь людей вашей специальности, интересующихся мифологией.

Я не успел еще сообразить о том, откуда он знает о моей специальности, а он уже исправился:

– Племянник одного моего... не соврать бы... клиента, о! учится в нашем университете. Вы читали свои то ли «Автоматы», то ли «Операционные системы» его потоку. Он ткнул мне на вас пальцем в фойе седьмого корпуса.

Я еще раз повнимательнее пригляделся к нему. Вытянутое бритое лицо с резкими чертами и почти прозрачными серыми глазами. Я обратил внимание на его лысину, особенную, без неровностей и проплешин – чистая блестящая голова.

– По-вашему, образцовый инженер должен интересоваться только математикой, физикой и программированием? – пошутил я, продолжая его разглядывать.

Тесноватый ему черный костюм, без галстука, ворот рубашки расстегнут.

– О, нет нет, – незнакомец добродушно улыбнулся, – Однако многих ли вы знаете своих коллег, занимающихся тем же чем вы сейчас?

Я признаться и сам плохо подпадал в категорию «занимающихся чем-то необычным» людей. Не будь Никанор Никанорыча, не полез бы я в эту область знаний.

– А вы с какой кафедры? – с его слов я понял, что он наш, университетский.

– Я?.. – он как будто задумался, – Философия. Как-то мне, признаться, ближе философия и история, чем м-м... физика.

Я почувствовал в его тоне намек на снисходительное отношение к физике.

– Не любите физику?

Он поднял на меня острые глаза.

– Отчего же не люблю. Не люблю я опаздывающих библиотекарей, – он сделал ударение на слове «библиотекарей». – А о физике я сказал бы – не вижу в ней надобности.

Такого мне слышать еще не приходилось. Я только что рот не раскрыл. Не видит надобности в физике!

– Простите, я не знаю вашего имени-отчества... – начал было оппонировать я.

– Азар. Величайте меня Азаром. Кроме физики я также не вижу надобности в отчествах, – и он широколице улыбнулся.

– Фамилии, стало быть, вы приемлете?.. – осведомился я.

Я много раз слышал, что философы – люди весьма своеобразные, однако Азар явно был самородком даже среди них.

– Это знаете ли, превосходная история, – увлеченно заговорил Азар, – Потому что исторически фамилии, или клановые имена, как раз и пришли на замену патронимам-отчествам. Таким образом необходимость в отчествах отпала точно так же как в соответствии с замечательной теорией эволюции у ряда хордовых пропала необходимость в хвосте. Атавизм чистой воды. И только замечательный наш человек, в силу того, что помимо эволюции отягощен еще и культурологической памятью: историей, традициями и прочим маловостребованным багажом, предпочитает и по сей день таскать патроним за собой. Да еще и со всеми известными довесками ото всякого народа – «мак» у шотландцев, «ибн» и «бинт» у арабов, «бин» и «бар» у семитов и так далее. Ну а в современном обществе, здесь, в России, отчества взвалили на себя еще и статусную составляющую. Начальство, преподавателя, врача негоже называть по имени, это хотя и не называют оскорблением, но вешают ярлык фамильярности.

Скажу, что Азара, с его поставленным низким голосом, слушать было одно удовольствие.

– К чему человек должен прийти, руководствуясь он чистой логикой? – продолжал он, – Пришла фамилия – прощай отчество. Ведь идентификационную роль, как важнейшую пер-

вопричину возникновения всех этих довесков к имени, фамилия исполняет отлично. Развелось, понимаешь, люду, не обойтись стало одним только именем. Поточнее идентифицировать индивида требуется. Первый ответ цивилизации какой? Родитель, отчество! Ах, недостаточно? Получите фамилию, а отчество – на свалку истории. От фамилии-то, положим, никуда не деться. Как ни крути, служит она первейшим средством государственного учета. А куда ж государство без учета? К тому же фамилии настолько неотъемлемо втесались в человеческие жизни, что люди сегодня попросту не мнят себя без них. Без фамилий, конечно, не без жизней, – он фыркнул.

Весьма аргументированная точка зрения, хотя и причудливо изложенная, подумал я. Библиотекарьша, исчезнувшая среди многочисленных, высоких, под потолок, стеллажей с книгами, не появлялась.

– Возвращаясь к физике, – продолжил я, – как же, с вашей точки зрения описывается материя и пространство, если без нее?

– Помилуйте, ну неужели сами вы считаете, что описываются они всеми этими заковеристыми формулами и теориями, сменяющими друг друга как времена года, – ответил он.

– А как же тогда научно-технический прогресс? – не унимался я, – который, без знания законов физики, невозможен? Исследуя всякий материальный процесс, необходимо знать законы, которым он подчинен...

– Подчинен? Подчинен, вы сказали? – Азар состроил язвительную мину. – Ох и рассмешили вы меня, ох и потешили. Уж если кто кому и подчинен, так уж однозначно закон – исследуемому процессу, никак не наоборот и здесь никаких двух мнений быть не может.

Эта манера говорить, перескакивать, менять тему, была мне знакома. Совсем недавно слышал я подобные разглагольствования. В мою голову начали закрадываться подозрения.

– Ну да ладно, – прервал вдруг Азар сам себя. – Диспуты наши с вами бессмысленны, м-м.... Вы, кажется не представились.

– Борис Петрович Чебышев, старший преподаватель кафедры...

– Можете не утруждать себя подробностями. Так вот, Борис Петрович, спор наш глупейш, ибо не предполагает изменения точки зрения ни одной из сторон. Не вижу причин его продолжать.

Я не стал настаивать:

– Хорошо. Но для очереди занятие вполне себе подходящее, – сказал я.

Азар засмеялся, хрипло, какими-то рывками.

– Тут вы, несомненно, правы, – согласился он, – Однако очень важно правильно выбрать предмет спора, с тем, чтобы дискуссия не была в тягость, а напротив, несла в себе какую-никакую пользу. Лично для меня, к примеру, гораздо занятнее было бы обсудить предмет ваших поисков во всех этих тяжелых и несомненно очень толковых книгах.

Я вздохнул:

– К сожалению я не нашел того, что искал. Да и вряд ли найду.

Азар помахал своей книжицей так, словно ему было жарко.

– Немаловажным условием всякого успешного поиска является точное определение его объекта. Правильно ли выбран предмет поиска, вот вопрос.

Я только теперь обратил внимание на книжку в его руках. Тонкая, страниц на тридцать-пятьдесят, в мягкой блестящей обложке, броский рисунок на обложке – обыкновенная мишура, которой обвешивают современные издания, но название! Сказать что я был потрясен, означает ничего не сказать. «Вавилонское столпотворение – вымысел или реальность.» Я попросту подскочил на месте.

– Вы брали книгу здесь, в библиотеке? – несколько поспешно спросил я.

– Эту?

Он насупился и принялся разглядывать цветастую обложку своей книги так, словно увидел впервые.

– А вы сами как думаете, Борис Петрович? – спросил он меня не поднимая головы. – Считаете, что вряд ли библиотека высшего учебного заведения располагает подобного рода литературой?

Подозрения вспыхнули во мне с удвоенной силой. Не может быть, чтобы просто совпадение. Не может быть, чтобы случайно. Не просто так здесь Азар этот.

У меня кровь прилила к лицу.

– Вы от Никанор Никанорыча? – прямо спросил я.

Азар оторвался от книжки и поднял указательный палец.

– Ни в коем случае. Вообще, подобная формулировка меня обижает, если не сказать принижает. Отчего же это я должен вдруг быть от Никанор Никанорыча? Почему не наоборот, скажем, не он от меня?

Он укорительно покачал головой и философски, с какой-то печальной иронией, добавил:

– Все мы тут по своей причине. И уж конечно не причем здесь совершенно Никанор Никанорычи всякие или другие какие наши с вами знакомцы.

Я не ответил. Как партизан, перед лицом врага, вынашивающий хитрый замысел, либо наоборот, затаившийся, твердо решивший не выдавать секрета. Я был уже уверен, что Азар и Никанор Никанорыч – одного поля ягоды. Мне даже пришла в голову мысль: не Азар ли и есть тот самый, припозднившийся, в злополучный вечер на трамвайной остановке, товарищ Никанор Никанорыча, воспоминанием о котором остался только шипящий, словно бы стелящийся голос: «Ваши услуги потребуются позже.»

– По правде сказать, подобного рода дознания всегда меня утомляли, – сказал Азар, чуть наклоняясь ко мне, как бы скрытно. – Нету в них никакого действительного смысла, кроме расстрешивания и без того взбудораженного к концу трудового дня рассудка. Даже в таком заезженном деле, как следственный допрос, вы знаете, что говорит статистика? Что допрашивающий срывается, выдыхается гораздо раньше, чем допрашиваемый. Допрос, конечно, допросу рознь, но вот статистика говорит так.

Он вальяжно облокотился спиной и локтями на библиотечную стойку, отчего сравнялся со мной в росте. Тонкая книжица по интересующей меня теме, свернутая в трубку, торчала из кармана его пиджака.

– Вижу, вы расстроились. Я попытался бы угадать, от чего именно, ибо говаривают, что философ во мне сгубил замечательнейшего психолога, однако опасаясь, что мои рассуждения опечалят вас еще больше. Так что поскорее подскажите мне, Борис Петрович. Что вас огорчило помимо того, что мы застряли в очереди? Не самая плохая, отмечу, очередь. Гораздо приятнее она, чем скажем, очередь в столовую.

Азар говорил словно бы без остановки, однако умудрялся точно подмечать и увеличение очереди, и хлопанье двустворчатых дверей читального зала и мой косой взгляд на свернутую книжку в его кармане. Я терпеть не могу, когда подобным образом обращаются с печатной литературой.

– Очевидно, Борис Петрович, я несколько переборщил с напором. Приношу свои извинения, вы вполне вправе не желать ничего обсуждать, с неким, наглым образом приставшим к вам в библиотечной очереди, вольномыслящим философом. Однако, философ и психолог, сговорившись, сгубили во мне отличнейшего, мой друг, историка, а потому вам действительно могла бы пригодиться моя справка.

Ему, очевидно, доставлял удовольствие звук собственного голоса. Я встречал таких людей раньше. При защите докторской диссертации, к примеру, так вел себя один из слушателей, престарелый академик. Но в ту пору у меня был замечательный помощник, мой научный

руководитель, который сам будучи ученым с именем не стеснялся вежливо прерывать говорящего.

Из-за высоченного стеллажа с торчащими в разные стороны обтертыми обложками, появилась седая библиотечка в кофте. Без объяснений, деловито, словно не ее только что в течение пятнадцати минут дожидалась немалочисленная аудитория, она прошла к стойке, села на стул, после чего с некоторой нервностью, в которой читалось ее неудовольствие от собравшегося количества «книголюбов», обратилась к студенту, стоящему первым в очереди:

– Не будем задерживать очередь, молодой человек. Что вам угодно?

Но прежде чем молодой человек ответил на сей незатейливый вопрос, в разговор вступил, кто бы вы подумали, – Азар.

– А угодно нам, всемилостивейшая мадам, осведомиться, где же это вы изволили пребывать в то самое время, когда мы, простые, с позволения сказать, смертные, битые четверть часа толкаемся в очереди, пытаясь сдать признанную нами же абсолютно несостоятельной литературу.

Тирада Азара, как ни странно, подействовала куда больше на публику, собравшуюся в читальном зале, нежели, собственно, на ту, кому предназначалась, – на библиотекаря. Она подняла на него усталые глаза в очках, после чего негромко ответила:

– Все сдадутся, не переживайте.

Этот простой ответ неожиданно удовлетворил Азара, да настолько, что он понимающе кивнул и пошел прочь, к выходу, оставив тем самым свое выстрадавшее место в очереди.

Страсти, если они и были, улеглись в пять секунд. Библиотечка заработала оперативно, корешки с пометками запрыгали в ее опытных пальцах, очередь зашевелилась, задвигалась. При виде ее расторопной методичной работы и думать расхотелось о подозрениях моих. Может выдумал я себе все? Совпадения темы книжки – вещь случайная. Скорее всего она и послужила поводом к тому, чтобы Азар мною заинтересовался. Да и вообще, сам я завел с ним разговор. А Азар, необычное все-таки имя, вероятно, понял, что начал меня обременять своей персоной и решил, что разумнее будет сдать литературу в другой день, без очереди. Он ведь философ. Значит работает здесь, в третьем здании. Вполне себе разумное, несложное объяснение.

Подошла моя очередь и я тяжело хлопнул о стол стопкой своих томов. Библиотечка забрала мои книги, оперативно рассовала корешки в карманы обложек и вернула мой читательский билет. Я направился к выходу, почти уже убежденный, в справедливости вот такой, достаточно логичной версии. Не имеет, наверняка, Азар отношения к Никанор Никанорычу. Да ведь он, пожалуй, и не сказал ничего такого, что дало бы мне повод в этом усомниться.

– Простите, Борис Петрович, – прервал меня знакомый голос. – Не хочется пресекать ваши чуткие оправдательные умозаключения по моему поводу, поэтому сразу оговорюсь, дабы избежать в дальнейшем недоразумений. Я есть именно и абсолютно тот самый знакомец Никанор Никанорыча, которого не разглядели вы в замечательный октябрьский вечер на трамвайной остановке.

Азар стоял в дверном проеме читального зала тощий, возвышающийся надо мной чуть не на голову, с тонкой ухмылкой, просвечивающей сквозь речь и острым, неприятным взглядом. Он явился мне совсем в другом свете, отличном от того эксцентричного философа, которым он рекомендовался вначале.

– Ни в коем разе не сердитесь. Я не могу похвастать тем, что говорил вам исключительную правду, однако же и упрекнуть меня в откровенном введении вас в заблуждение нельзя. Говоря дипломатическим языком, кое о чем я умолчал.

Он лишь «умолчал». Этим же качеством примечателен был Никанор Никанорыч – говорить так, чтобы умолчать ровно суть. Я безмолвствовал, рассматривая Азара, пытаясь хотя бы

отдаленно предположить, что могло связывать меня с этими двумя – им и с Никанор Никанорычем, такими разными, но одновременно и необъяснимо схожими.

Азар тем временем, выждав паузу, моющуюся расцениваться как извинительную, если только вы не знаете Азара, как-то обыденно и просто сказал:

– Давайте уже покинем сей ничтожный чертог знания, и обсудим наконец вопрос, которым вы по настоящему интересуетесь и который собственно привел вас сюда.

Я почти не удивился, что Азару известна цель моего визита в библиотеку, как и настоящий предмет поиска. Это показалось мне даже забавным, что есть вот замечательные товарищи – Никанор Никанорыч и Азар. Ходят они по очереди ко мне, доносят мысли, разъясняют намеки и совпадения. По очереди ходят, не скопом. Порядок то есть некоторый наблюдается в этом хаосе потертых портфелей, Библий с фольговыми закладками и снов о вавилонской истории.

– Вечер сегодня намечается решительно хорошим, – говорил тем временем Азар. – Время позднее, а на улице уют и покой. Мороз, как говаривал Аспушкин, и солнце. Очевидно упустил любимейший ваш поэт куда более замечательную картину – мороз и полная луна.

Я по-прежнему стоял переминаясь у выхода из читального зала, замечая краем глаза, что загораживаем мы с Азаром выход из читального зала из-за моей нерешительности. Я двинулся вперед и Азар услужливо посторонился, пропуская меня. Я обратил внимание, что книжица по-прежнему торчала из бокового кармана его пиджака.

– Куда мы идем? – осведомился я.

Взгляд Азара сделался удивленным.

– Вы идете, Борис Петрович, вы и никто другой. Я лишь смиренно надеюсь проследовать с вами часть пути, дабы внести ясность в возникшие неурядицы.

Выйдя из читального зала, мы прошли по широкому коридору с фигурными плинтусами, спустились по лестнице и свернули в гардероб, где к моему удивлению среди бесчисленных металлических вешалок с номерками, на самом краю висели мое сине-серое пальто, рядом с длинным прямым черным пальто Азара. За это время мы не обменялись ни словом. Я молчал, чувствуя не то, чтобы неловкость, но словно находясь под гнетом. Азар же, недавно еще болтавший без умолку, тоже отчего-то насупился и следовал за мной безмолвной тенью.

Мы прошли мимо вахтера, читающего сквозь накатывающую дрему газету. Он, дряхлый дед, взглядом полнейшего безразличия скользнул по мне, потом по Азару и снова вернулся к газете. Я толкнул тяжелые трехметровой высоты двери и мы вышли в безветренный лунный вечер. Похолодало, воздух как бы застыл и эта морозная масса увесисто окатила меня по выходу из теплого университетского чрева. Безлюдная, тщательно выскобленный от снега территория перед входом была хорошо освещена и создавалась мнимая граница между «тут», перед зданием – от круглой площадки с бюстом академика до высокого палисада, и «там» – на границе университетских фонарей, где разбегалась в обе стороны пешеходная дорожка, мелькали редкие тени машин и темнели холодные голые деревья.

– Теперь, Борис Петрович, – прервал молчание Азар, – когда вы несколько пришли в себя и относитесь ко мне если и не со спокойствием, то хотя бы со смирением, пришло время поговорить.

Он возвел глаза к чистому, прозрачному небу.

– Вечер сегодня положительно хорош. Просветить вас, Борис Петрович, примечательностью сегодняшнего, непохожего-на-другие, вечера?

– Сделайте одолжение, – буркнул я.

Азар изобразил на лице умиление.

В отличие от меня, носящего зимнюю шерстяную шапку с отворотом, Азар носил шерстяное кепи, которые не прикрывало ушей, отчего они торчали в разные стороны чуть не ортогонально голым вискам.

– Не просите, не стану! Удовольствие портить не имею, если хотите, права. Сюрприз! Сами все узнаете, не позже чем через... сколько же?

Продолжая шарить лукавым взглядом по сторонам, Азар сунул правую руку под запах пальто. Оттуда он извлек пузатые карманные часы на цепочке и с небрежной важностью шелкнув миниатюрным замком, отворил циферблат и протянул их ко мне.

Часы показывали пятнадцать минут девятого.

– Ну что, убедились? – упрекнул меня Азар неизвестно в чем. – Замечательнейшее детское время, подходящее вполне чтобы пойти отужинать в какой-нибудь приличный ресторан, вместо того, чтобы абсолютеннейше по-мещански тшиться о том, как добраться до дому.

В выпуклом стекле часов, с латинской надписью на циферблате, отражались скачущие университетские фонари и необычайно четко желтое пятнистое блюдце луны.

Азар захлопнул крышку и спрятал часы под пальто. Я еще перед гардеробом отметил это его черное пальто. Вид оно имело отличный. Однобортное, идеального вороного цвета, плотной ткани с отложным воротником. Из того немногого, что я знал о пальто, ткань эта носила название лоден и подобный прямой, без наружных швов и карманов крой имел австрийские корни. Мечтал я тоже когда-нибудь завести себе такое пальто.

– И я немедленнейше пригласил бы вас оттрапезничать, Борис Петрович, – продолжал Азар, – если бы не обстоятельство, которое наряду с вашими благородными историческими исканиями, свело нас сегодня вместе. Обстоятельство это особенное и я не возьмусь даже пока предполагать, каков будет итог сегодняшнего вечера. Поэтому с ужином, в... да хоть в «Чайке»... – произнеся название известного ресторана Азар замялся, – собственно, не мой сей город, я и не претендую. С ужином придется повременить. Пойдемте.

Мы вышли на аллею, которую с одной стороны подпирал университетский палисад с крашенными кирпичными столбами и копьeverхими стальными секциями над цокольной плитой, а с другой припорошенная снегом полоса газона с липами с белыми крашенными стволами. Дорожка убегала далеко до самого перекрестка, где маячили разноцветные огни проезжей части.

Азар вежливым жестом предложил мне пройти. Я двинулся по аллее, тем более направление вело в том числе и к остановке моего автобуса. Внутренне при этом я уже смирился, что автобус, это вероятно совсем не то обстоятельство, которое уготовил для меня Азар. В этой ситуации, равно как и во всех предыдущих, связанных с Никанор Никанорычем, я был лишь ведомым.

Какое-то время мы шли бок о бок молча. Азар отнюдь не был менее разговорчив, чем Никанор Никанорыч, просто блистал он словоблудием как-то более направленно, точно, что ли. На этот раз разговор завел я.

– Вы упомянули, что вы не из нашего города?

– Дорогой мой, Борис Петрович, – немедленно ответил Азар. – Лично я считаю, что гораздо более короткого знакомства, чем наше с вами достаточно, чтобы определить, откуда человек родом. Возьмем, к примеру, вас. Я вижу в вас совершеннейший образчик жителя города N. Со всеми его достоинствами, недостатками, наивностями и дырами понятийно-ценностного аппарата. Говор местный, если хотите, акцент даже легкий у вас имеется. Посему признать меня местным невозможно ну совсем никак. А вот взяли бы вы угадать мое происхождение?

Я пожал плечами.

– Нет. Сказать по правде ваша привычка говорить и манеры, отличают вас от всех, с кем мне приходилось общаться. Поэтому отнести вас к какой-то конкретной местности или национальности я не могу.

– Умение маскироваться – одно из примечательнейших качеств современного человека. Я овладел им в совершенстве в Пруссии.

Насколько мне не изменяла память, на современной карте не было такой страны.

– Хотя – вру! – тут же поправился Азар, – Пруссия, Пруссия... Нет. Случилось это в одном далеком восточном государстве, настоящее название которого искажено переплетением языковых групп настолько, что не стоит о нем и говорить.

Он похоже счел свое рассуждение подходящим ответом, потому что снова замолчал.

– Вы много путешествовали в свое время? – опять, как бы невзначай, спросил я.

– Прескверный вопрос, Борис Петрович. Ну разве можно обращаться к кому бы то ни было формулируя вопрос таким образом? Что значит это ваше «в свое время», позвольте спросить? То есть сейчас уже не мое время, так что ли? Некрасиво, Борис Петрович. Иной бы оскорбился. Я, однако, понимая, что вы это не со зла, а исключительно по причине технического своего прошлого, отвечаю: да, ой как много! Так много, что ни в какой голове не уложится. Ни в вашей, ни в убеленной сединами, взлохмаченной голове любимого вашего Альберта Эйнштейна. Не без гордости могу добавить, что совсем немного найдется уголков на Земле, на которые не ступала бы моя нога.

Я вспомнил про словоохотливого Никанор Никанорыча и подумал, что тот ответил бы на этот вопрос точно так же. Много слов и крупница смысла. Разница между этими двумя была в том, что Никанор Никанорыч нарочно выставлял себя в некотором курьезном свете, Азар же напротив, был не прочь блеснуть знанием и погордиться собой.

Раз уж отказался Азар делиться со мной информацией относительно себя и нашей прогулки, то я подумал о том, что можно поиспользовать его хотя бы как историка:

– Может быть, пока мы идем «туда, не знаю куда», вы расскажете мне об «объекте моих поисков», о древнем Вавилоне? – спросил я.

Азар с хитрецей покосился на меня.

– Я пожалуй приподниму частично завесу. Идем мы повидать одну нашу с вами старую знакомую. Не очень-то для нее выдался вечерок. Бывали лучше, чего лукавить. Прескверный, прямо скажем, вечер. Вот посмотришь на эти тихие липы, на замечательную прибывающую луну и подумаешь, может ли быть чудеснее и покойнее настрой и положение? Но у нашей с вами знакомицы вечер не задался, такая вот относительность. Мы с вами конечно не оставим ее, несчастную в злополучный час. Не обделим, так сказать, драгоценнейшим нашим, а особенно вашим, вниманием.

Я ждал продолжения, но Азар замолк на несколько мгновений. После чего перескочил на другую тему.

– Однако вы совершенно правы, предлагая скрасить ожидание разговором о теме ничуть не менее трепещущей, хотя и старой, и многими позабытой: Вавилонское царство в древнем Двуречьи.

Такова уж была необъяснимая природа моих новых знакомцев, что говорили они только когда считали нужным, в остальное время лавинообразно сыпля историческими фактами, своими же афоризмами и прочей белибердой, словно смеясь над избирательной забывчивостью человеческой памяти.

Азар вдруг встал. Мы были на полпути к перекрестку, освещаемые только тусклым оконным светом с разных сторон аллеи – третьего здания моего университета и зданием медицинского университета с обратной стороны проезжей части. Наш университет выигрывал с отрывом по количеству горящих окон.

– Я предложу здесь остановиться ненадолго, Борис Петрович. По двум причинам. Во первых, если уж решили заговорить мы об исторических событиях, к которым я питаю профессиональную слабость, то делать это за ходьбой не очень удобно, а даже и вредно, ибо не позволяет в должной степени заострить внимание. Ведь точка зрения, которую вы услышите, будет отличной от той, к которой привыкли ортодоксальные историки. Ну а во-вторых, ввиду того, что надлежит нам стать свидетелями и участниками некоторых обстоятельств, которые

назвал бы я зауряднейшими, если б, Борис Петрович, не вы, то я считаю своим долгом взбодрить себя в предвкушении. А это ничто не сделает лучше, чем рюмочка замечательного французского коньяку из одноименного города.

Азар снова плутовски поглядел на меня, после чего приподнял свой дипломат... Я только сейчас обнаружил, что Азар в какой-то момент времени обзавелся этим удивительным и несколько устаревшим аксессуаром – дипломатом. Совершеннейше точно я был уверен, что от читального зала до фойе, никакого дипломата при Азаре не было. Да и после того, как облачились мы в верхнее, не припоминал я никакого дипломата. Вышли мы из университета, доставал Азар часы. Я не мог вспомнить, где же в это время была вторая его рука. Теперь же блестящий черный кейс, с гладкой костяной ручкой, словно бы непосредственно состоял в родстве с аккуратнейшим, худым Азаром и его длинным, до пят, пальто, такой же идеальной черноты.

– Дипломат, – произнес я мрачно. Наверное таким же тоном в средневековье читался аутодафе, приговор испанской инквизиции.

– Попрошу, Борис Петрович, не принимать близко к сердцу. Исключительно по необходимости используется сия принадлежность деловой части граждан. Не в кармане же прикажете коньяк носить, право слово.

Щелкнув хромированными замками, Азар отворил дипломат ровно настолько, чтобы невозможно было увидеть что в нем и снова каверзно глянул на меня. Сунувшись в пугающую тьмой щель, он извлек оттуда тонкую, продолговатую бутылку без этикетки и две миниатюрные металлические рюмки на тонких ножках, ловко удерживая все это одной рукой.

– Не поверите, если скажу какого года выдержки коньяк, – ухмыльнулся Азар.

Бутылка была почата, около трети содержимого отсутствовало. Пробка была вклинена наполовину, показывая как бы, что бутылку пользовались, судя по всему, совсем недавно.

– Древен, собака, древен, как мир, – продолжал он, – О Франциске Первом Валуа слыхивали? Земляки, с коньячком-то, между прочим. И почти что ровесники.

Каким-то непостижимым образом, Азар умудрился захлопнуть дипломат и ровненько уложить его на растопыренной левой ладони, образовав таким образом прямоугольную столешницу. Все остальные манипуляции ловко и гибко проделывал он правой рукой, демонстрируя чудеса эквилибристики. Он быстро и умело раскидал рюмки по разные стороны «столика». Я обратил внимание на то, что обит дипломат был материалом на подобие мягкой кожи, как бы приглушающим звуки и одновременно препятствующий скольжению. Сферические основания миниатюрных кубков словно вросли в черную поверхность. Бросив прежний глумливый взгляд на меня, Азар аккуратно взял пробку зубами, потянул. Глухим щелчком пробковый дуб выпрыгнул наружу из тесной горловины и в сухом морозном воздухе разнесся тонкий запах превосходного, скажу без обиняков, коньяка. Пожалуй все, что я называл коньяком до того момента ни шло ни в какое сравнение с одним только этим запахом.

Азар выплюнул пробку на плоскость дипломата.

– Нравится? – спросил он. – О, единственно этот запах. Ничто не сравнится с ним, уж вы мне поверьте.

Он с прежней ловкостью разлил коньяк в рюмки, умудрившись в обоих случаях выдерживать до крайнего уровня, позволительного посудой, ни капли не пролив.

– Итак, Борис Петрович, позвольте предложить тост, – сказал он, поставив бутылку в центр «столика» и беря рюмку двумя пальцами. – Я весьма своеобразный оратор, в чем сегодня вы имели удовольствие убедиться, однако же люблю красивые тосты, моя, так сказать, слабость, а посему предложу вам сегодня один. Добавлю также, для складывания у вас полнейшей картины моего характера, что терпеть не могу престарелые бородастые тосты, то есть переписанные, переуслышанные, пере– какие угодно. Тост должен быть недлинн, свеж и яркок, вот что главное. Посему, на ваш авторитетный суд выношу следующее: выпьем, Борис Петрович, за веру, вернуть которую куда сложней, чем потерять.

Ночь стояла ясная и лунная. Голые липы тянули многосуставные пальцы-ветки вверх, в пустую темноту. Пустая аллея эта, кирпичный заборный цоколь с одной стороны и усыпанный снегом газон с другой создавали некоторый необъяснимый уют в нашей внезапном вечернем застолье.

– Берите же, Борис Петрович, немедленно берите и пригубляйте замечательный сей коньяк. А я тем временем чуточку запоздало открою нашу с вами дискуссию о славной девушке Шаммурамат с изломанной судьбой. Регулярной истории известна она под несколько искаженным именем – Семирамида.

Азар пристально смотрел на меня, замечая, как немедленно превратился я в слух при упоминании этого имени.

– Однако же, Борис Петрович, в замечательной этой вавилонской истории нельзя не отметить некоторой откровенной беспечности любимого моего персонажа Бильгамешу. Ведь был он предупрежден неоднократно, указывалось ему на опасности, однако же распорядился он по своему. И прошу отметить, что в литературе, в особенности в «Книге книг», посвящен ему совсем скромный стих, и не связанный совсем с его ролью в становлении вавилонской государственности, а роль его тут наиглавнейшая. Напротив, «Книга книг», которой поделился с вами Никанор Никанорыч в свойственной ему беспардонной манере, повествует о закате империи. Я опушу здесь мифологию и окрас, который был придан падению Вавилона в этом издании. Как говорится, историю пишут поэты под пытливыми взглядами царей, исходя из неудач, обид и государственной целесообразности. Поэтому мы с вами не будем пенять авторам за изящный аллегорический слог и откровенное порой вранье. Однако же признаем, что возвеличивание Вавилона целиком и полностью заслуга Бильгамешу, равно как и падение его знаменовалось тем самым эпизодом на крыше недостроенного зиккурата с вовлечением девушки Шаммурамат из славной аморейской семьи. Добавлю еще, что обещание свое, данное Бильгамешу той ночью, она ответственно исполнила. Вавилонского царя современная история знает то ли как Нимрода, то ли как героя древней сказки-эпоса Гильгамеша.

Я теперь тоже смотрел прямо на Азара. Так и стояли мы, глаза в глаза.

– Балу из древнего Вавилона, это Никанор Никанорыч? – спросил я.

Азар опустил с улыбкой глаза. Но только лишь за тем чтобы коротким движением пальцев с рюмкой указать на мой наполненный кубок.

– Здесь, Борис Петрович, я возьму на себя смелость настоять на том, чтобы вы выпили прежде чем мы продолжим. Уверю вас, другого шанса пригубить такое чудо может и не случиться.

Азар молчаливо дождался, пока я послушно возьму в руку изящную рюмку и только после этого поднес свою к лицу и в глубочайшем удовольствии поволил ею у носа.

– Поглядите, Борис Петрович, – как бы между делом кивнул он в сторону дороги. – Вот собственно то самое, что расстроило наш с вами ужин в ресторане.

В тот момент я прикоснулся губами к до краев разлитому коньяку и несколько затерялся в облаке аромата и вкуса, в котором смешались и непробованная мною глубочайшая мягкость, и выдержанная структурность, я услышал запахи цветов пронизанные нотой обожженного дуба. Прокатившись по небу, изысканная коньячная волна ушла внутрь, оставив ароматное тепло. Я посмотрел туда, куда указал Азар.

У самого конца аллеи, там где кирпичный забор под прямым углом сворачивал влево и разливался в разные стороны широкий крестообразный перекресток, я разглядел четыре фигуры. Они не вышли на освещенный уголок у светофора, а стояли как бы скрыто в тени аллеи. Видны были темные куртки и шапки. Двое сидели на корточках посреди тротуара и дымили, один сидел на крашенном козырьке заборного цоколя, облокотившись спиной о металлическую секцию. Четвертый стоял прямо, держа обе руки в карманах и покачивался. Я подумал сначала, что он пританцовывает, но потом догадался, что совершал он девиации под

воздействием некоторых других, внутренних процессов. Не только мы с Азаром определенным образом расслаблялись в конце трудового дня.

– Обратите внимание, – вмешался в мои мысли Азар, – на позорнейшую, принимая во внимание наш с вами эксклюзив, порожнюю бутылку в руке сидящего на заборе. Водка, дорогой мой, она самая!

Эта четверка, темная, сутулая, вытащила из глубин моей памяти воспоминания о собственном отрочестве. О полуночных дворовых посиделках, о смехе, злом, кашляющем, о том, как грызлись между собой соседние районы и опасно было вечером выходить на улицу.

– Поглядите, Борис Петрович, – раздавался в унисон моим мыслям голос Азара. – Вы конечно совсем другой теперь человек и свой щелчок по носу своевременно получили, но не напоминают ли вам эти беззаботные ребята деньки беспечной вашей юности?

Как бы отзываясь на мои воспоминания, я увидел еще один, пятый силуэт,двигающийся навстречу нетрезвой компании со стороны перекрестка. В марево дорожных огней я не мог разглядеть точнее, однако же почувствовал, что фигура принадлежит девушке. Путь ее лежал в аккурат через развалившуюся четверку. Я не мог оторвать взгляда от этой картины.

Вот они все разом повернули головы в ее сторону, мне показалось даже, что услышал я обрывки слов, потом она прошла мимо и я заметил, как ускорились ее шаги.

– Вот вы, – тараторил у самого моего уха Азар, – примечательны, кроме прочих заслуг, еще и неубиенной верой в человеческое существо. Верой, даже некоторою внутренней, не то, чтобы вы могли аргументированно отстоять свою позицию в споре. Собственный опыт, пожалуй, вас должен бы склонять к обратному. Но такая иррациональная убежденность, скажу я вам, – заслуживает похвалы.

Слова его неслись фоном, и смысл их как будто запаздывал и доходил до меня позже, может быть даже совсем не в этот день. Я весь сосредоточен был там, на краю аллеи.

Я увидел, как один из молодых людей махнул рукой вслед удаляющейся фигурке и хрипло гоготнул. Остальные негромко поддержали этот уродливый жуткий смех. Я словно находился там, среди них и чувствовал, как происходит то, что называется предпосылкой преступления, осязал, видел их потерявшие человеческое, налитые глаза, искаженные пьяной обвислостью физиономии. Чувствовал, оставаясь в пятидесяти шагах поодаль, в тени, рядом с Азаром, сжимая в холодных пальцах рюмку французского коньяку.

Молодые люди поднялись и двинулись за девушкой. Я увидел как тот, что сидел на заборе рванулся за ней и она, услышав, остановилась и обернулась смело, дерзко. Он подошел к ней вплотную и попытался схватить за рукав. Она дернула рукой, избавляясь от захвата.

Странно, я смотрел будто бы немое кино. Иногда доносились, а может быть только воображал я себе, неприятные гортанные звуки и смех, исходящие от четверки, но ни речи их, ни голоса девушки я не слышал. Притом, что разговор велся, и видел я как покачиваются головы и ее резкие нервные движения. Мне в спину фоном неслись слова Азара:

– При этом, справедливости ради отмечу я, что предпосылок для вашей убежденности практически никаких. Ведь тут, как в науке все должно основываться на точных, порой даже лишнего, фактах. Против фактов, как шутят угрюмые прокуроры, – не поперешь.

Тем временем подросли трое приятелей того, резвого. Они обступили девушку со всех сторон, оставив ей только кирпичный столб забора за спиной. Я видел как сделала она неуверенный шаг назад и почувствовал как будто ее смятение и страх. Но все еще стоял, скованный, нерешительный, словно парализованный, не могучи оторвать взгляда.

– Ох уж эти мне факты! – говорил Азар, – О, как жестоки бывают они, как отрезвляют порой от высоких представлений о человеке, студенте. Венец природы, творение божественного произвола, прошу прощения, промысла.

Сквозь слова Азара, режущие мое сознание, я услышал теперь другие звуки.

Один из нападавших, хлестко разбил о забор бутылку, оставив в ладони только горловину и рваный кусок расширяющейся полусферы. Такое приспособление носило название «розочка» и было популярно среди отчаянных хулиганов моего времени. Острые стеклянные края «розочки» были опаснее ножа.

Я видел как девушка закрыла лицо руками, прижавшись спиной к заборному столбу. Мне показался знакомым ее короткий светлый полушубок.

Звуки вернулись, будто спущенные с поводка псы. С перекрестка послышались жужжание машин, скрип снега, и я услышал голоса.

– Что, сука, зауважала нас теперь, заскулила? – рычал тот, что с розочкой.

Он свободной рукой наотмашь дал заложнице пощечину по закрытому ладонями лицу. Она неловко упала на колени, сползши по кирпичному столбу.

– Отпустите! – всхлипнула она.

Голос ее, высокий, женский, как будто даже знакомый, отрезвил меня окончательно. Я бросил рюмку и портфель, и рванул с места.

– А случилась бы с вашими убеждениями какая-нибудь неприятность, – продолжал дребезжать в голове голос Азара, – если бы вы, скажем, узнали, совершеннейше случайно, что двое из разбойников – студенты вашего любимого ВУЗа? Не бывшие студенты, настоящие. Каковой бы тогда стала ваша светлая вера?

Я бежал, не помня себя, неуклюже, потому что довольно давно уже не бегал. Эти пятьдесят шагов ужасно медленно превращались в сорок, тридцать.

– Что с нее взять, то? – слышал я тихий нетрезвый голос одного из нападавших. – Нищая студентка из общаги.

– С бабы всегда есть что взять, – хрипло усмехнулся тот, что с розочкой.

– Всякая вера есть продукт долгой, кропотливейшей работы над собой, – лился голос Азара, оставшегося далеко позади. – Труден, труден путь к обретению веры и как же коротка дорога в заднем направлении. И вот думает человек, что последнее рукоприкладство осталось далеко в лихой его юности, и что не при каких обстоятельствах не желал бы он поднять на человека руку снова. А обстоятельства, р-раз и ставят ему неприятнейшую подножку.

Я с размаху налетел на стоявшего полу-боком, полу-спиной ко мне скалящегося молодчика и вместе с ним свалили мы второго. Мы упали на асфальт и я почувствовал, что ободрал свою ладонь о кладку забора. Я навалился на двоих нелепо дрыгающихся молодчиков, оставшись спиной к остальным.

– Это еще кто здесь? – услышал я обценный хриплый крик и почувствовал как меня хватают за плечи и швыряют куда-то через аллею на газон, к липам.

У меня сбилось дыхание и я неловко забарахтался в снегу у ствола со следами прошлогодней белой краски, ожидая, что немедленно набросятся на меня сзади.

– Ох, Борис Петрович, как же неуравновешенно относитесь вы к, как не крути, одной из сторон человеческой жизни.

Голос Азара, близкий, пришедший откуда-то даже сверху, настиг меня, стоящего на четвереньках, вывалившегося в снегу, не успевшего еще извернуться и вскочить на ноги. Снова, как несколько минут назад, не считая вездесущего Азарового голоса меня окружала гнетущая неестественная тишина. Я поспешно повернул голову и тут же все вернулось на свои места: налетевший ветер, проезжая часть, шепот оголенных липовых крон.

Четверка молодых людей, сбившись плотной массой сидели на дорожке, у забора. Азар стоял надо мной, длинный, черный, худой, в аккуратном кепи, со смоляным дипломатом и моим портфелем, поглядывающий на «виновников торжества» с вечной своей усмешкой. А те ежились, жались друг к другу, застрашанные, разбитые, словно бы трясясь от непонятного страха, глядя в землю, на себя.

– Поднимайтесь, Борис Петрович. Не желаете возразить мне?

Меньше всего в тот момент я думал о каких бы то ни было возражениях. Взявшись за холодный ствол, я поднялся.

– Что произошло?

– 3-3-здравствуй-йте, Борис Петрович, – услышал я из-за спины Азара девичий голос.

Рядом с Азаром, прячась в длинной его тени, вытирая слезы и потекшую косметику, стояла Маша Шагина. Ее короткий мохнатый полушубок, по которому я сразу узнал ее, был разорван у воротника, сваян черными мокрыми пятнами грязи. Она безуспешно пыталась заправить беспорядочно свисающие волосы. Смятую шерстяную шапку с темной матерчатой сумкой она стискивала подмышкой.

Маша судорожно вздохнула.

– С-спасибо вам.

– О, да, милая моя Мария, – ответил Азар, – Помощь наша пришла к месту, скажу без ложной скромности. Однако, сразу же оговорюсь, заслуга здесь единственно Бориса Петровича, никак не моя, – длинный палец Азара уперся в грязный след на моем пальто. – Как истинный человеколюб, он поспешил на помощь и подобно китайскому барсу поверг супостатов наземь. Не во всяком ВУЗе, уж вы мне поверьте, найдется столь самоотверженный преподаватель.

Азар имел удивительное свойство, во время разговора, то выдвигаться на первый план, так что вставить свое было практически невозможно, то напротив как бы отступать со сцены в фон, и речь его при этом нисколько не мешала, а даже облегчала разговор. Вот и сейчас голос его словно бы отступил.

– Добрый вечер, Мария, – сказал я, не дождавшись по-моему, когда Азар закончит. – Все ли у вас в порядке?

Я шагнул на аллею за спиной у Азара, по ходу отряхиваясь от снега.

Мария испуганно переводила слезящийся взгляд с меня на Азара. Азар же все это время, даже читая речь, неотрывно с каким-то хищным удовлетворением следил за четверкой у забора. А те молчали и не пытались никаким образом сопротивляться или попросту ретироваться.

– Д-да, кажется все хорошо, – она избегала смотреть на напавших, отвернув от них голову.

– Как вы предполагаете, Борис Петрович, – снова встрял Азар, – какого наказания было бы довольно для этих? Возможно – обыкновенной сдачи властям, ведь, придется им там куда хуже, нежели Марии некоторое время назад. Ох уж эти мне любящие свою работу дежурные ночной смены. Ведь они, помимо всего прочего, отцы своих дочерей, которые в данной ситуации тоже оказались, пусть под косвенным, но ударом.

Маша Шагина смотрела теперь на Азара широко открыв глаза.

– Один из таких мастеров, капитан патрульно-постовой службы Юрь Михалч Филинов, будет здесь через минуту.

– Вы вызвали милицию? – спросил я.

– Ну-ну, Борис Петрович, не отказывайте нашей доблестной милицейской службе в чуткости и проницательности. Милиция сама соизволила явиться, ощущая, по всей видимости некую неловкость из-за того, что не им достанутся лавры героя, спасшего барышню.

Действительно, со стороны перекрестка, к нам на улицу свернула мигающая визжащая милицейская машина УАЗ. Она в несколько секунд долетела до нас, затормозив с глухим скрежетом. Растворив одновременно три дверцы – по числу людей внутри – растрепанные мятые стражи правопорядка в серых нарядах высыпались наружу. Мне показалось, что из машины даже вырвался пар, так они там надышали.

– Что тут у нас? – отдуваясь, спросил толстый, усатый и высокий, судя по погонам, капитан, вышедший с переднего пассажирского места.

– У вас тут вопиющий случай нарушения, товарищ Филинов, – ответил за всех сразу Азар. – Преступление, остановленное единственно смелостью и отважностью рядового прохожего имело целью ограбить милую девицу, а может чего и похлеще. Благо еще рядовые прохожие не перевелись у нас, а то прямо предположить опасаясь, что могло бы случиться, покуда бравая милиция предавалась утехам со спиртным.

Трое в форме как один посмотрели на Азара. Я теперь только заметил, не у капитана Филинова, а у его коллеги, сержанта с заднего сиденья, в глазах поволоку и некоторую повышенную скученность. А потом и у капитана.

– Мы, правда, и сами грешны в последнем, – миролюбиво добавил Азар, – однако у нас имеется на этот счет железное оправданье: после трудового дня, никак не во время.

Затем произошла некоторая странность. Словно все дальнейшее происходило со мной спешно и в полудреме. Отчего-то не призвали нас с Азаром проследовать как свидетелей в отделение, отчего-то милиция составляла протокол тут же сама, на капоте УАЗика, подложив под строгий бланк Азаров дипломат и слушая его предлинное объяснение с жестикуляцией и исторической справкой. Отчего-то Маша Шагина, пугливо жавшись ко мне, не добавила ни слова к нелепейшей картине преступления, нарисованной Азаром, только испуганно глядела на него, как и те, у забора. А милиционеры виновато отводили глаза и обходили стороной ее и меня, шныряя между виновниками и машиной.

В памяти остались краткие эпизоды-вспышки: початый французский коньяк, настырно прилагаемый Азаром к делу в качестве улики; оплеуха, что озверело отвесил Филинов одному из преступников, так что голова виноватого резко дернулась и показалось мне, что шея его не выдержит, оплеуха просто так, без причины, но с жестокостью не уступающей ихней, умноженной чувством безнаказанности; вялые, безвольные шаги преступников к подоспевшим милицейским машинам, с единственно живыми глазами, точнее взглядами, обращенным на разглагольствующего Азара, взглядами смертельного ужаса, боязни, невиданной мною раньше; скомканное прощание с Машей Шагиной, дрожащей, потерянной; чужой и пустой взгляд ее в окне уносящегося УАЗика; полная луна, переливающаяся, яркая, словно улыбающаяся опустевшей аллее; и я, заботливо усаженный дополнительно прибывшим экипажем ППС, который ни слова не сказавши за всю дорогу, ответственно доставил меня до дому.

Глава 7. Отрочество

Подшло время для второго отступления от основного сюжета, с тем, чтобы продолжить знакомство с моей, Бориса Петровича Чебышева, биографией. Биографией совсем не яркой, однако же чем глубже погружаюсь я в повествование, тем более значимыми кажутся мне эпизоды моего взросления, тем связаннее и осмысленнее становится общая картина.

Завершающая часть изложения школьных моих лет, могла создать впечатление, будто извилистая и несколько печальная часть жизненного моего пути закончилась, забрезжил новый рассвет, и вот уже подступали счастливые времена, когда нашел я свою научную нишу, и нейронные сети, поначалу как изучаемая дисциплина, а затем как научная цель, стали входить в мою жизнь. Вынужден я разочаровать своего читателя, тщетно пытающегося угадать, где же из банальнейше бытовой биографии начинает проступать составляющая научная, положенная в основу сюжета. Совсем не прямой была протаптываемая мною тропа, завершившаяся очередным переездом и подведением промежуточных итогов.

К моменту, когда подходил к концу мой выпускной год и наступало время выбирать, куда поступать, куда двигаться дальше, случились события, снова скривившие начавшую было выпрямляться нитку моего взросления. Окончание школы знаменовалось многочисленными контрольными работами, которые с одной стороны обязаны были подвести некоторый итог, зафиксировать уровень знаний, а с другой добавить еще одно оценочное очко для полноценного расчета аттестата. Я совершеннейше не могу похвастать тем, что учился стабильно хорошо или отлично. В условиях школьных моих дерганий и кризисов, я пропадал, намеренно пропускал занятия и прятался; вначале потому, что был частью хулиганского своего района, а потом избегая опасного пересечения с прошлым. Однако же в выпускной мой год, в особенности вторую его половину, когда кроме учебы не осталось у меня ничего, а что врывалось, я тщательно и пугливо от себя отпихивал, удалось мне сосредоточиться на знаниях. К концу года я подошел отличником по главным дисциплинам: математикам, русскому с литературой и, как ни странно, химии. С физкультурой дружбы у меня никогда не водилось, я был одним из самых низкорослых в классе, а уж когда сделался изгоем, избегал ее всячески, так как здесь скрывалась наибольшая вероятность встречи с дюжими местными хулиганами.

За четыре месяца до завершения учебного года, в школу пришла новая престарелая учительница старших классов по математике, весьма своеобразно оценивавшая знания учеников в своем предмете. Она крайне не жаловала тех, кто старался не высовываться, в частности, не рвался отвечать у доски. Отразилось ее скептическое ко мне отношение на годовой контрольной, когда описка, обыкновенно прощаемая другим, стоила мне пятерки, а среднее арифметическое отличной годовой оценки и контрольной на «четыре», удалила пятерку алгебру из моего аттестата.

Школу покидал я разочарованным и злым. Выпускной вечер проигнорировал бы я в любом случае, но не стал я даже связываться с завучем, курирующим обмен учащимися с моим нынешним университетом, в котором проходил практику. Просто получил свой среднего пошиба аттестат и исчез из школы и района, утратив всякий интерес к будущему в техническом ВУЗе. Сказать по правде, даже теперь, будучи взрослым, сторонюсь я района своего отрочества, застроенного одноликовыми серыми многоэтажками с непросыхающей сыростью на стыках бетонных плит и облупленной плиткой.

Особенные отношения складывались у меня тогда с отцом. Жил он к тому времени отдельно и очень ревностно новая его жена, которая не стесняясь теперь ступила из тени адюльтера, относилась к старой его семье. Мама моя одним упоминанием вызывала истерики у нее; детей же, меня и Аленку, она терпела. Хоть и осталась у меня обида на отца по поводу ухода его из семьи, не могу я не поставить ему в заслугу, что с детьми он поддерживал связь и регу-

лярно встречался, выставив это по-видимому обязательным условием сожителства с новой супругницей.

Случилось так, что во время одной из таких встреч, на загородном застолье, двоюродный брат отца, офицер милиции со стажем, предложил мне неожиданную карьеру – юриспруденцию, которая в наши дни, благодаря своей переоцененности и невостребованности, кажется неудачной шуткой, а тогда виделась свежей и крайне нужной. Я был начитан, и грезились мне лавры яркого словоохотливого адвоката из кинокартин, не отдавая себе отчета, что персонально совершенно другого я был склада. Вольный после школы, как ветер, без какой-либо уверенности и понимания, я заинтересовался.

Молодой ВУЗ, название которому было «Юридический институт при МВД», имел весьма специфическую вступительную методику, схожую с поступлением в суворовское училище. Как потом выяснилось, манера обучения предполагалась аналогичной, армейской – огороженная территория, казармы и увольнительная по выходным, за примерное поведение. Для абитуриента обязательным было направление от местного УВД, с которым как раз и вызывался помочь двоюродный брат отца, носящий одну со мной фамилию, майор милиции Владислав Чебышев, хмельно расписывавший прелести нового юридического ВУЗа, и как с легкостью под его проекцией мог бы получить я заветный диплом. Когда же я, заинтересованный, появился у него на работе, в отделении УВД, он ужасно сконфузился и долго бегал по кабинетам, после чего вынес бумагу с неразборчивой подписью и вывел меня через заднюю дверь. Оказалось, что лимит направлений от УВД был уже выбран, хотя и сумел он подмахнуть нужный бланк.

В тех годах ввели в ВУЗах обязательную практику – сдавать в приемную комиссию оригиналы всех документов, чтобы не дай бог не подался абитуриент одновременно в несколько ВУЗов и подпортил вступительную статистику, когда после успешной сдачи экзаменов, поступившему пришлось бы выбрать единственное себе образовательное учреждение. Я конечно и не думал вовсе об этой ограничительной хитрости, будучи полностью во власти иллюзий о смелом адвокате-одиночке.

Интереснейшим обязательным этапом поступления было прохождение офицерской медкомиссии. Не говоря о пресловутом военкоматского типа длинном коридоре с дверьми, где мерзли недавно окончившие школу молодые люди в трусах, ожидая своей очереди к окулисту и лору, выдавался соискателям замечательный психологический тест. Это был объемный фолиант из нескольких сот вопросов, отводилось на который три часа. Вопросы были на совершенно разные темы: те что мы знаем теперь как IQ, на логику, на принятие решений в ситуациях. Удивителен тест был тем, что после второго часа непрерывных ответов и галочек, выведения линий и узоров, и обвода цифр в кружочках, второй волной начинали валиться старые вопросы на принятие решений, и отмечал я про себя, что даю ответы отличные от прежних. Не знаком я с этим эффектом, возможно сказывалась тут усталость от монотонного, не позволяющего расслабиться задания, однако же разница между начальными, максималистскими ответами «как правильно поступать» и финальными, усталыми и отрешенными «как бы я поступил», случалась заметная. Бородатый врач-психолог в мятом колпаке, с клочками седых волос за ушами сказал мне, что в учет принимаются только ответы данные в завершающей части теста.

Лица, лица, лица. Они мелькали передо мной, не сохраняясь в памяти, появляясь и исчезая. Лица таких же школьников, усталые лица врачей, недовольная усатая физиономия Владислава Чебышева. Я плохо разбирал последовательность действий, чьи-то родители советовали мне, объясняли, куда требуется пойти, что сделать и подписать, я шел и делал, и подписывал. Помню с того выпускного лета только надышанные жаркие салоны округлых скрипучих автобусов ЛАЗов и ЛиАЗов, с горячими, покрытыми верблюжьими одеялами кожухами двигателей и тополиным пухом оседающим невесомым инеем на потных пассажиров.

Я готовился к экзамену по истории, которую совершеннейше не понимал и не мог терпеть. Со школы остался у меня неприятный осадок от молодого учителя истории, который,

как мне казалось, проявлял знаки внимания к нашим старшеклассницам, а также неприятно заигрывал с хулиганской верхушкой школы, подчеркивая видимо, что сам не так давно перешел в разряд учителей, все прекрасно еще помнит и знает, и свой он. Сдавали мы вступительный экзамен письменно, и на выпавший мне вопрос о Иване Грозном и «Филькиной грамоте», ответ я расписал сносный и развернутый, потому что читал про Ивана Четвертого всего только два дня назад.

С объявлением результатов вышла задержка – не сумели оперативно осилить свеженабранные преподаватели объема исторической мысли поступающих. Поэтому не дожидаясь отсеивания тех, кто не справился с Историей, необъятная братия вчерашних школьников через день собралась на следующий экзамен – Физкультуру. Под мероприятие выделен был циклопический спортивный зал одного из городских военных училищ.

Физкультура никогда не была любимым мною предметом. Были в ней, и до сих пор есть, некоторые аспекты, вовсе мне не подвластные, такие как забеги, марафоны. Долгие упражнения на выносливость не удавались мне с самого детства, а, как оказалось, для того, чтобы сделаться юристом в институте МВД, норма ГТО на пробег трехкилометрового марафона являлась обязательной.

Три километра, три тысячи метров, почти семь с половиной кругов по четырехсотметровому стадиону в самом сердце июльской жары. Я с отчаянной точностью помню этот пыльный знойный забег, который я непостижимым образом закончил тогда. Доковылял я последним, под сочувствующие взгляды товарищей по несчастью, которые тоже не попали в нормы, хотя и добежали свои три километра гораздо раньше меня. К вечеру того же дня я оказался за бортом замечательного института при МВД, который ныне являет в нашем городе удивительный образчик высшей школы казарменного типа. Так я и не узнал результата своего исторического эссе, оказалось оно на тот момент всамделишной филькиной грамотой.

С некоторой рефлексией вспоминаю я это время, когда трансформировалась страна и ломалась советская система образования, казавшаяся с одной стороны нерушимой и единственно правильной, а с другой полнившаяся уже слухами о повальной профпригодности советских школьников и студентов. На место старых методологий приходили другие, незрелые еще, кособокие, когда стали в ученых руководствах образовательных учреждений рождаться первые мысли, что образование должно быть прикладным, что «дворяне» от образования имеющие поверхностные знания обо всем понемногу нежизнеспособны и занимаются вовсе не тем, чему обучались.

Я конечно здесь эгоистничаю, потому что сам работаю в образовании и на нем заиклен. Правду сказать, образование в гораздо меньшей степени приняло на себя первый удар начала девяностых, когда колосс СССР рухнув под собственным весом, превратился в россыпь независимых государств. Вслед за появлением новых, незнакомых еще границ, затрещали и полопались планы, заказы и производственные линии госпредприятий, дробя сложившиеся отношения и устои.

Заводы-гиганты, на которых работали мои родители, и которые обслуживали самые дальние уголки СССР пострадали в первую очередь. Они не были стабильными уже в перестроечные годы: число заказов падало, а производство шло на спад и на склад, уже тогда начались задержки по зарплатам и заказам. Но после официального размежевания государств, дробление и нищание усилилось геометрически. Через полгода после исторического Беловежского соглашения, половина завода моего отца была распущена, а еще через год полностью остановилось обороно-ориентированное производство, на котором работала мама.

Время было опустошающее. Кто-то называет его временем надежд и новых ростков, однако для трех поколений людей, которых учили и растили в ключе стабильного планирования и зоркого всеведающего государства, перелом был крайне болезненный. Отца моего, молодого тогда еще специалиста, подхватила волна отчаянного пьянства, выраженного бескон-

трольным расходом бесхозного производственного спирта. Мы не были особенно близки в то время, но я не мог не чувствовать как зыбкая почва под ногами гонит его в заводские компании, где прячут выброшенные на берег работники невзгоды в разведенном спирте.

Маму, также оказавшуюся у разбитого корыта, выручили в какой-то степени мы, дети. Я видел как боится она, как плачет ночами от неопределенности и бессилия. Нам она виду не подавала, развела кипучую деятельность по поиску работы, успев за короткое время перепробовать очень разное, подчас и не связанное совсем с инженерно-монтажной ее заводской специальностью. Она побыла страховым агентом, бесстрашно исследуя окружавшие пригородные деревни, предлагая страховки их обитателям разной степени гостеприимности, побывала заведующей складом во вновь-образованном кооперативе по продаже стройматериалов, швеей в частном цеху, вспоминая увлечение молодости.

Тяжелое было время. Мы с Аленькой, юные, неустроенные не ощущали всей его тяжести: Аленька в своей детской еще непосредственности, я в своей болезненной закрытости. Родительское поколение приняло всю его тяжесть на себя, не справляясь с ношей, пытаясь перенести воспоминания о своей беззаботной молодости на новое время, считая разрушение советского колосса ошибкой.

Здесь попрошу я у читателя прощения за короткое отступление от канона повествования и, с его великодушного разрешения, вернуться к основной нити своей биографии.

Так, с забрезжившей надеждой глядя в будущее, к окончанию выпускного школьного года, я оказался к августу месяцу у разбитого корыта, не имея не малейшего представления, что же мне делать дальше. Юридические мои мечты были разбиты, шанс сдать документы на поступление в другие ВУЗы, был упущен. С некоторыми провалами вспоминаю я тот август, потому что не было у меня никаких планов на целый ближайший год, а была только тупая тоска и книги, в которых прятался я.

Мама моя поступила тогда отважно. Опросив массу своих знакомых, однажды утром оглушила она меня буклетом об открытии в городском районе «Авиастроитель» профессионального лицея в который принимают окончивших школу на годичную программу по рабочей специальности. Удаленный район «Авиастроитель», сложившийся в крупное административное деление путем объединения нескольких микрорайонов и прилегающих деревень, с названиями разной степени гостеприимности («Собакино», «Караваево», «Хлебодаровка» и т.д.), примыкал на востоке к огромным авиастроительным предприятиям, которые собственно и подарили ему название. Славой район пользовался довольно дурной, однако новоявленный лицей (в прошлом году еще ПТУ – Профессиональное Техническое Училище) имел положительную репутацию, возвышаясь заново-отстроенными корпусами цехов среди гор строительного мусора.

Приехали мы туда с мамой моей через два дня на единственном ходившем в том направлении трамвае, который у самого главного учебного здания профессионального лицея, делал визжащую петлю, чтобы ретироваться в город. Ввиду того, что для наиболее громких и востребованных специальностей: «оператор ЭВМ», «оператор станков с программным управлением» и «сборщик узлов летательных аппаратов»; учиться требовалось три года вместо старших классов школы, я выбрал специальность из куцевого списка доступных для одногодичного обучения. Этой специальностью стала «Токарь-универсал».

Отношения мои тогда с разведенными родителями, даже и с мамой, были как будто поверхностными, не близкими. Здесь была пожалуй обоюдная причина. Они с одной стороны искали себя среди слепых движений тектонических плит нового государства. Неуверенность эта ела их и, стараясь не показать и не передать ее детям, уклонялись они от откровенных диалогов. Я, в свою очередь, потерянный, нагруженный неудачным своими школьным и последующим абитуриентским опытом, сторонился их еще больше.

Не стану вдаваться я в подробности учебы своей в профессиональном лицее с трехзначным номером. Год этот не могу я назвать ярким для себя впечатлением, наиболее же весомым достижением считаю я некоторое избавление от одичалости, которая выросла на мне в последние годы школы, где сливался я со стенами. Лицей был неотъемлемой частью города N и был в равной степени заражен его болезнями. Водились тут и гопники, местные, с «Авистроителя». Но то ли зашкольный возраст брал свое, то ли успешно научился я мимикрировать, абстрагироваться в незнакомом коллективе, группируясь с теми, кто сосредоточен был исключительно на учебе.

Четко отпечатались в моей памяти удивительные дисциплины, «Материаловедение», «Техническое черчение» и «Специальная технология». Рифленным оттиском отметились могучие фрезеровочные и токарные станки, зеленые, со скругленными углами, словно покорные великаны, преклоняющие колена перед облаченными в темно-серые рабочие халаты учащимися. Еще резцы с твердой кромкой и потемневшие вращающиеся точильные камни, на которые приезжие общежитские студенты носили точить кухонные ножи. Помню эпизод, когда попытался один из наших наиболее лихих однокашников подточить перочинный ножик не рассчитав силы. Мощно и однотонно гудя точильный круг срезал короткое лезвие до самой рукоятки, прихватив еще и край рабочей рукавицы. Обошлось слава богу без травмы. До сих пор не забыл я отечественную маркировку стали, чугуна и основных алюминиево-медных сплавов, как получается «нержавейка» и что такое «легирование». Мастер и классный руководитель нашей небольшой учебной группы, среднего возраста женщина, большой фанат токарного дела, умудрилась передать нам теплое чувство к станку, чувство о котором никто не задумывался, когда шел в лицей «перекантоваться» на год.

Через десять месяцев я получил первый свой с отличием диплом и специальность мастера-токаря четвертого, максимального для учащегося, разряда. По правилам профессионального лицея, следующим шагом была двухмесячная практика на действительном предприятии, к которому примыкал лицей в роли подшефного. Я не назову предприятие реальным именем, стараясь избежать некоторых норовящих возникнуть аналогий. Скажу только, что предприятие это было районообразующим, производило крупные части отечественных самолетов, включая сборку отдельных секций корпуса и двигателей, имело собственную впечатляющих размеров аэротрубу и занимало площадь едва ли не превышающую прилегающий район.

К тому времени, я, свербимый чувством потерянного года, вполне уже определился с ВУЗ-ом, в который собирался поступать. Им стал тот самый технический университет, в котором стажировался я старшекласником. Он оставил у меня весьма туманное чувство о соответствии моим интересам, однако не вызывал отторжения, которое неизменно посещает меня в каждом новом многолюдном учреждении. По прошествии года, к этим ощущениям добавилось желание изучать компьютеры.

О компьютерах знал я немного, в старшие школьные годы отец подарил мне «Spectrum ZX80» со скрипучими кассетами, а потом и «Корвет», со скоропортящимися пятидюймовыми дискетами. Интерес мой ограничивался простыми играми и короткими программами на языке «Бейсик». Приходилось мне видеть и более совершенное диво – IBM PC 80286, вычислительные мощности которого интересовали меня куда меньше, чем сумасшедшей красоты компьютерные игры. Видел я их у дяди Владислава, который привез компьютер по-дешевке из Вьетнама, по завершении своей офицерской службы. Такого же класса вычислительную машину я видел в университете, во время стажировки.

Итак, решил я для себя, что интересует меня ВУЗ технический, и прослеживалась тут некоторая иррациональная связь с текущей моей токарной специальностью. По аналогии с тем, что ВУЗ мой имел авиационные исторические корни, в последние годы двигаясь в направлении современной науки – информатики и кибернетики, так и я, начав с авиационной токарной

деятельности, переключался в высшей школе на современное направление – «Информатика и Вычислительная Техника».

Однако перед тем, как местоположение повествования окончательно переместится в стены родного ВУЗа, догнав ускользающий основной сюжет, предстоит стойкому моему читателю познакомиться с еще несколькими особенными эпизодами моей биографии, в которых нахожу я теперь особенные смыслы и значения.

После успешной защиты лицейского диплома, мы, семнадцатилетние токари-универсалы, в соответствии с положением о производственной практике, были перемещены в стены тектонического по размерам своим монстра отечественного авиастроения – завод, которому дам я здесь условное наименование «Авиационное предприятие». История завода уходила корнями во времена спешной эвакуации производств из Москвы в начале Великой Отечественной Войны, и даже сейчас все дышало здесь масштабностью и строгостью того времени. Пропускной режим с наглухо запирающимися турникетами в сорок рядов, высший вахтерский чин – сотрудница охраны в особой, темно-синей форме и косынке, восседающая в кубе из оргстекла на бетонном постаменте, сурово вззирающая на это стройное многорядье. Все здесь было регламентировано. Время прихода и ухода с работы, время, требуемое сотруднику для того, чтобы проворно юркнув между Симплегадами турникета, удостоверив аналоговое контролирующее устройство, что имеет он право на вход, пройти по циклопическим коридорам до нужного цеха, где ожидает его глухая узкая и длинная раздевалка с гремящими железными персональными ящиками, и по-военному простая уборная с рядом дыр в полу и металлическими раковинами с облупленной эмалью. Большое число раковин, равное числу дыр-унитазов было для меня загадкой до окончания первого рабочего дня, когда рабочие потянулись в раздевалку, предварительно обтерев перепачканные машинным маслом руки специальной тряпичной ветошью. У каждого был свой запас щелочного хозяйственного мыла, которым старательно намыливались огрубевшие ладони и предплечья. Нам тоже выдали по куску, огромному, с острыми углами и глубоким оттиском мыловаренного завода.

Я нарочно описываю эти подробности, упавшие на меня словно ворох тяжелой замасленной ветоши в первый рабочий день на заводе. Спартанское убранство, спецодежда, разряды и разрядки, определяющие полагающуюся тебе рабочую норму, а также определяющие стоимость твоей работы, гудок, возвещающий о начале и конце рабочего дня, раньше которого никто не смел двинуться из цеха, все это было новым, как будто даже из старых черно-белых кинофильмов. Невысокий с животиком начальник цеха, с какой-то приклеенной ненастоящей улыбкой, столовая с купонами и старые советские песни из репродуктора, совсем мало соотносились с той новой страной, которая строилась за высокими бетонными стенами с колючей проволокой.

Отторжение пришло через несколько недель. Странное, новое чувство. Не то, чтобы я много повидал на своем веку. Жил я довольно затворнической жизнью, мои внешние контакты были ограничены и единственным моим окном вовне были книги, разные, исторические, фантастические. Но ощущение того, что вот этот завод, с его полумраком, с дребезгом распахивающихся дверей, с замасленными рабочими ладонями, принявшими формы управляющих рычагов токарного станка, с ветошью и протяжным гудком из репродуктора, перед которым выстраивается намытый в туалетных раковинах люд и подняв глаза смотрит, когда же сигнал разрешит тебе жить дальше, это может быть навсегда, одинаково, блекло, замаслено, вот так и никак иначе, оно словно придавило, сковало меня.

Полтора месяца практики подходили к концу и по договоренности с начальником цеха, мне и еще нескольким новоявленным фрезеровщикам и токарям, был предоставлен неоплачиваемый отпуск на время сессии для поступления в ВУЗ. На этом витке я не слушал уже никаких советов, твердо решив поступать именно в свой университет, поэтому довольно опе-

ративно сдал все необходимые документы, постаравшись присовокупить к ним диплом с отличием из лица.

Особенными экзаменами университет не баловал, в числе их были стандартные Математика, Физика и Русский язык. По их результатам абитуриентов дневного отделения, среди которых я один незаметно вычищал из-под ногтей остатки заводской смазки, собрали в обширнейшей аудитории седьмого университетского корпуса, чтобы усталым голосом тогдашний заместитель декана Сабирзянов Роберт Олегович продекларировал, что на дневное отделение специальности «Автоматизированных Систем Управления» прошли только золотые медалисты школ, а также победители районных олимпиад, всем же остальным, кого собственно собрали, предлагается либо перейти на дневное отделение на другие специальности и факультеты, где места еще есть, либо отправиться на вечернее отделение данной специальности, опять же исходя из наличия мест и общего числа баллов за экзамены.

Со своими четверками по «Физике» и «Русскому языку», забористый попался диктант, я выбрал вечернее отделение своей специальности, к тому же по слухам существовала стойкая тенденция перевода с вечернего на дневное отделение, так как после первого семестра среди очников статистически неизменно появлялись свободные места. Как бы то ни было, в ВУЗ я поступил, и будущее представлялось мне хотя и туманным, но все-таки более определенным, чем годом раньше.

Я вернулся на завод, где мне угодливо завели уже трудовую книжку и вписали туда не только полтора месяца моей практики, но и десять месяцев обучения в лицее. Даже, как пообещал сгорбившийся и худой Иван Ильич, мой наставник, перечислили мне некоторую зарплату за практику. Иван Ильич работал на заводе двадцать девять лет, и имел восьмой токарный разряд. Руки его, скрюченные, коричневые от впитанного масла, за годы работы обрели удобный изгиб для захвата рычагов и колес промышленного станка. Я тактично поблагодарил Ивана Ильича и отправился к начальнику цеха с желанием немедленно закончить практику и совершить расчет.

Начальник воспринял мой запрос неожиданно. Из картонно-приветливого сделался он вдруг неприятным и колючим, заговорил о трудной ситуации в стране и о том, что все де рвутся получать высшее образование, а в стране работать некому. Что обучал меня профессиональный лицей, подшефный завода, не зря, а с целью подготовить смену стареющему составу славного предприятия, гордости отечественного авиастроения. И что не производственная практика это была никакая вовсе, а полноценный бесшовный переход на работу. Помяни мое слово, говорил он, все эти пертурбации со страной через год-другой схлынут, производственные планы вернутся, рабочие специальности вернут почетное свое место и заработок, повыше жалких инженеров с высшим образованием. Станный был этот разговор, потому что для меня в тот момент предмета обсуждения вообще не существовало, а смысл, что пытались донести до меня, был осознан мною гораздо позже, хотя даже теперь я категорически с ним не согласен. По завершении речи, во время которой начальник цеха смотрел зло не на меня, а в какие-то ведомости на столе, он поднял глаза и сказал, что ожидает видеть меня на рабочем месте. Помню свое некоторое отчаяние декабриста, с которым спросил я о том, чтобы если официально завершения у производственной практики нет, то желал бы я написать заявление по собственному желанию. Ответил он на это хамовато: «Кто ж подпишет его, твое заявление, каждому подписывать рука устанет». «А что, если я перестану ходить на работу?» – спросил тогда я. Тут он поднялся из-за стола значительно, оперевшись о столешницу костяшками натруженных пальцев и, взвиснув надо мной, сказал, что означать это будет запись в трудовой книжке об увольнении за прогул, и что с таким клеймом я никогда более не устроюсь на работу. Я поблагодарил его за подсказку, подумав почему-то с жалостью об Иване Ильиче, с его двадцатидевятилетним стажем и пошел с завода прочь, навсегда забыв о своей трудовой книжке, одиннадцати месяцах стажа и заработке за месяц точения стальных и чугунных болванок.

Перед уходом я попрощался с ребятами, с которыми мы вместе учились. Планы у всех были неопределенными, кто-то планировал оставаться до сентября, кто-то хотел поработать год, присмотреться. Увидел я непонимание отчаянного своего неприятия заводского климата, хотя и чувствовалась некоторая коллективная гордость за поступление мною в университет, пусть и вечерником. Чувство полета несло меня тогда по необъятным коридорам цехов, заваленным нагромождениями запчастей, связок металлических прутьев и заготовок для обработки. Я в последний раз вошел в узкий проход турникета, ограниченный впускными и выпускными створками, вышел в пыльный летний район «Авиастроитель» и зашагал к ближайшей остановке автобуса.

Снова собрался я перелистнуть перед читателем страницу своего прошлого, из которого не осталось у меня ни одного знакомого, хотя с парочкой лицейских однокашников завелась у меня тогда неплохие отношения. Я встречал их потом, токарей-универсалов, случайным образом разбросанных по жизни. Один остался на заводе, и через десять лет стал подозрительно похож на сутулого Ивана Ильича с его потемневшими замасленными руками. Другой уволился и перебивался мелкими работами, безуспешно штурмуя из года в год один и тот же ВУЗ. Видел в них я и радость встречи, и желание знакомство наше упрочить и продолжить, но не верил я тогда уже в многолетние дружбы, и, порасспрашивав их вежливо и отстраненно, ссылаясь на занятость и ретировался.

Следующей стороной юношеской моей реальности, которую нельзя обойти стороной, был призыв на воинскую службу или попросту в армию. Хотя, признаюсь, удивительной кашей была тогда армия в головах и на деле. Отец мой, в свое время отслуживший, считал армию обязательной для молодого мужчины, втолковывая мне, что только после армии пришла к нему самостоятельность, необходимая для отдельной от родителей жизни. Из поучительных его историй следовало, что до того, как после техникума связи забрали его в армию, был он похож на меня своей неуверенностью и ранимостью, не мог решить что нужно ему в жизни. После же армии, в голове его выстроилась стройная картина дальнейших шагов на жизненном поприще. По правде сказать, подобные примеры из разряда «я прожил – я знаю», неизменно удручали меня. Я и сейчас не могу похвастать стройной картиной жизненного своего поприща, но вот такая обещанная внутренняя перестройка, принудительная инъекция мужественности и решительности, приводящая к весьма спорному результату, не только не влекла меня к армии, но даже и отталкивала.

Однако вовсе не это было главной причиной нежелания моего служить в армии, равно как и большинства ребят того поколения, так что даже самые армии-ориентированные родители не желали своим детям попасть туда. Государство менялось, крошилось, и наряду с экономическими и культурными связями, валились и военные, армейские отношения. Мы слышали о конфликтах на границах новых государств, пускал ростки народившийся национализм, когда люди жившие вместе десятилетиями принимались вдруг подозревать друг друга в исторических неудачах своего народа. Истории о брошенных без снабжения частях, стройбатах, мародерстве и жуткой национальной дедовщине стали частью того ореола, образа, в который превратилась армия в умах поколения. Темные подвалы районных военкоматов, конвейерные медицинские комиссии из двери в дверь в одном нижнем белье. Сюжеты о мнимых плоскостопиях, справках из психо– нарко– диспансеров, да и просто хороших знакомцах, имеющих бесценную возможность припрятать дело призывника передавались из уст в уста. Новое, экономически несостоятельное государство накрывала волна преступности, истончая его охранительные функции, превращая одинаково сытых людей в одинаково голодных, и призывничество не оставалось в стороне, трансформировалось в монетизируемый источник дохода личного состава, осевшего в военкоматах.

Пожалуй, ударился я в излишний пафос «эпохи перемен». Нагнал некоторой атмосферности в первую очередь для того, чтобы обозначить, что и меня не миновала чаша сия. Обще-

ния с военкоматом и судорожных оценок скудных возможностей своих на фоне засасывающей Харибды воинского призыва.

Сознаюсь, никогда я не тяготел и не стремился в армию. Само собой разумелось, что стану я студентом какого-нибудь ВУЗа, который принесет мне необходимую отсрочку. А если уж говорить про юридический мой институт при МВД, то пребывание в нем засчитывалось за полноценное прохождение службы с последующим получением младшего офицерского звания. Только после того, как юридическим моим планам не суждено было сбыться и угроза попадания на воинскую службу замаячила с новой силой, я стал всерьез задумываться об армейской своей участи.

Сделаю я здесь очередное отступление и принесу дифирамб тем славным молодым людям, которые, несмотря на тернии видят жизнь свою связанной с вооруженными силами. Воспитанием либо же просто тем, что не держит ничего их на гражданке, принимают они для себя окончательное решение – служить, не взирая ни на какие препоны. Я никогда таковым не был. Армия, в особенности рядовой ее состав, представлялся мне всегда расходным материалом, которым без лишнего пиетета жертвует государство в своих местечковых интересах, абсолютнейше не принимая во внимание насколько солдат эти интересы разделяет. Я не отрицаю солдатского подвига, однако же не определил для себя пока той границы, за которой из ничтожной, бросовой стоимости человеческой жизни, вырастает драгоценный цветок мужества и подлинного героизма.

По наступлении семнадцатилетнего возраста, государство начинает довольно настойчиво напоминать о себе, присылая повестки, а иногда и являясь лично в лице местного участкового. Поэтому примерно в середине моего обучения на токаря, я воспользовался советом дальнего знакомца моей мамы, который предложил мне подать документы в Сызранское летное училище, которое во-первых позволяло полностью закрыть вопрос со службой, во-вторых возможно придать правильное направление неопределенной своей судьбе. Отмечу для путающегося в событиях читателя, что хронологически это произошло до моего поступления в ВУЗ, поэтому конфликта специальностей здесь еще не возникло.

Районный военкомат мой размещался в бывшем здании монастыря, и осуществлял прием в полуподвальных коридорах с метровой толщиной стен. Здесь внизу, среди белеющей облупленной штукатурки даже воздух казался витал какой-то инквизиционный. У принимающей стойки толпились вчерашние школьники, хмурые, боязливые. Некоторые приходили с родителями. Были здесь и бывалые волчата-гопники, такие держались обыкновенно кучками. Они презрительно поглядывали на остальных, особенно жавшихся к родителям. Мало кто друг с другом разговаривал, даже те, что пришли группами обменивались редкими, негромкими фразами.

Просьбу мою о желании поступить в летное военное училище восприняли неожиданно положительно. Мне выдали бумаги и разъяснили, что медицинская комиссия мне понадобится расширенная, так как в летном училище особые требования. Дородная, густо накрашенная секретарь победоносно оглядев скорчившихся в тусклом свете призывников с родителями, выдала мне форму для заполнения на желтой шероховатой бумаге.

Попытка моя успехом не увенчалась. После специального осмотра у кардиолога в одной из центральных клиник, мне поставили диагноз о нарушении сердечного цикла и не пригодности к летным нагрузкам. Впоследствии выяснилось, что показания кардиограммы в возрасте семнадцати лет часто бывают неверными, ввиду того, что рост организма подростка порой опережает развитие сердечной мышцы. Не возьмусь я впрочем судить о справедливости такого слуха. Врач в военкомате покрутил перед глазами распечатку моей кардиограммы на узкой, розовой миллиметровке, вздохнул и добавил себе под нос, что я в любом случае не попал бы в летчики. Ростом оказался великоват для кабины военного самолета. После школы я вытянулся,

тогда как в выпускном классе был одним из самых низких. Так была поломана очередная ветка потенциальной моей карьеры.

В новом районе, куда переехали мы после развода родителей, жил я совсем особняком. Окном моим во внешний мир была учеба в лицее, где приходилось мне волей неволей вступать в общение со сверстниками, в остальном же проводил я послеобеденное время и вечера дома, в книгах, либо за стареньким моим компьютером.

Дальнейшие попытки предпринимал я больше по увещеваниям мамы чем по собственной инициативе. Крайне удручала меня даже та малая армейская, военкоматская повседневность, с которой по касательной пересекался я. Наличествовали при городском военкомате автомобильные курсы, позволявшие получить категорию управления грузовым транспортом «D», чтобы в армию призывник попадал уже с водительской специальностью, здорово выручавшей при распределении по частям. Одно дело идти рядовым, с риском попасть неведомо куда, в страшный стройбат, и совсем другое – водителем, у которого свой распорядок, свои работы. Ясное дело, на потенциально хлебное водительское место попасть хотелось каждому, понимавшему, что избежать армии ему не удастся. К концу второй половины своего обучения на токаря, армейский бушлат для меня маячил уже вполне осязаемо, принимая во внимание, что старших моих троюродных братьев уже призвали, и отправились они по местам распределения кто куда.

На организационное собрание для записавшихся на классы по управление грузовым транспортом, набилось человек пятьдесят местных. Весомой добавкой к автомобильным правам шла гражданская легковая категория «B». Я, как районный новичок, не знал здесь ни единой души, исключая разве что служащих военкомата, которые за время моих сызранских мытарств к моей физиономии попривыкли. В этой надышанной подземной комнате я столкнулся наконец с тем, отчего долго прятался в родной школе и успешно избегал в профессиональном училище. Нет, знакомых моих тут не было, но дух, эти кашляющие смешки, лоснящиеся румынские олимпийки, ношенные кроссовки «аидас», широкие кепки-аэродромы и агрессивные взгляды исподлобья – все это присутствовало в полном объеме. Я пропускал их в темных, глухих коридорах, когда проходил медкомиссии и приносил документы. Гопота, оставившая в моей памяти яркий болезненный след встретилась мне лицом к лицу на облезлых деревянных лавках военкомата. Я стал уже забывать это чувство загнанности. Этот обжигающий след агрессивного прищура, который считывает по манерам, голосу и одежде, насколько ты «при делах». Сидя в комнате и слушая военкоматского капитана с четырьмя звездами на погонах в форме равнобедренного треугольника я понимал уже с оглушающей четкостью, что не получить мне водительские права в такой компании.

Военкомат определил меня в одну из трех групп и назначил время для посещения школы ДОСААФ РОСТО, что расшифровывалось как Добровольное Общество Содействия Армии, Авиации и Флоту Российская Оборонная Спортивно-Техническая Организация. Организация была одна на весь город, серое ступенчатое здание семи и пяти этажей с бойницами-окнами. Я посетил всего три дня занятий. На первом нам давали общее введение, говорили о том, что водить мы будем автомобили УРАЛ и КАМАЗ. Как и в школе самым опасным временем были перемены, когда учащиеся высыпали в узкие коридоры и со стремительностью брызг распределялись по стайкам общих знакомых, районов, школ, дворов. Первые день-два занятий, когда совсем еще не знали друг друга призывники прошел удовлетворительно, хотя играть в карты на спички стали уже тогда. На следующих занятиях, где самые агрессивные не стеснялись уже наседать на остальных, стало тяжелее. В широком цеху с расставленными двигателями УРАЛов-вездеходов, с развешанными распредвалами и спиленными цилиндрами, парень с коротко обритой головой принялся за спиной у молодого лейтенанта-преподавателя швырять массивными гайками в группу ребят, среди которых был и я, копошившихся у могучего двигателя детали которого выкрашены были в разные цвета для лучшего понимания. Я

рассматривал широкий вентилятор с черными блестящими лопастями нависающий над темно зеленой передней опорой, когда болезненно отскочившая от затылка гайка гулко застучала по металлическим бокам и впадинам силового агрегата. Пострадавший обернулся, но встретил его только злорадный кашляющий смех оскалившейся мальчишеской стаи. Офицер-преподаватель быстро замял конфликт, но только в этом классе. На перемене почувствовавшая безнаказанность гопота уже не скрывала своего презрительного отношения. Они громко гоготали о том, как неплохо было бы в таком же составе попасть по распределению в призыв.

Раз я ходил на занятие по вождению в гараж ДОСААФ. Матерый, плохо выбритый водитель лет пятидесяти с неестественно широкими запястьями с неудовольствием оглядел нас троих и как водится с матерцой высказал все, что думал по поводу дополнительной нагрузки в виде учебных часов. Потом, сославшись на плановую замену масла, крайне не простой процесс у КАМАЗа вездехода, отправил нас в гараж, в яму, где показали нам днище этого исполина с рельсами рам, передачей на три оси и огромными рифлеными шинами.

Я бросил автошколу. Так и не узнал я, как закончилась судьба той группы, попали ли они в одно распределение.

Дерганый, тоскливый был тот первый год после школы. С одной стороны учеба в лицее неожиданно увлекла меня. С другой стороны, никак не помогло это скособоченной моей социализации. Ну а военкоматский опыт только укрепил меня в мысли о своей обособленности. Когда подошло время начинать учебу на вечернем отделении университета, я был все так же отрешен и малоспособен к контакту. Очень примечательным в этом контексте была одна из первых моих лекций по математическому анализу, называемому студентом сокращенно «матан». На нее явился лысоватый, высокий и тощий доцент с кафедры «Высшей Математики». Отворив аудиторию, у которой сгрудились студенты, он разложил на преподавательском столе журнал посещений и методические пособия, после чего отступил к окну и уставился в него остеклявлено. Студенты расселись по местам, погалдели как водится, вынули тетради с писчими ручками, после чего обратили внимание, что доцент наш стоит как робот неподвижно в той же позе, и нельзя понять, то ли уснул он, то ли задумался, так отвлечен, безжизнен был вид его. Произошел неизменный в такие моменты студенческий «хихик», даже барышни зашущукались, глядя на странного в задумчивости своей преподавателя. А сосед мой по парте, с которым знаком я был только два занятия, сказал мне вдруг: «Посмотри-ка. В точности как ты!» Прозвенел звонок, доцент немедленно очнулся и каменная маска на физии его сменилась живой, с полуглупой улыбкой. Преподаватель шепеляво представился и начал занятие. Узнал я потом, что вел у нас тогда лекции один из сильнейших математиков нашего университета, ныне доктор наук. Регалии и таланты его мало помогали нам, первокурсникам, однако же этот провал его погруженности надолго остался в памяти. И странные-странные гипотезы крутились у меня, о чем же думал доцент, когда только явился, высокий, сутулый, с сентябрьской непогоды в полутемную сырую аудиторию первого этажа третьего университетского здания, где велись вечерние занятия. Решал ли он в то время математическую задачу, сродни квантовых моих состояний узлов нейронной сети. Или же о личной какой ситуации размышлял, машина его обрызгала, поссорился с супругой или на кафедральном заседании устроили разнос. Этого я не знал, но эта его безжизненная отстраненность, сравненная с моей, занозой долго сидела в моей голове.

Литературные мои пристрастия претерпели к тому времени существенный сдвиг в сторону фэнтези и научной фантастики. Детективы и романтическую классику, французскую и английскую, которую так любила моя мама и выменивали мы с нею в свое время на макулатуру, я одолел давно. Я доставал книги где только мог, если же не было, перечитывал старое, прячась за твердыми и мягкими обложками в транспорте, на остановках и даже в институте, в ожидании занятий.

Научной склонности во мне не было, только интерес к учебе как таковой. Инерция приданная мне токарным дипломом, обернулась интересом к предметам высшего образования, в особенности специализированным: комбинаторика, моделирование систем, логика и математический анализ. После мытарств с заводом и военкоматом, я крайне ответственно относился к посещению и в течении всего первого семестра не пропустил ни одного занятия. Не то, чтобы был я вопиюще пунктуален, случалось, что опаздывал, но так, чтобы не прийти на пару, такого не было.

Важным аспектом первой моей осени в университете был факт, что летом стукнуло мне восемнадцать и я превратился в полноценного призывника. Осенний призыв был моим призывом, и мысль эта, усиленная мрачными последними впечатлениями о военкомате и потенциальных сослуживцах порядочно пугала меня. Вечернее образование, как очно-заочное, отсрочки от армии не предоставляло. Почему-то не сомневался я, что переvedусь с вечернего на дневное. Виделось мне, что только полгода с январской сессией отделяют меня от вожделенной отсрочки и очного отделения.

Помню, как повестку принес сначала такой же как я застрашенный призывник, потом офицер из военкомата, а затем два раза участковый. Я договорился с отцом, что поживу несколько недель у него, в однокомнатной малосемейке, доставшейся ему после размена. Жил он тогда один, поссорившись с новой своею женой, которая съехала от него. Оправившись после первого шока от сбойшего, угасающего своего завода, который по инерции продолжал еще производство и ремонт выпущенных ранее электронных машин, отец хватался теперь за любую работу – сверхурочные, командировки. В первую же неделю я столкнулся с новой отцовской женой: приехала она к нему на квартиру, мириться. Там был я, а отца не было. Она поинтересовалась сухо, где он. Я ответил: в командировке. Она вспыхнула и ушла, не поинтересовавшись даже, когда он вернется.

Продержался я у отца недели две с половиной. Решил он все-таки съехаться с пассией и в не терпящей возражений своей манере известил меня, что есть у него семейная жизнь, несовместимая с временным проживанием взрослого сына в однокомнатной малосемейке. Я переехал к бабушке Пелагее, только изредка ночуя дома, с мамой и Аленкой.

Настало время познакомить истомленного, а то и раздраженного моего читателя с персонажем, закрепившимся в жизни моей на постоянной основе с того далекого момента, как встретил я его на вечерних занятиях. В группе вечернего отделения училась со мною девушка Катя, по фамилии Скитальских. Я представил ее читателю в одной из предыдущих глав, как общую нашу подругу с Анатолием, но началась история моего с нею знакомства именно на занятиях вечерников. Правда, я скорее разочарую читателя этим знакомством, нежели дам повод для любопытства или спекуляции. Катя в то время была высокой, болезненно худой барышней с растрепанными вьющимися русыми волосами, с островатыми чертами лица, которые никуда впрочем не делись, и крайне ответственно учившейся. Закончила Катя школу свою с одной четверкой, отчего не получила золотой медали и проскочила мимо крайне востребованного в тот год очного отделения. Чем привлек ее технический ВУЗ, я тогда не знал, да и не интересовался, ведь сказать по правде не умел я толком объяснить, какая причина привела в университет меня самого. В какой-то степени «так надо», в какой-то «математический», видимо, склад ума, да не стану даже в подробности вдаваться. Возвращаясь к знакомству с Катей, не произвела она на меня тогда ни малейшего впечатления, успешно слившись с двадцатью другими одноклассниками. Мы посещали вместе занятия, выполняли задания, получали оценки, никак не взаимодействуя вне этой деятельности. Вообще, признаться, я так одичал в те несколько месяцев, с учетом военкоматской своей нервозности, что совсем не запомнил первой своей университетской группы. Только преподаватели: тощий высокий доцент, ведущий «Математический анализ», важная дама-профессор по «Культурологии», да седой, часто сморкающийся преподаватель «Моделирования систем», остались у меня в памяти с той поры.

Выделю я пожалуй один абзац на отношения с барышнями. Короток будет он, в пику ожиданиям. В ту восемнадцатилетнюю пору, самый что ни на есть пост-пубертатный период, противоположный пол, девушки, совершенно не присутствовали в моей жизни. В школе, до того еще, как стать изгоем, никак не выделялся я из ребят, и больше интересовали меня мальчишеские интересы – стройки, посиделки и книги. Потом, сделавшись уже обособленным в классе, я попадал иногда в поле зрения одноклассниц, но выступали они чаще защитницами моими, когда слишком уж увлекались мои обидчики. Что тоже не способствовало возникновению дружбы. В училище я так был сконцентрирован на учебе и том, чтобы молниеносно переместиться из учебных кабинетов в укромное «домой», что две редкие барышни, обучавшиеся со мной на токаря, не оставили у меня даже смазанного воспоминания. Ну а первый семестр в ВУЗе выступил лишь логичным продолжением лицейской истории, усиленной конфликтами на заводе и в школе ДОСААФ. Катя, хотя и выпало ей сыграть немаловажную роль в моей жизни, была в то время лишь статистом в студенческой моей группе.

К концу семестра, когда начиналась на вечернем отделении сессия и весьма положительно складывалось у меня с оценками, я отправился в деканат. К тому времени я получил автоматом зачеты по большинству дисциплин и даже «Отлично» за один экзамен.

Факультетский деканат и поныне располагается на первом этаже седьмого учебного здания, направо из фойе. Я явился в приемный час заместителя декана, отвечающего за первый, второй и третий курсы, Роберта Олеговича Сабирзянова, и к своему удивлению обнаружил в очереди Катю Скитальских. Это был пожалуй первый раз, когда целенаправленно обратил я на нее внимание. Оказалось, что планы ее совпадают с моими, и состоят в том, чтобы взамен «счастливиц», вылетевших из университета после первого семестра, перевестись на дневное отделение. Мы вместе подошли к Роберту Олеговичу с этим вопросом.

Он смерил нас бывалым взглядом, с вечной своей полу-улыбкой, в которой по своему желанию можно было прочесть сочувствие и насмешку, и пояснил, что наивно было бы надеяться, что медалисты и олимпиадники, которыми забит был факультет в тот год, после первого семестра гроздьями начнут освобождать насиженные вузовские места. Ведь помимо непосещаемости и неуспеваемости по отдельным предметам существует еще и сессия. По результатам которой первокурснику дается почти семестр, чтобы попытаться удержаться на выскальзывающем из-под ног граните науки.

Не помню совершенно Катину реакцию на такую новость, но у меня от отчаяния заискрило в глазах. Вся последняя беготня между бабушками и родителями, повестки с милицией на дом в разное время суток изрядно измотали меня. Помню, что срывающимся голосом спросил я Роберта Олеговича: какие еще есть у студента-вечерника варианты перевода на дневное? На что получен был честный и развернутый ответ, что шансов на свободное бюджетное место после первого семестра практически нет. Однако на очном отделении, помимо бесплатного обучения, наличествует еще и платное, и в каждой группе имеется квота на число таких студентов.

По правде сказать, ВУЗ был страшно рад каждому платному студенту, особенно в ту пору безвременья, когда государственное финансирование стало вдруг приходиться с перебоями. С увлеченностью, в которой прочитал я заботу о нервическом своем состоянии, рассказывал Роберт Олегович о платном очном отделении. Упомянул он, что если результаты платного обучения будут отличными, факультет оставляет за собой право перевести такого студента на бюджетную, бесплатную форму. Это, убежденно говорил Роберт Олегович, единственный путь быстрого и гарантированного перехода на дневное после первого семестра на вечернем. Разница между дневным и вечерним отделениями даже по дисциплинам была существенная, и досдавать ее требовалось в любом случае. Если протянуть еще семестр, то различие становилась таковым, что ВУЗ согласовывал переводы только с потерей учебного года.

Тяжелый был разговор с родителями тогда. Как это ни странно, но даже отец, который неизменно ставил мне в укор нежелание идти в армию, не стал меня стыдить, а просто собрал значительную часть нужной суммы. Остальное наскребли мама с бабушкой, где-то занявши. Я немедленно бросился оформлять документы, обнаружив что параллельно со мной документы оформляет и Катя. Ту первую свою сессию я сдал паровозом. За исключением забегов в первое здание университета, где исторически заседает администрация, я полностью сконцентрировался на экзаменах. Вряд ли я смогу похвастать, что заучил все дисциплины полугодического курса, однако же ответы отскакивали у меня от зубов и к середине экзаменационной сессии я закрыл семестр с отличием, а еще через неделю официально получил документы о переводе на дневное отделение с подписью декана. В тот же день, в коридорах первого здания мне выдали долгожданную справку-отсрочку от армии.

Ноги тогда сами донесли меня до военкомата с его казематными коридорами и метровыми стенами, четко ассоциирующимися в моей голове с пыточными. Я не мог дожидаться, когда очередь из новоявленных призывников разойдется и наконец предоставлю я желанный документ. Густо покрашенная служащая узнала меня и даже подразнила, сказав чтобы не лопнул я от плохо скрываемой радости, перед тем как приложить справку к моему делу.

Вот так, дергано, с некоторым истерическим накалом сделался я студентом дневного отделения университета, факультета «Технической Кибернетики» по направлению «Информатика и Вычислительная Техника». Где и обнаружил в первых числах февраля, в те самые дни, когда начался весенний семестр, Катю, которая перевелась в параллельную группу моего студенческого потока. Распределение по группам происходило случайным образом и «платниками» группы укомплектовывали с тем, чтобы близкое к равному число студентов было в каждой группе. Поэтому не было здесь ничьего злого умысла, что оказались мы в разных группах. Я, признаться, рад был увидеть единственную знакомую Катю на первой своей лекции, на которую собирали обыкновенно все группы учебного потока.

Несмотря на мое довольно теплое со школы отношение у университету, вечернее обучение оставило у меня умеренно сдержанное чувство. Сумрачное время, осень, после шести вечера, подергивающийся люминесцентный свет гулких полупустых коридоров и истрепанные аудитории третьего университетского здания не несли особенного воодушевления. Однако все эти впечатления и опыт были вчистую переписаны особой атмосферой очного отделения. Здесь кипела жизнь, коридоры и этажи были заполнены молодежью, слышались галдеж, смех. Студенты, вчерашние школьники, словно бы выросли в другом, отличном от мрачного моего города. Может быть сказывался особый контингент поступивших в том году, сплошь состоявший из медалистов и олимпиадников, выходцев привилегированных школ. Я не замечал здесь жавшихся по углам, не встречал «гопоты», неотъемлемой, как мне казалось, составляющей моего выпуска. Меня, ершистого и нелюдимого, силами наиболее дружелюбных студентов, немедленно втянул в себя новый коллектив. Старательно отсекая лишнее, я рассказал о том, как же оказался в группе только ко второму семестру, все еще не веря, что такие компании встречаются где-то, помимо телевизионных сказок о «Петрове и Васечкине» и «Приключениях Электроника».

Через две недели стал я участником студенческой пирушки, на тему успешно защищенного первого семестра. Устраивали ее в в комнате студенческого общежития. Кровати были вынесены к соседям, на сдвинутых тумбочках собран был нехитрый стол, и под неизвестную мне ударно бессловесную музыку, вчерашние скромные школьные отличники вполне себе повзрослому тряслись-танцевали, шутили и выпивали. Шустрый староста нашей группы, приезжий Игорек, умудрился даже уединиться с бойкой и голосистой отличницей Марией, за которой он отчаянно ухлестывал, в комнате, заставленной кроватями. Впоследствии они поженились.

Совершеннейше неприспособленный к таким групповым мероприятиям, я во все глаза наблюдал за одногруппниками. Впечатления были для меня новыми, словно бы впервые видел я других, настоящих людей, с которыми, в первом приближении, мне было комфортно. В дальнейшем, именно такого студента, пусть порой и плохо-организованного, но открытого и жизнерадостного, каким почти не был я сам, мне всегда хотелось учить.

Логично было бы здесь завершить вторую волну исторической своей идентичности, воспоминания о которой заставляют меня с дрожью переживать юношеские эмоции. Однако я задержу стойкого своего читателя еще на пару абзацев, перед тем как окунуться снова в водоворот основной сюжетной линии. Напомню, что жизнеописание свое привожу я ради важнейшей по моему разумению цели – составить полную картину сюжета, включая аспекты, уходящие корнями в детство. Дважды еще предстоит читателю вернуться к моей биографии: познакомиться с периодом моего взросления и погружения в науку.

Итак, стал я, наконец, частью молодого студенчества высшей технической школы, с его конференциями, стройотрядами, кавээнками и олимпиадами. В последующие за февралем месяцы я успешно досдал необходимые зачеты и экзамены, закрывши разницу между семестром вечернего и дневного отделения. Именно тогда я по-настоящему познакомился с Катей, с которой решали мы одну задачу. Несмотря на то, что в группах мы с нею значились разных, специальность у нас была одна, студенческая открытость передалась частично и мне, и с большей тепер охотой шел я на контакт, не сбегая при первой возможности. Преподаватели, наметанным глазом оценивая студентов по степени рвения и состоянию зачетной книжки, особенно нас не мучили.

Первая серьезная перестройка случилась со мной в тот год в университете. Опыт мой, состоящий из необжитых микрорайонов, конфликтующих родителей и устрашающих молодежных групп у подъездов, стал существенно расширяться и меняться. В нем появились молодые люди с интересным мне кругозором, появилось пространство для общения и даже возник противоположный пол, вышедший наконец из тени мальчишеских книжных мечтаний, запрятанный туда в предыдущей моей жизни. Хотя и не делись никуда бытовые неурядицы, сложные отношения с родителями, да и город не поменялся в одночасье, но внутреннее напряжение последних лет стало спадать, пока не сгнуло окончательно ко второму моему курсу, когда с отличием закрыв вторую сессию был я переведен на дневное бесплатное отделение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.